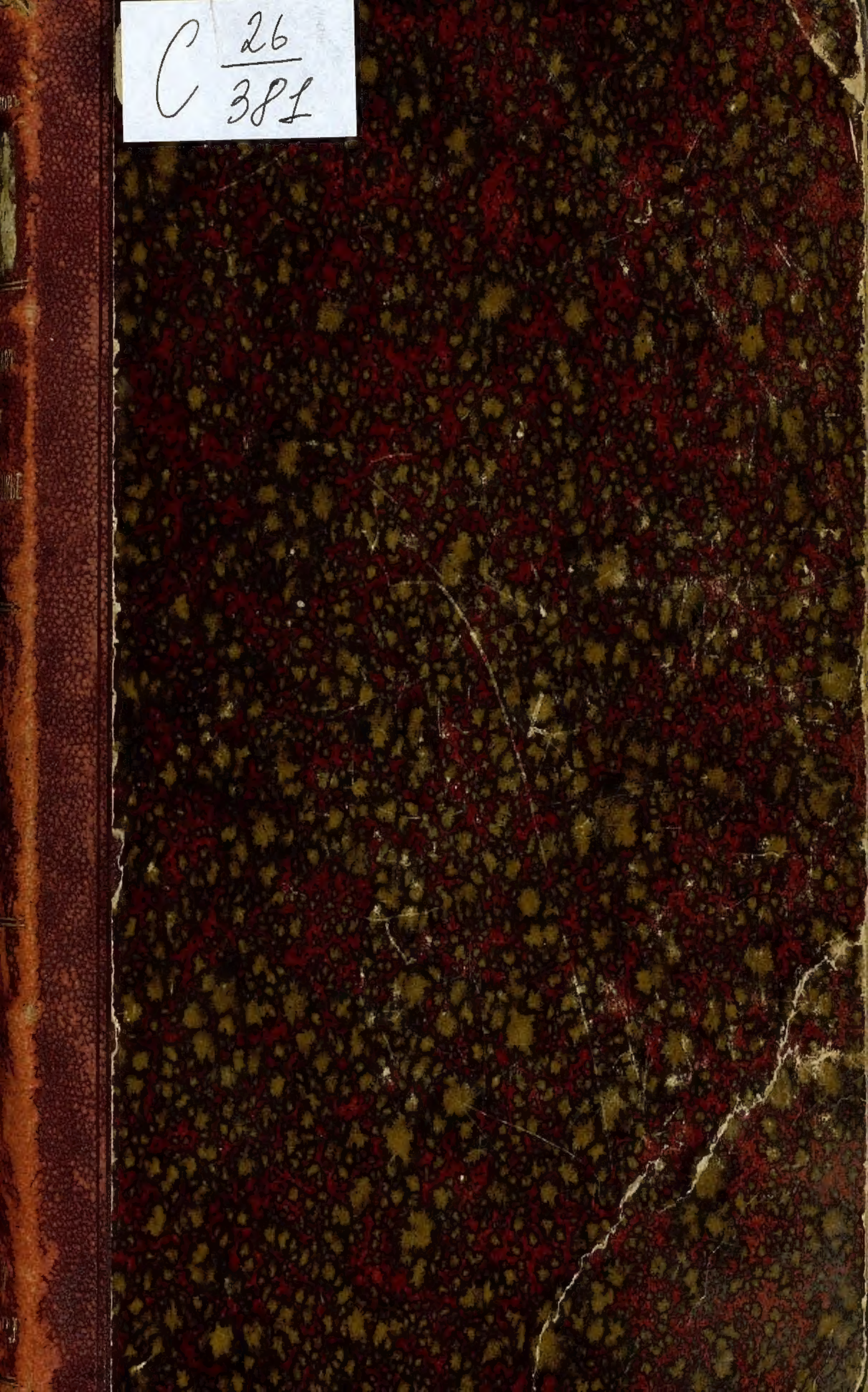

АХ. ЦАЛИКОВЪ.

КАВКАЗЪ И ПОВОЛЖЬЕ.

ОЧЕРКИ ИНОРОДЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННАГО БЫТА.

ИЗДАНІЕ
М. МУХТАРОВА.

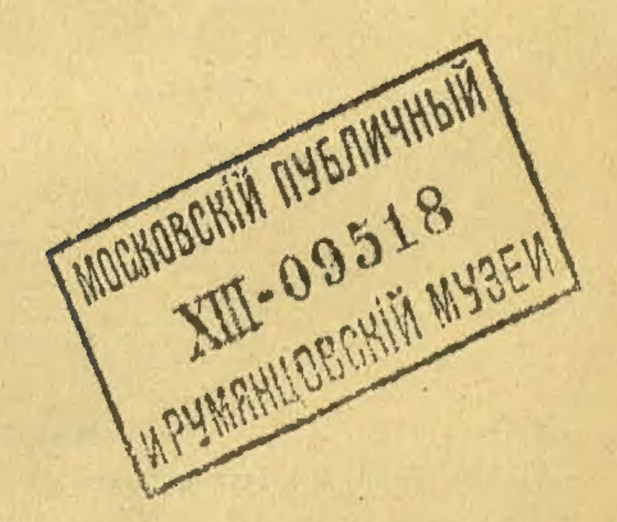
МОСКВА,
1913 г.

АХ. ЦАЛИКОВЪ.

КАВКАЗЪ И ПОВОЛЖЬЕ.

ОЧЕРКИ ИНОРОДЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННАГО БЫТА.

ИЗДАНІЕ
М. МУХТАРОВА.

МОСКВА,
1913 г.

МОСКВА.
тип. А. І. Теръ-Арутюнова и К°, Тверская, 33, Телефонъ 69-67.
1913 г.

Отъ автора.

Россійская Имперія переживаетъ великую эпоху внутренняго строительства. Наслѣдіе прошлаго, того прошлаго, которое привело страну къ Мукдену и Цусимѣ должно быть ликвидировано. Новая жизнь на твердыхъ правовыхъ началахъ должна восторжествовать,—она залогъ истиннаго величія страны.

И эта новая жизнь властно диктуетъ среди ряда другихъ — одно условіе: въ Россіи не должно быть *сыновъ и пасынковъ*.

Пасынкамъ русской государственности, *еще не сумѣвшимъ* въ тяжелой борьбѣ за существованіе выработать необходимыхъ орудій самозащиты, и посвящена настоящая книга.

Если на тяжелой судьбѣ этихъ пасынковъ, настоящій сборникъ статей хоть нѣсколько остановитъ вниманіе русскаго читателя, то цѣль его достигнута.

Страничка прошлаго.

I.

Нѣтъ, кажется въ Россіи другого населенія, жизнь котораго находила бы себѣ такое ничтожное освѣщеніе въ печати, какъ жизнь почти двухъ милліоновъ кавказскихъ горцевъ, „забытыхъ и Богомъ и людьми“, затерявшихся въ глухихъ горныхъ ущельяхъ.

Кавказская пресса, то сдавленная тяжелыми тисками цензурныхъ ограниченій, то сдерживаемая угрозою суровыхъ административныхъ каръ, ни прежде ни теперь не рѣшается освѣщать жизнь кавказскихъ горцевъ, иначе какъ только робкими и осторожными полунамеками.

О всестороннемъ освѣщеніи нуждъ кавказскихъ горцевъ нечего и говорить. Изрѣдка мелькнетъ какая либо корреспонденція и потонетъ въ морѣ газетныхъ строкъ.

Толстые журналы рѣдко удѣляли Кавказу должное вниманіе. Они, если и касались Кавказа, то главнымъ образомъ жизни Закавказья. Рѣдко-рѣдко появлялись воспоминанія или путевыя замѣтки человѣка, случайно заглянувшаго въ ущелья кавказскихъ горъ, да почти въ никѣмъ не читаемыхъ офиціальныхъ изданіяхъ помѣщались ученыя изысканія офиціальныхъ изслѣдователей, проникнутыя явной тенденціей расцвѣтить яркими красками „благодѣтельные“ результаты русской политики на Кавказѣ.

Своеобразныя историческія судьбы кавказскихъ горцевъ, сохранившія въ теченіе многихъ лѣтъ въ нетронутомъ видѣ ихъ языкъ, нравы и обычаи, создавали обширное поле для плодотворныхъ научныхъ изслѣдованій. И пытливый умъ ученыхъ русскихъ и иностранныхъ, время отъ времени останавливался на жизни горцевъ, извлекая изъ нея богатѣйшія данныя въ области лингвистики, этнографіи, антропологіи, сравнительнаго правовѣдѣнія. Но все это дѣлалось разрозненными усиліями отдѣльныхъ ученыхъ, а не планомѣрной и упорной работой коллективовъ. Получались отдѣльныя отрывки знаній, подчасъ яркіе и захватывающіе, но далеко не исчерпывалось все поле научнаго изслѣдованія. И, если въ области чисто научныхъ изысканій все же кое-что и сдѣлано, то въ области изслѣдованія русской политики по отношенію къ туземцамъ С. Кавказа попадаются только газетныя и журнальныя статьи, разрозненныя, не систематизированныя, не объединенныя никакими общими идеями, весьма различной цѣнности. Эти статьи рѣдко обращали на себя общественное вниманіе. Самое представленіе о горцахъ среди русскаго общества всегда было въ высшей степени смутнымъ и ошибочнымъ.

Вотъ почему мы полагаемъ, что освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ образа дѣйствій россійской бюрократіи по отношенію къ горцамъ С. Кавказа не будетъ лишено интереса.

Старая истина гласитъ: для пониманія настоящаго необходимо знаніе прошлаго и это особенно необходимо тамъ, гдѣ настоящее такъ глубоко заставляетъ задуматься надъ собой.

Вскрыть нѣкоторыя черты прошлаго въ области россійской политики на Кавказѣ, дабы подготовить у читателя пониманіе трагедіи настоящаго — вотъ задача предлагаемой статьи.

.....И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно,
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно,
Но не спасла васъ ваша кровь
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!..
. . . .

Пушкинъ.

Подчинивъ себѣ Казань и Астрахань, Россія пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ Кавказомъ, съ какового времени и начинаются у московскихъ царей съ этимъ краемъ, то мирныя, то враждебныя сношенія.

Персія, Турція и Крымъ стремились утвердить свое господство на кавказскомъ перешейкѣ. Необходимость обороны противъ этихъ могущественныхъ въ то время державъ побуждала и Москву привлекать населеніе Кавказа въ сферу своего вліянія.

Въ то же время нападенія сосѣднихъ племенъ на русскія пограничныя поселенія заставляли принимать серьезныя мѣры къ укрѣпленію границы. Съ этой цѣлью на

границѣ соприкосновенія русскихъ владѣній съ Кавказомъ устраивались укрѣпленія, военныя поселенія, кордоны, образовывавшіе такъ называемыя военныя линіи.

Ожесточавшаяся борьба съ туземными племенами въ свою очередь заставляла пограничныхъ воеводъ содержать эти линіи въ боевой готовности для чего систематически истребывовались у правительства высылки подкрѣпленій войсками и поселенцами, къ которымъ охотно примыкала всякая бродячая вольница, разные бѣглые люди и искатели приключеній.

Все это широко раскидывалось на новыхъ мѣстахъ, вдали отъ давящей силы центральной власти.

Непрекращавшійся притокъ свѣжихъ силъ къ окраинамъ давалъ возможность русскимъ переходить къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ сосѣднихъ племенъ и отбирать у послѣднихъ разныя угодья.

Такъ, шагъ за шагомъ, русская пограничная линія продвигалась къ предгорьямъ Кавказа.

Между тѣмъ торговыя сношенія Россіи съ Азіей все увеличивались, а великій торговый путь шелъ черезъ Кавказъ. Это дѣлало послѣдній, желанной добычей русскихъ царей. Вопросъ о покореніи Кавказа становился на очередь дня. Кстати разыгравшіяся въ концѣ XVIII вѣка въ Закавказьи событія имѣли въ этомъ направленіи рѣшающій характеръ.

Расколотая на отдѣльныя владѣнія Грузія, помимо ужасовъ кровавой междуусобной войны, время отъ времени должна была переносить разорительныя нашествія персовъ и турокъ и еще въ 1656 г. кахетинскій царь Александръ II испрашивалъ покровительство у царя Ѳеодора Алексѣевича. Съ тѣхъ поръ съ просьбой о помощи, то для борьбы противъ персовъ и турокъ, то для борьбы съ различными претендентами на грузинскій престолъ изъ Закавказья отправлялись посольства за посольствами, пока манифестомъ Александра І-го въ 1801 г. Грузія не была присоединена къ Россіи.

Съ этого времени начинается рѣшительный переломъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ кавказскихъ племенъ, которыхъ начинаютъ тѣснить и покорять съ обѣихъ сторонъ кавказскаго хребта.

Натискъ русскихъ на предкавказскую равнину и положилъ начало черкесской войнѣ, окончившейся только въ 1864 году.

Если въ первое время, послѣ начала черкесской войны, русскіе ограничивались все тѣмъ же передвиженіемъ впередъ вышеуказанной нами оборонительной линіи, стѣсняя горцевъ въ пользованіи пастбищами, а также время отъ времени совершая экспедиціи для „наказанія" горцевъ, ожесточенно нападавшихъ на русскія станицы, клиномъ врѣзывавшіяся въ территорію искони считаемую горцами своею, то въ 30-хъ годахъ эта *система „репрезалій"*, какъ ее тогда называли, была оставлена.

Система „репрезалій" уступила мѣсто планомѣрному движенію русскихъ войскъ съ проложеніемъ дорогъ, прорубкой просѣкъ и одновременнымъ колонизованіемъ закубанскаго края. Немедленно на очищаемыхъ отъ горцевъ мѣстахъ устраивались казачьи станицы и русскіе поселки.

Въ то же время русскіе старались ослабить горцевъ, ссоря ихъ между собой, вооружая одно племя противъ другого, а внутри отдѣльныхъ племенъ, поддерживая и разжигая вражду между отдѣльными классами.

Исторія гласитъ: еще съ 1782 г. „съ этого отдаленнаго времени появились попытки и даже принималось за правило, для упроченія русской власти на Кавказѣ, ссорить между собою кавказскія племена, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше насъ въ покоѣ. Въ виду достиженія этой цѣли различными способами ингуши и чеченцы были поссорены между собою и въ іюлѣ 1783 г. сразились, имѣя съ каждой стороны до 1000 чел., результатомъ битвы этой было пораженіе ингушей и отбитіе у нихъ до 2000 баранты". [1]) Та же политика натравливанія и раздѣленія преслѣдовалась русскими и внутри отдѣльныхъ племенъ.

Въ 20-хъ годахъ 19 столѣтія *ген. Ермоловъ* нерѣдко посылалъ напр., кабардинцамъ прокламаціи, вооружавшія простой народъ противъ князей, но уже въ 40-хъ годахъ окончательно утвердилась та тенденція, которая красною

---

[1]) Матеріалы для новой исторіи Кавказа *П. Буткова* СПБ. 1869 г., ч. II стр. 13.

нитью проходитъ во внутренней политикѣ правительства среди горскихъ племенъ: принято за систему поддерживать высшее сословіе, чтобы при его помощи управлять народомъ. Эта основная тенденція внутренней политики нашла себѣ яркое выраженія въ донесеніи отъ 1846 г, бывшаго намѣстника Кавказа *кн. Воронцова* на Высочайшее имя по поводу закрѣпленія за мусульманскими беками правъ на землю мусульманскихъ крестьянъ:

„Вездѣ, гдѣ народъ находится на низкой степени гражданственности правительству несомнѣнно труднѣе дѣйствовать на массы, нежели на одно сословіе, болѣе просвѣщенное и слѣдовательно имѣющее большее вліяніе. Здѣсь на Кавказѣ по политическому положенію края, затрудненіе еще ощутительнѣе и потому надлежитъ не только не посягать на права высшаго сословія, но всѣми мѣрами стараться объ огражденіи и укрѣпленіи оныхъ, ибо только одно аристократическое начало можетъ побороть то направленіе *демократическое*, которое развилось и такъ глубоко пустило корни свои и противъ котораго къ сожалѣнію доселѣ, кромѣ оружія, никакого оплота противопоставлено не было [1]).

Хотя эти строки относятся къ политикѣ на южномъ Кавказѣ, но онѣ сохраняютъ полную силу и для сѣвернаго.

Дѣйствительно, въ исторіи войны съ кавказскими горцами мы видимъ постоянное сближеніе между высшимъ горскимъ сословіемъ и кавказской администраціей. Борясь противъ демократическихъ стремленій своихъ соплеменниковъ эти благородныя сословія горцевъ весьма часто успѣшно опирались на силу русскаго оружія.

„Такъ у черкесовъ“ партія аристократическая, слабая и отживная (исключая кабардинцевъ, у которыхъ она была въ силѣ) нѣсколько разъ обращалась къ русскимъ съ просьбой помочь ей, обѣщая признать надъ собою власть русскаго правительства...

Уличенная среднимъ сословіемъ въ тайныхъ переговорахъ съ русскими, партія эта одинъ разъ была призвана на судъ народнаго собранія и обложена большими пенями и послѣ

---

[1]) Сводъ матеріаловъ по изуч. экономич. быта государств. крестьянъ Кав. Края. *Т. С. Тихеева* ч. II. стр. 14.

этого не отваживалась больше составлять большіе заговоры". [1])

У кумыковъ, „обширный просторъ плоскости, малолюдность, а потому отсутствіе цѣнности на землю, никого не побуждала искать личнаго владѣнія землею, какъ собственностью, которое тогда только получило начало, когда кумыки усвоили отъ русскихъ понятіе о значеніи права собственности на землю.

Новизной этой поспѣшили воспользоваться кумыкскіе князья и русскіе правительственныя власти безъ строгой разборчивости и послѣдовательности снабжали ихъ охранными листами, въ которые по незнанію мѣстности и обычнаго права вкрались опредѣленія, послужившія впослѣдствіи основой къ долголѣтнимъ спорамъ владѣльцевъ между собою и постепенному лишенію народа права собственности на землю. Съ того времени владѣльцы, снискавъ довѣріе у русскаго начальства, обласканные имъ и отличенные чинами за военныя заслуги, начали развивать значеніе полученныхъ ими актовъ для ослабленія правъ народа и возвеличенія своихъ собственныхъ правъ. Усиливавшійся гнетъ князей вызвалъ ропотъ народа, который особенно сильно проявился въ концѣ 18-го и въ началѣ настоящаго столѣтія, такъ что владѣльцы, чтобы остановить справедливый ропотъ народа, вынуждены были дѣлать съ нимъ условія, которыми предоставляли ему большую свободу въ пользованіи землею и водою, но при первомъ же случаѣ вновь нарушали заключенныя условія.

Постоянное своеволіе князей, поддерживаемое вліятельными узденями, которыхъ они привлекли на свою сторону, уступивъ имъ часть присвоенныхъ себѣ правъ на землю, по всей вѣроятности, привело бы къ тому, что народъ поступилъ бы со своими владѣльцами точно также, какъ поступили нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ за Кубанью тлофитли (свободные землепашцы), возставъ открыто противъ князей и выгнавъ ихъ изъ своей среды, если-бъ въ 1819 г.

---

[1]) *Русс. Вѣст.* т. XXVIII стр. 540. О политич. устр. черкесс. плем. населяющихъ сѣверо-восточн. берегъ чернаго моря.

кумыкская плоскость не была занята русскими войсками". [1])

Приходъ русскихъ войскъ далъ окончательное преобладаніе кумыкскимъ князьямъ надъ народомъ.

Такъ, русскіе, искусственно поддерживая одну часть горцевъ противъ другой, ослабляли силы горскихъ племенъ. Но все жъ опасность заставляла горцевъ, насколько имъ это удавалось, объединять свои силы.

Они собирались массами, составляли союзы, производили ожесточенныя нападенія на русскія войска и поселенія, но съ каждымъ разомъ они убѣждались все больше и больше въ невозможности удержать наступательное движеніе русской арміи.

Стѣсняемые все сильнѣе, сжимающимся кольцомъ русскихъ войскъ, черкесскія племена одно за другимъ складывали оружіе. Положеніе ихъ становилось невыносимымъ и *гр. Евдокимовъ*, вполнѣ оцѣнивъ это, придумалъ хитроумный планъ успокоенія зап. Кавказа на вѣчныя времена. Рѣшительное наступленіе войскъ сопровождалось требованіемъ *безусловной покорности*, которая должна была выражаться согласіемъ горцевъ выселиться на плоскость изъ горъ и подчиниться во всемъ русскому правительству. Не желавшимъ выполнить это требованіе предоставлялась свобода выселенія въ Турцію за собственный счетъ и страхъ.

Въ письмѣ *ген. Карцова къ Новикову*, повѣренному россійскаго государства въ Константинополѣ, отъ 18 октября 1863 г. за № 8, можно прочитать слѣдующія любопытныя строки: „Задача кавказской арміи близится къ концу. Стѣсненные въ узкой прибрежной полосѣ горцы при дальнѣйшемъ наступленіи войскъ будутъ поставлены въ отчаянное положеніе. Немногіе изъ нихъ *могутъ согласиться* покинуть живописную природу родины, чтобы переселиться на прикубанскую степь.

А потому въ видахъ человѣколюбія и въ видахъ облегченія задачи, предстоящей нашей арміи необходимо открыть имъ другой выходъ: *переселеніе въ Турцію*"!.

---

[1]) *П. Гавриловъ.* Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвер. Кавказа. Сборн. свѣд. о кавказскихъ горцахъ, вып. II стр. 40, 1869 г.

Въ этомъ духѣ и было сдѣлано распоряженіе.

Офиціальный историкъ переселенія кавказскихъ горцевъ въ Турцію, Берже, написавшій свой трудъ въ противовѣсъ нападкамъ иностранной прессы на политику переселенія кавказскихъ горцевъ и формъ его осуществленія, такимъ образомъ иллюстрируетъ это распоряженіе кавказской администраціи.

„Всѣ предложенія нашего правительства горцамъ о свободномъ выселеніи ихъ на плоскость, гдѣ имъ безплатно отводились въ собственность участки, мало достигали цѣли. Къ тому-же самый размѣръ надѣла, по 6 дес. на душу, казался слишкомъ ничтожнымъ горцамъ, привыкшимъ свободно размѣщать свои хозяйства на землѣ, никому не принадлежавшей.

Вотъ почему выселеніе горцевъ къ намъ состоялось въ размѣрѣ весьма ограниченномъ и не превосходило 100.000 душъ т.-е. одной шестой части всего черкесскаго народа“ [1]).

Но даже и этимъ обѣщаніямъ горцы не могли вѣрить, т.-к. опытъ прошлаго показывалъ имъ, какова цѣнность этихъ обѣщаній.

Такъ „покорные аулы получали почти всегда обѣщанія отъ начальства, что они останутся на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ водворены“, но примѣровъ очищенія этихъ мѣстъ отъ горскихъ поселеній для новыхъ казачьихъ станицъ было достаточно для того, чтобы „горцы плохо вѣрили такимъ обѣщаніямъ; тѣмъ болѣе, что на категорически предложенный вопросъ о томъ, какъ будутъ они надѣлены землею, получались въ большинствѣ нерѣшительные отвѣты“ [2]).

Самыя земли, предоставленныя горцамъ, далеко не были лакомыми кусочками. Онѣ обрекали ихъ на жалкое полуголодное существованіе,

„Лучшія, какъ по богатству, такъ и по красотѣ мѣстности, земли закубанскаго края не вошли въ районъ горскихъ округовъ и достались въ надѣлъ большей частью

---

[1]) *Русск. Старина.* 1882 г. т. XXXIII. стр. 347. *П. Берже.* Выселеніе горцевъ съ Кавказа.

[2]) *П. Гавриловъ.* Устр. поз. быта горцевъ с. Кав. Сборн. Свѣд. о Кав. горц. вып. II. ст. 4.

казакамъ: земли же, вошедшія въ районъ горскихъ округовъ, въ особенности въ районѣ Урупскаго и Зеленчукскаго, вслѣдствіе истребленія въ этихъ округахъ лѣсовъ подвержены большею частью неблагопріятнымъ условіямъ, свойственнымъ степнымъ мѣстностямъ. Впрочемъ въ Псекупскомъ и кое-гдѣ въ Лабинскомъ и Эльборусскомъ округахъ сохранились еще лѣса, но за то мѣстность перваго округа принадлежитъ къ наиболѣе низменнымъ частямъ прикубанской равнины и потому нерѣдко подвергается во время дождей въ горахъ столь значительнымъ и внезапнымъ наводненіямъ отъ разлива рѣкъ, что застигнутое врасплохъ населеніе нѣкоторыхъ ауловъ бываетъ вынуждено спасаться отъ воды въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ на деревьяхъ, тогда какъ населеніе другихъ округовъ страдаетъ отъ лѣтнихъ засухъ, а въ послѣднемъ Эльборусскомъ значительное пространство занято безплодными скалами" [1]).

Не мудрено, что весьма значительное число горцевъ, убѣждаемое турецкими эмиссарами и русскими агентами, приходило къ единственному выводу—это къ необходимости переселенія въ Турцію.

Въ этомъ переселеніи религіозный фанатизмъ, на который любятъ ссылаться нѣкоторые историки, далеко не игралъ той роли, которую ему обыкновенно стараются приписать, дабы сложить всякую отвѣтственность за судьбы многочисленнаго народа съ тогдашнихъ вершителей судебъ на Кавказѣ.

Если бы религіозный фанатизмъ игралъ ту роль, какую ему стараются приписать, то массовое выселеніе горцевъ имѣло бы мѣсто прежде всего въ Дагестанѣ, гдѣ религіозное начало пустило болѣе глубокіе корни, гдѣ шаріатъ побѣдилъ адатъ, тогда какъ у черкесовъ шаріатъ никогда не могъ сломить адата.

Хорошимъ подтвержденіемъ того, что религіозный фанатизмъ не имѣлъ той силы среди горцевъ з. Кавказа, которую ему любятъ приписывать, можетъ служить отвѣтъ горцевъ англичанамъ и французамъ,

„Во время крымской войны послѣ дессанта въ Крымъ, союзные дипломаты явились на восточный берегъ Чернаго

[1]) ibidem, стр. 66.

моря и предложили горцамъ избавить ихъ разъ навсегда отъ русскихъ, если они примутъ покровительство Англіи. Но, горцы, однако, не попали въ ловушку. Они объявили на такое предложеніе, что противъ русскихъ они собственно ничего не имѣютъ, но воюютъ съ ними потому, что они занимаютъ ихъ земли и, что, если французы и англичане сдѣлаютъ тоже, то они и съ ними будутъ драться также ожесточенно, какъ дрались съ русскими", [1])

Такъ отвѣтили горцы и, естественно, что только отобраніе земли, которую горцы испоконь вѣковъ считали своею, разореніе горскаго хозяйства безпощаднымъ истребленіемъ русскими отрядами всего живого, что попадалось на пути, полная неувѣренность въ будущемъ могли заставить горцевъ, затаивъ въ глубинѣ всю горечь и боль, покинуть родные края. [2])

Горцы, уходя, оставляли свои жилища, уцѣлѣвшій скотъ, запасы хлѣба, а иногда неубранныя нивы. Все это доставалось поселившимся на очищенныхъ отъ горцевъ мѣстахъ казакамъ. Сами же горцы безъ всякаго имущества скапливались въ Анапѣ, Новороссійскѣ и другихъ бухтахъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря. Отсюда ихъ перевозили турецкія кочермы, а также и суда, заарендованныя спеціально для этой цѣли русскимъ правительствомъ.

Однако, всѣхъ этихъ приспособленій для перевозки полумилліона горцевъ было далеко недостаточно и горцамъ приходилось по полугоду и больше ждать очереди на берегу моря подъ открытымъ небомъ безъ всякихъ средствъ къ жизни. Трудно передать тѣ страданія, которыя приходилось испытывать горцамъ буквально тысячами умиравшимъ отъ голода, холода и повальныхъ болѣзней.

Весь сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря былъ усыпанъ трупами и умирающими, между которыми сохранялись

[1]) *Рус. Старина.* 1882 г. *Берже.* Выселеніе горцевъ съ Кавказа стр. 340.

[2]) Интересно отмѣтить отношеніе простыхъ казаковъ къ горцамъ во времена кавказской войны. Вотъ, какъ отзывались эти казаки о черкесахъ, съ которыми имъ приходилось имѣть столько кровавыхъ столкновеній.

..."Тоди жъ це часъ такый бувъ, що ораты доводылось зъ рушницею за плечыма,—орешъ та й оглядаешся, а рушныцю держи напоготови. Тылькы трошки закгавыся,—тутъ тоби й гакъ! такъ не сповидавшысь

небольшіе оазисы еле живыхъ, тщетно ожидавшихъ своей очереди отправленія въ Турцію.

Очевидцы передаютъ ужасныя сцены, видѣнныя ими въ это время.

Такъ одинъ разсказываетъ;

„Въ іюнѣ 1864 г. я отправился изъ Закавказья черезъ Константинополь въ Грецію, а оттуда въ Италію. Это было вслѣдъ за окончаніемъ войны на Зап. Кавказѣ и въ самый разгаръ выселенія горцевъ въ Турцію. Слѣдуя вдоль Анатолійскаго берега, я встрѣчалъ ихъ во множествѣ въ открытомъ морѣ и былъ очевидцемъ ихъ горестнаго положенія въ Батумѣ и Трапезондѣ. Въ ноябрѣ того же года на обратномъ пути изъ Европы, я видѣлъ ихъ при несравненно еще худшей обстановкѣ въ Рущукѣ и Силистріи. Но никогда не забуду я того подавляющаго впечатлѣнія, какое произвели на меня горцы въ Новороссійской бухтѣ, гдѣ ихъ собралось на берегу около 17.000 чел. Позднее ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствіе средствъ къ существованію и свирѣпствовавшая между ними эпидемія тифа и оспы дѣлали положеніе ихъ отчаяннымъ, И, дѣйствительно, чье сердце не содрогнулось бы при видѣ, напр., молодой черкешенки, въ рубищѣ, лежащей на сырой почвы, подъ открытымъ небомъ съ двумя малютками, изъ которыхъ одинъ въ предсмертныхъ судорогахъ боролся съ жизнью, въ то время, какъ другой искалъ утоленія голода у груди уже окоченѣвшаго трупа матери. А подобныхъ сценъ встрѣчалось не мало“. [1])

Помощь, оказанная казною переселенцамъ была очень ограничена (*всего 289,678 р. 17 к.*), ушедшая исключительно на уплату судовладѣльцамъ.

и сгынешъ, якъ собака... А якъ прійдешъ у лисъ по дрова, або деревыну зрубаты ва хату,—зновъ такы беры зъ собою рушныцю; колы жъ куды дали видъ дому треба отлучытыся, то самотою не йды, а хиба въ гурти, бо небезпешно! Ну якъ тилькы заглядивъ его, то вже кгавъ не ловы: кто першый поспишывся, той и панъ, а хто запизнывся—пропавъ, бо черкесъ народъ бидовый, сказано *еройскій народъ*!

— Опасный?

А то жъ! кажу — самый еройскій народъ! Тай меткый же... И середъ насъ булы не абы-яки, бо и мы жъ таки козакы,—ну, а супроты черкеса куды тоби! Бидовый народъ!

---

[1]) Ibidem стр. 363.

Но и тутъ мѣстное преданіе, „сохранившееся среди русскаго населенія, передаетъ ужасныя вещи. Многія барки, нагруженныя горцами, имѣли пробуравленное дно и будучи выведены въ море, *тонули вмѣстѣ съ переселенцами*, а деньги, предназначенныя на расходы, оставались въ карманахъ завѣдывавшихъ дѣломъ лицъ“.

Когда же горцы достигали турецкаго берега, то и тамъ положеніе ихъ далеко не становилось лучше. Каково оно было, можно было судить изъ данныхъ, сообщаемыхъ русскимъ консуломъ въ Трапезондѣ ген. Карцеву въ письмѣ отъ 10 іюля 1864 г. „Въ Батумъ прибыло,—писалъ консулъ,—около 6,000 черкесовъ, смертность *7 человѣкъ въ день*, въ Трапезондѣ высадилось 247,000, изъ нихъ *умерло 19,000 душъ;* ко времени написанія письма оставалось въ Трапезондѣ 63,290 челов., изъ нихъ *умирало отъ 180 до 250 въ сутки:* въ Самсуни и окрестностяхъ было 110,000 чел., ежедневно *смертность достигала 200 чел.* Изъ 4,650 чел., отправлявшихся изъ Трапезонда въ Варну и Константинополь, *умирало въ день отъ 40 до 60 чел.* Всего съ начала переселенія до мая 1864 г. изъ прибывшихъ въ Трапезондъ переселенцевъ *умерло болѣе 30,000 чел.*“

Европейская печать и дипломаты того времени сваливали вину, въ постигшихъ горцевъ несчастіяхъ, на политику кавказской администраціи, и нельзя не согласиться, что въ этихъ нападкахъ была значительная доля правды.

Что переселеніе кавказскихъ горцевъ было дѣломъ рукъ кавказской бюрократіи —это особенно *ясно* по исторіи переселенческаго движенія въ Чечнѣ.

Такъ тоби прямженько на смерть и лизе!...

Тай то треба сказать—*на одчай шшовъ, бо свою ридну землю, свое ридне гниздечко обороня въ. Якъ що по правди говорыты, то его тутъ правда була, а не наша,*—бо це жъ не наши кубаньски степы, де вся земля була зъ дида—прадида наша.—Ну, а вы съ нимъ какъ?—А то жъ якъ? Такъ само и мы! усякому своеи головы жалко: встыгнешъ ранійше застрелыты его—то й панъ; до завтрего, значытся, ще жывый будешъ, якъ що сегодни жъ таки не наскочышъ па другого... Бидовый народъ!

— Родину свою значитъ они крѣпко защищали?

— Авже жъ! Таки вже воны! Кохалысь вовы дуже въ своій земли,—не хтилы дурно виддаваты. Тай то сказать: отъ же и мы зъ ридныхъ

Изъ записки, представленной въ 1864 г. помощникомъ главнокомандующаго кавказской арміей военному министру, мы видимъ, что политика русскаго правительства была одинакова, какъ на берегахъ Кубани, такъ и на берегахъ Терека и Сунжи.

„Западный Кавказъ,— гласитъ записка, — заселеніемъ горъ русскими станицами былъ поставленъ въ положеніе совершенно обезпеченное: на 100,000 горцевъ, выселенныхъ на плоскость и разобщенныхъ другъ отъ друга, мы имѣемъ 220,000 казаковъ, также вооруженныхъ и также воинственныхъ, слѣдовательно при нуждѣ можемъ обойтись вовсе безъ войска“...

Указавъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣв. Кавказа русская власть уже достаточно упрочена и, слѣдовательно тамъ не требуется больше обычныхъ строгихъ мѣръ, записка переходитъ къ выясненію положенія дѣлъ въ Чечнѣ:

„...Тутъ все сложилось, читаемъ мы въ этомъ интересномъ документѣ, противъ насъ и характеръ народа и общественный бытъ его и мѣстность. Отъ природы воспріимчивый и до крайности легкомысленный характеръ этого народа при всякихъ даже благопріятныхъ обстоятельствахъ представлялъ бы большія затрудненія для того, чтобы управлять имъ“.

Продолжительная война, которую чеченцы вели съ нами, не возвысила и не улучшила ихъ характера; поставленные между ударами нашихъ войскъ и деспотической властью Шамиля, не имѣя силъ ни защищаться отъ насъ, ни свергнуть иго шамилевскаго управленія, чеченцы въ теченіе двадцати лѣтъ старались о томъ, чтобъ увертываться отъ грозившихъ опасностей, употребляя и свое оружіе и разныя ухитренія противъ другой стороны и другъ противъ друга.

вильныхъ степивъ своихъ зирваны булы начальствомъ, а тамъ то жь земля—не ци нетри,—то намъ бы за ридного стороною ще бильше треба побыватысь, — патетически восклицаетъ разсказчикъ.— А винъ отъ за ци косогоры та овраги стильки годъ боровся,—вадыма ричъ, що дуже кохався въ цихъ нетряхъ

— Скильки вже годъ оттуть жыву — замѣчаетъ другой изъ старыхъ козаковъ,—а все, правду кажучы, дивуюсь, якъ вовы вмилы на цій земли такъ гарно хозяйнуваты... Мы тутъ давно живемо, а все гораздъ пыладнатыся не можемо... (*Личковъ.* Очерки Черноморскаго Побер. Стр. 13.

Въ этой двойной войнѣ и усобицѣ они утратили почти всякое понятіе о долгѣ, объ уваженіи къ собственности, о святости даннаго слова. Привычка къ опасностямъ и хищничеству развилась у нихъ до такой степени, что сдѣлалась почти потребностью.

Въ теченіе 20 лѣтъ ни одинъ изъ чеченскихъ ауловъ не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ останется на мѣстѣ до слѣдующаго дня,—то наши колоны истребляли ихъ, то Шамиль переселялъ въ другія мѣста по мѣрѣ передвиженія нашихъ силъ.

Благодаря необычайному плодородію почвы, народъ не погибъ отъ голода, но потерялъ всякое понятіе объ удобствахъ жизни, пересталъ дорожить своимъ домомъ и даже своимъ семействомъ.

Къ жизни общественной чеченцы и прежде были мало способны. *Демократизмъ у нихъ всегда былъ доведенъ до крайнихъ предѣловъ* не только понятія о сословіяхъ и власти наслѣдственной, но и понятія о какой бы то ни было власти, они почти не имѣли. Въ языкѣ чеченцевъ даже нѣтъ слова „приказать". Шамиль, несмотря на важную опору, которую представлялъ ему религіозный фанатизмъ, никогда не считалъ свою власть въ Чечнѣ довольно прочною и поддерживалъ ее только страхомъ казней, періодически повторявшихся противъ всѣхъ, кто навлекалъ на себя малѣйшее подозрѣніе.

При такомъ характерѣ и такомъ отсутствіи общественныхъ связей, чеченцы занимали и мѣстность наиболѣе благопріятствовавшую всякимъ безпорядкамъ и мятежническимъ предпріятіямъ.

Въ теченіе продолжительной войны противъ нихъ мы отняли у нихъ много земли, но такой, которая теперь не имѣетъ значенія ни въ политическомъ, ни въ военномъ отношеніи, а именно открытыя и плоскія возвышенности лѣваго берега Сунжи. Въ той же мѣстности, гдѣ находятся лѣса и другія естественныя преграды, чеченцы остались и доселѣ". [1])

Сознавая всю опасность такого положенія въ Чечнѣ, *гр. Евдокимовъ* рѣшилъ рядомъ станицъ и укрѣпленій отдѣ-

[1]) Ibidem стр. 8 кн. 10.

лить Чечню отъ горъ, для того же, чтобы не произошло стѣсненія въ довольствѣ землей, рѣшилъ часть чеченцевъ и карабулаковъ выселить на кабардинскія земли, которыя должны были опустѣть вмѣстѣ съ выселеніемъ кабардинцевъ въ Турцію. Вслѣдствіе этихъ предположеній въ 1860 г. поселены были въ предгорьяхъ Малой Чечни станицы 2-го Владикавказскаго полка.

При преемникахъ *гр. Евдокимова* этотъ планъ насильственнаго водворенія чеченцевъ и поселенія на ихъ мѣстахъ казачьихъ станицъ былъ оставленъ, но земля, отобранная у чеченцевъ, такъ и не была ничѣмъ возмѣщена. Въ силу этого все населеніе чеченскаго округа, состоявшее изъ 81,360 душъ, стѣснилось на пространствѣ 76 кв. миль. Такимъ образомъ на каждое семейство приходилось въ аулахъ отъ 5 до 10 дес,. т, е. не болѣе 2 дес. на душу. При такой тѣснотѣ ни развитіе хозяйства, ни существованіе народа не могло считаться обезпеченнымъ. [1])

Создавалось положеніе, которое было признано кавказской администраціей очень опаснымъ и, чтобы выйти изъ него, администраціи представлялось два способа дѣйствій: рѣшительный—*переселеніе всѣхъ чеченцевъ силою оружія*, если окажется необходимымъ, на лѣвый берегъ Терека и Сунжи съ водвореніемъ на мѣстахъ ихъ жительства 1-го и 2-го казачьихъ Сунженскихъ полковъ, или болѣе медленный—*постепенное ослабленіе чеченскаго населенія въ горахъ добровольнымъ выселеніемъ его на плоскость и поощреніемъ переселенія въ Турцію.*

Былъ принятъ второй способъ разрѣшенія чеченскаго вопроса, и, когда было получено согласіе турецкаго правительства на пріемъ 5,000 семей, начальникъ Терской области ген.-адъют. *Лорисъ-Меликовъ* вызвалъ во Владикавказъ *ген.-м. Кундухова* (осетинъ) и „предложилъ ему приступить къ возбужденію въ средѣ чеченскаго населенія стремленіе къ уходу въ Турцію", кромѣ того, въ поѣздку свою затѣмъ въ Чечню принялъ и съ своей стороны *негласныя* мѣры къ успѣшному началу этого переселенія. Кундуховъ принялъ предложеніе, но при этомъ заявилъ, что въ случаѣ неуспѣшности дѣйствій его онъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ крайнимъ

---

[1]) Ibidem стр. 10.

мѣрамъ, а именно, объявить чеченцамъ, что и онъ самъ съ семействомъ своимъ переселяется въ Турцію и въ подтвержденіе этого, съ открытіемъ навигаціи, отправить свое семейство въ Константинополь. Къ этому Кундуховъ прибавилъ просьбу о томъ, чтобы правительство, въ случаѣ изъявленія согласія на его переселеніе вмѣстѣ съ чеченцами, пріобрѣло бы у него отведенную ему землю 2800 дес. въ осетинскомъ округѣ за 45,000 руб. серебромъ и кромѣ того выдало бы ему единовременно 10,000 руб. наличными на расходы по первоначальному возбужденію къ переселенію.

Агитація Кундухова имѣла успѣхъ и *какъ разъ тѣ части чеченскаго населенія, которыя казались русской администраціи наиболѣе опасными и которыя были намѣчены къ выселенію, и попались въ искусно раставленныя сѣти.* Переселенцы нѣсколькими партіями отправились черезъ Закавказье въ Турцію. Повторилась та же исторія, что и съ черкесами,— не было приготовлено ничего для пріема переселенцевъ. Они болѣли, голодали и умирали массами. Земли, отведенныя имъ, оказались никуда не годнымъ пескомъ и камнемъ. Испытывая страшныя бѣдствія, чеченцы повернули обратно къ русской границѣ. Они изъявляли полную покорность, соглашались нести воинскую повинность; нѣкоторые предлагали даже принять православіе, лишь бы позволили имъ вернуться къ роднымъ пепелищамъ.

Но чеченцевъ прогнали отъ границы выстрѣлами. Мало того, по требованію русскаго правительства, турки отправили противъ чеченцевъ войска, которые ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ погнали ихъ на отведенныя имъ мѣста жительства.

Положеніе чеченцевъ на новыхъ мѣстахъ было таково, что они вымирали массами; многіе же тайкомъ переходили русскую границу и пробирались обратно на родину. За этими бѣглецами была устроена правильная охота; ихъ перехватывали на пути и считали долгомъ отправить въ Турцію: немногіе удостаивались милости остаться на Кавказѣ. Изъ 22,000 слишкомъ чеченцевъ-переселенцевъ черезъ какихъ нибудь 5—6 лѣтъ осталось только *тысячъ десять,* остальные *перемерли.*

Офиціальный историкъ *Берже* и тотъ въ концѣ концовъ сознается, что переселеніе въ Турцію кавказскихъ горцевъ,

принявшее массовый характеръ въ однѣхъ мѣстностяхъ и, имѣвшее самые незначительные размѣры въ другихъ, объясняется исключительно политикой кавказской администраціи: „но, скажемъ мы, въ заключеніе нашей статьи, говоритъ Берже, если выселеніе дагестанскихъ горцевъ не приняло громадныхъ размѣровъ, то объясненіемъ этого факта должно признать *политику кн. Барятинскаго*, никогда не сочувствовавшаго этому выселенію: онъ придавалъ себѣ только наружный видъ готовности ему содѣйствовать, на самомъ же дѣлѣ ставилъ ему преграды.

Такова горестная эпопея переселенія кавказскихъ горцевъ, такъ ярко отразившая на себѣ „гуманность" кавказскихъ администраторовъ. И было очевидно, что запечатлѣть на страницахъ исторіи, если по прошествіи многихъ лѣтъ во время запроса въ англійскомъ парламентѣ по поводу статей „Новаго Времени", рисовавшихъ звѣрское отношеніе англійскихъ войскъ къ бурскимъ, представитель англійскаго правительства посовѣтывалъ авторамъ запроса спросить обвинителя: „а что дѣлала русская администрація при покореніи горцевъ?"

II.

Къ чему же привела эта „мудрая" политика кавказской бюрократіи такъ энергично стремившаяся очистить Кавказъ отъ аборигеновъ? Какъ отразилась эта политика на хозяйственной жизни края?

Краснорѣчивый отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ нижеслѣдующихъ отзывахъ цѣлаго ряда изслѣдователей кавказской жизни.

„Въ 1837 г. англійскій путешественникъ *Спенсеръ* писалъ о кавказскихъ горцахъ: „съ перваго же момента, когда открылись предо мной черкесскія долины, видъ страны и населенія превзошелъ самыя пылкія мои представленія. Вмѣсто пустыни, населенной дикарями, я нашелъ непрерывный рядъ обработанныхъ долинъ и холмовъ, почти ни одного клочка земли не было не культивировано. Огромныя стада козъ, овецъ, лошадей и быковъ бродили въ разныхъ направленіяхъ по роскошной травѣ".

Другой изслѣдователь говоритъ [1]):

„Надо сказать впрочемъ, что и сама прилегающая страна (Черноморс. поб.) не въ примѣръ нынѣшнему времени, была въ то время „обильна млекомъ и медомъ“. Въ концѣ, напр. тридцатыхъ годовъ, когда русскіе начали сооружать береговыя укрѣпленія, все побережье съ прилегающей къ нему горной полосой представляло тщательно разработанный оазисъ, гдѣ обокъ съ дикими, неприступными скалами и вѣковыми (теперь безпощадно вырубленными на всѣхъ болѣе доступныхъ мѣстахъ) лѣсами ютились прекрасные виноградники, зеленѣли роскошныя нивы, расположенныя мѣстами даже на искусственныхъ террасахъ, снабжаемыя водой изъ нарочито-устроенныхъ каналовъ, оберегаемыя отъ ливней искусственными водоотливами. По побережью пестрѣли густые сады, въ которыхъ зрѣли разнообразные фрукты, составлявшіе для мѣстнаго горскаго населенія одинъ изъ важныхъ предметовъ сбыта, какъ и медъ и воскъ, получавшіеся ими съ обширныхъ пчельниковъ; на поляхъ береговой полосы росли: кукуруза, ячмень, пшеница и др. хлѣбные злаки, убираемые въ извѣстное время, спускавшимися съ горъ горцами, которые изъ опасенія лихорадокъ въ низинахъ, всегда жили въ горахъ и только въ извѣстное время дня, въ опредѣленное время года, спускались для работъ на низины. Близкое знакомство съ климатомъ и природой страны, полученное вѣковымъ опытомъ умѣнье приспособляться къ неблагопріятнымъ климатическимъ особенностямъ, извѣстный уровень культурности, котораго они уже успѣли достигнуть ко времени начала кровавой борьбы съ русскими,—все это дало имъ возможность насадить высокую культуру въ такихъ мѣстахъ, которыя русскія и теперь еще считаютъ непригодными для какой-бы то ни было культуры. Умѣло пользуясь дарами богатой природы, горцы съумѣли воспользоваться близостью моря для расширенія этихъ торговыхъ сношеній и увеличенія размѣровъ сбыта разнообразныхъ продуктовъ своего хозяйства.

Естественно, что во всѣхъ приморскихъ пунктахъ, гдѣ морскія судна могли найти хоть какую либо защиту отъ

---

[1]) *П. С. Личковъ.* Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ 1904 г. стр. 5—6.

морскихъ вѣтровъ, шла оживленная торговля, потому что было, что сбывать и было кому пріобрѣтать.

Но кровавая война изгнала и уничтожила горцевъ, *въ корень разрушила ихъ культуру*, искусственные каналы заросли и засорились, стоившія много труда искусственные террасы осыпались, обширные сады и прекрасные виноградники частью вырублены во время войны и въ періодъ заселенія страны русскими, частію одичали и такъ обросли другими породами деревьевъ, что теперь уже трудно опредѣлить, гдѣ кончается перевитая дикою виноградною лозой лѣсная чаща и гдѣ кончается бывшее культурное насажденіе"...

Изгнавъ аборигеновъ страны „мы, говоритъ г. *Клингенъ*, взяли на себя тяжелый нравственный долгъ удовлетворить цивилизацію за утраченныя силы и за погибшую культуру, а она погибла въ 30 лѣтъ подъ напоромъ чудовищно-творческой силы природы, уже не сдерживаемой опытной и сильной рукой аборигеновъ края"... [1])

Описывая запустѣніе Черноморскаго края, гдѣ даже черкесскія дороги заросли, а новыя перпендикулярныя морю до сихъ поръ не проложены, четвертый изслѣдователь *Г. С. Васюковъ* замѣчаетъ:

„Относительно скотоводства и коневодства ничего утѣшительнаго сказать нельзя. Исключая колоній чеховъ, скотъ находится въ общемъ въ жалкомъ состояніи. Коровы и волы, всѣ степной породы, покупаются и привозятся изъ Кубанской обл., лошади также.

Непривычный къ горнымъ травамъ, богатымъ разнымъ горючимъ матеріаломъ, степной скотъ скоро заболѣваетъ, хирѣетъ; коровы становятся неудойными, при всемъ этомъ весь скотъ болѣетъ на ноги, ибо пасется въ горахъ по крутымъ скатамъ.

Вообще же эта отрасль хозяйства ниже всякой критики и поселяне, сами сознавая, что со скотомъ у нихъ не ладно охотнѣе заводятъ козъ, которыхъ встрѣтите во множествѣ въ населенныхъ мѣстахъ побережья. Козье молоко, козье масло вотъ, что вы можете достать въ селеніяхъ...

А прежде, при черкесской культурѣ? Каждый вѣроятно слыхалъ о лихихъ черкесскихъ скакунахъ, которые воспиты-

---

[1]) Сбор. матер. *Основы хозяйства* въ Сочинск. Окр. стр. 3.

вались въ горахъ. Англійскіе изслѣдователи Кавказа 1838 г., между прочимъ, указывали на прекрасный горный скотъ мелкой породы, который они встрѣтили въ аулахъ побережныхъ жителей.

Такой скотъ и лошади сохранились у кабардинцевъ, живущихъ подъ Эльборусомъ, какъ и прекрасные породы овецъ.

Ничего подобнаго на побережьи въ настоящее время не встрѣтите"... [1])

На ту же тему о культурной роли кавказскихъ горцевъ высказывается и такой видный знатокъ сѣверокавказской окраины, какъ покойный *Яковъ Абрамовъ:*

„Послѣ ухода горцевъ непригодность казачьяго элемента въ качествѣ насадителя культуры сразу обнаружилась, въ одномъ 1868 году состоялось упраздненіе 12 станицъ Кубан об. по крайнему неудобству относительно хозяйства и отчасти климата, какъ гласитъ офиціальный документъ"...

Далѣе авторъ говоритъ: „я уже указывалъ на запустѣніе подъ русскимъ владычествомъ огромныхъ пространствъ на западномъ Кавказѣ, которые были покрыты прежде горскими лугами, нивами и виноградниками. То же явленіе приходится наблюдать и въ Терской обл.

Всѣ три лѣта, которыя я прожилъ здѣсь въ Нальчикѣ, я наглядѣлся съ какимъ безстыдствомъ *русскіе истребляли продукты кабардинской культуры* и многолѣтняго труда.

Около самаго Нальчика находится такъ называемый Атажукинъ лѣсъ, отъ котораго теперь остались только жалкіе остатки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ садовъ, подобные которымъ можно встрѣтить только на Кавказѣ. Это былъ садъ-лѣсъ.

Онъ раздѣлялся на двѣ части изъ которыхъ одна представляла полукруглую террасу, довольно круто спускающуюся въ долину, по которой протекаетъ рѣка Нальчикъ. Терраса была искусственно раздѣлена на нѣсколько малыхъ террасъ, которые, представляли каждый правильный полукругъ, возвышались другъ надъ другомъ порогами.

---

[1]) *Вѣст. Зн.* 1894 г. *С. Васюковъ.* Очерки Кавказскаго Черноморскаго побережья стр. 5.

Всѣ эти террасы были превращены въ великолѣпные виноградники. Каждая часть сада была засажена самыми разнообразными плодовыми деревьями — грушевыми, яблонями, шишками, лычей, вишнями, черешнями, барбарисомъ, персикомъ, трутовникомъ и т. д. Были здѣсь великолѣпныя аллеи изъ липъ и акацій, была превосходная круглая лужайка, обсаженная огромными персиками и тутовыми деревьями и т. д. Для поливки виноградниковъ и нѣкоторыхъ частей нижняго сада былъ проведенъ изъ за нѣсколькихъ верстъ каналъ. Въ такомъ видѣ находился садъ въ кабардинскихъ рукахъ.

Совсѣмъ иной видъ получилъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ русскіе получили возможность хозяйничать въ немъ.

Каналъ заброшенъ. Виноградники не обработываются и и зеленыя лозы одичавшаго виноградника скашиваются на кормъ скоту, вмѣстѣ съ травой, которой заросли террасы. Плодовыя деревья вырыты и молодыя пересажены въ обывательскіе дворы, а болѣе старыя срублены на топливо. Липовыя и акаціонныя деревья истреблены самымъ безпощаднымъ образамъ... Въ настоящее время „Атажукинъ садъ" представляетъ огромное, заброшенное пространство, заросшее мелкимъ вишнякомъ, колючимъ кустарникомъ и сорными травами, и только кое-гдѣ остались большія деревья, напоминающія о прежней кабардинской культурѣ"...

Вообще Я. Абрамовъ такъ характеризуетъ положеніе вещей въ краѣ, послѣ ухода горцевъ:

„Богатѣйшій край опустѣлъ, Казачество оказалось совершенно непригоднымъ для внесенія культуры. Огромныя пространства земли, занятыя прежде горцами не вызываютъ даже ни въ комъ желанія пріобрѣтенія, такъ какъ они кажутся совершенно непригодными для культуры.

А, между тѣмъ, эти пространства были прежде заняты многочисленнымъ населеніемъ и прекрасно культивированы. Теперь же превосходные нивы и луга, буквально созданные руками человѣческими на голыхъ каменныхъ скалахъ, заросли мелкимъ колючимъ кустарникомъ и совершенно пропали для культуры.

Богатѣйшіе сады и виноградники заросли дикими деревьями и погибли. И только, одичавшій виноградъ, встрѣчающійся по склонамъ горъ, да рѣдкіе остатки черкесской

архитектуры свидѣтельствуютъ о дѣятельной жизни, царившей въ этомъ краѣ, превратившемся нынѣ въ пустыню, и о чрезвычайномъ трудолюбіи аборигеновъ страны, превратившихся впослѣдствіи въ дикихъ башибузуковъ"... [1])

Приведемъ еще одну краснорѣчивую выдержку изъ статьи современнаго обозрѣвателя Кубан. об. *П. Цирульникова.* [2])

„Какъ администрація выселяла населеніе доходившее до милліона лучше не вспоминать... Какъ бы тамъ ни было, край очищенъ отъ „полудикаго" населенія и предоставленъ „культурному" народу, несущему знаніе, свѣтъ христоваго ученія, государственность...

Прошло 46 лѣтъ. Все Закубанье, прежняя территорія черкесовъ, занята сплошь русскими, по преимуществу казаками, кресьянскія села встрѣчаются, какъ рѣдкія исключенія, большею частью на купленныхъ частно владѣльческихъ земляхъ. Черкесы же остались по Зеленчукамъ, Лабѣ и около средней Кубани.

Преданіе говоритъ, что когда графъ Евдокимовъ, заперевъ черкесовъ въ желѣзное кольцо, примкнувъ лѣвое крыло войскъ къ горамъ, а правое къ Азовскому морю, предложилъ имъ покориться и переселиться на рѣку Манычъ (на границѣ калмыцкихъ степей Ставропольской губ. и Донской об.) или же уходить въ Турцію, черкесы предпочли послѣднее.

Въ солдатской пѣснѣ поется:

Ежели хочете мириться
Мы вамъ мѣсто отведемъ,
За Кубанью поселиться —
На арканѣ поведемъ...
Ой, греми слава трубой
Мы дралися за Любой,
По горамъ твоимъ, Кавказъ,
Раздается слава объ насъ!„

Черкесы ушли въ Турцію и ихъ территорію заняли казаки. Благодатный край для казаковъ сталъ мачехою; нужда ихъ дошла до того, что на казачьей радѣ 1906 года

---

[1]) *„Дѣло"*—1884. *Я. Абрамовъ.* Кавказскіе горцы. СПБ.

[2]) *П. Цирульниковъ.* На старомъ пепелищѣ черкесовъ абадзеховъ. Журн. „Мусульм", стр. 263.

было рѣшено дать нагорнымъ станицамъ пахотные участки въ Черноморіи.

Конечно прежде всего жалобы: „слава казачья, а жизнь собачья“.

Сталъ и я присматриваться къ этой жизни. По роду занятій мнѣ каждый день приходилось бывать на ихъ надѣлахъ.

Встрѣчаясь съ тѣмъ или другимъ станичникомъ, я старался возстановить картину черкесской жизни. Всѣ болѣе или менѣе сознательныя лица осуждаютъ русскихъ поселенцевъ и отдаютъ преимущество черкесамъ.

По разсказамъ ихъ казаки заняли мѣста по предгорьямъ главнаго хребта, гдѣ отношеніе площади пастбищъ и пахотныхъ земель къ лѣсу было какъ 9: 1; теперь же отношеніе стало обратное, лѣса въ девять разъ болѣе, чѣмъ полянъ. Эти остатки скоро зарастутъ и казаковъ, не умѣвшихъ воспользоваться роскошными пастбищными участками, погубившими свой строевой лѣсъ, придется переселять на новыя мѣста, покоривъ предварительно какого либо супостата..... ну хотя бы киргиза...

Черкесы занимались коневодствомъ, скотоводствомъ, земледѣліемъ и садоводствомъ.

Принялись за хозяйство казаки: урожаи были чудесные, но въ 70 году напалъ жукъ кузька и появились мыши; по всей вѣроятности это случилось и въ слѣдующемъ году и казаки принялись за лѣсной промыселъ.

Промысломъ собственно говоря не занимались, а рубили лѣсъ и возили въ раіонъ степныхъ станицъ — „на линію“, тамъ продавали или мѣняли на хлѣбъ.

Осенью же, собравъ въ черкесскихъ садахъ фрукты, везли на линію и мѣняли ихъ на пшеницу.

Занимаясь только земледѣліемъ, казаки не могли уберечь пастбищъ отъ захвата ихъ лѣсомъ, тѣмъ болѣе, что надѣлы были даны по 30 дес. на мужскую душу.

За время своего хищническаго хозяйничанія казаки уничтожили породы ясеня, клена, липы, оставивъ одинъ дубъ, который, какъ бы мстя за своихъ первыхъ хозяевъ, старался заглушить собою всѣ поляны и покорить въ своихъ зарósляхъ покорителей.

Въ настоящее время казаки получаютъ на мужскую душу 4 десятины покосу и 1000 кв. саж. пахоты, остальной надѣлъ приходится на лѣсъ.

Проѣзжая часто по лѣсу и возмущаясь казачьей системой хозяйства, я какъ то въ порывѣ искренняго чувства воскликнулъ:

— Господи! если хочешь испакостить свое творенiе — природу, отдай ее русскому человѣку, а ужъ онъ ее „произведетъ“.

Нуженъ, допустимъ, казаку стволъ дуба длиною 1 аршинъ, на дрань, [1]) онъ валитъ столѣтнiй великанъ, отпиливаетъ нужный ему аршинъ, остальное бросаетъ.

Если же эму нуженъ лѣсъ для другихъ цѣлей, онъ не ѣдетъ къ этому дереву, а рубитъ первое попавшееся, разсуждая, что, если я буду беречь лѣсъ, то другой не будетъ, а потому...

Населенiе, бѣдствуя отъ недостатка удобныхъ земель, бѣдствуетъ еще отъ недостатка воды.

Водою пользуются изъ рѣкъ, протекающихъ около станицъ (Тухо, Тишь, Пшехо и др.) Лѣтомъ нѣкоторыя изъ нихъ пересыхаютъ, и вотъ тогда начинается общiй водяной голодъ.

Черкесы пользовались водою изъ родниковъ, которые позабивали сваями и камнями, покидая свою родину—мать. Есть родники, которые могутъ дать десятки тысячъ ведеръ въ сутки, но „культурные“ переселенцы, страдая отъ безводiя, лихорадокъ, никакъ не соберутся очистить эти родники, въ теченiе вотъ ужъ 46 лѣтъ, ежегодно поднимая этотъ вопросъ.

Сады черкесскiе погибли въ надвинувшемся лѣсу, а на черноморскомъ побережьи повырублены для посѣвовъ овса. Овесъ не растетъ, крестьяне его сѣютъ, а гребная флотилiя изъ года въ годъ доставляетъ сѣмена.

Пути сообщенiя до невозможности плохи или, правильнѣе, ихъ совсѣмъ нѣтъ. На всю Кубанскую область имѣется одно шоссе отъ Майкопа до Туапсе, а внѣ его топь, грязь. Черкесы дороги имѣли главнымъ образомъ по хребтамъ, гдѣ

---

[1]) **Драчь — тонкiя, узкiя пластинки дуба, которыми покрываютъ зданiя на подобiе черепицы.**

ихъ нельзя было такъ разбить и гдѣ обнаруженія твердыхъ породъ дѣлало дорогу похожей на шоссе.

И селенія черкесскія, о чемъ говорятъ кладбища и сады, расположились на холмахъ, чѣмъ уберегли себя отъ сырости и лихорадокъ."

Въ заключеніи П. Ципрульниковъ восклицаетъ обращаясь къ русскимъ гусударственнымъ умамъ: „зачѣмъ эти государственные умы лишили всю массу россійскаго народа столь разноплеменнаго, новаго члена семьи, духовный обликъ котораго такъ богатъ лучшими чертами человѣческой личности? Зачѣмъ?"...

Таково свидѣтельство изслѣдователей безпристрастно относившихся къ кавказскимъ горцамъ, понимавшимъ, какую огромную роль играли горцы въ хозяйственной жизни края и, какую потерю понесъ край, съ уходомъ значительной части ихъ въ Турцію.

На этихъ изслѣдованіяхъ особенно важно остановиться именно, теперь, когда имѣются лица, которыя не прочь повторить практику выселенія горцевъ съ насиженныхъ мѣстъ. Эти изслѣдованія ярко говорятъ о томъ, сколько лжи и лицемѣрія въ словахъ тѣхъ, кто прикрываясь громкой фразой о насажденіи „культуры" стремится использовать эту фразу въ цѣляхъ своекорыстной борьбы съ туземцами Кавказа.

Мы видѣли выше, какова „культура" тѣхъ культуртрегеровъ, которые водворились на насиженныхъ мѣстахъ аборигеновъ, изгнанныхъ изъ родного края.

Остановимся еще на поземельномъ устройствѣ горцевъ, оставшихся на Кавказѣ и выселенныхъ или выселившихся изъ горъ на плоскость.

III.

Покоривъ горцевъ и обезопасивъ себя отъ возмущенія покоренныхъ, съ одной стороны, ослабленіемъ ихъ количества, ослабленья достигнутаго путемъ переселеніе значительной части горцевъ въ Турцію, съ другой, искуснымъ расположеніемъ казачьихъ станицъ, раскинутыхъ между горами и аулами горцевъ, выселенныхъ на плоскость, правительство приступило къ поземельному устройству туземнаго населенія.

Тутъ въ поземельной политикѣ бросается въ глаза: 1, *стремленіе насадить классъ земельныхъ собственниковъ и упрочить положеніе существовавшихъ;* 2, *систематическая экспропріація горскихъ земель въ пользу казаковъ.*

Еще до окончательнаго покоренія Кавказа русскія власти признавали за отдѣльными лицами и цѣлыми горскими родами, оказавшими имъ ту или *иную услугу въ борьбѣ съ горцами* значительныя земельныя пространства, такъ напр. Бековичи — Черкасскіе получили 98.000 десятинъ земли въ малой Кабардѣ, землю впослѣдствіи въ весьма значительныхъ размѣрахъ выкупленную казной и т. д.

Намъ уже приходилось упоминать, что такъ называемыя высшія сословія горцевъ Кавказа въ своей борьбѣ съ народомъ не рѣдко находили дружескую поддержку со стороны русскихъ властей и многія свои притязанія осуществляли при содѣйствіи русскихъ штыковъ.

Конечно, эти высшія сословія при поземельномъ устройствѣ не были обдѣлены русскими властями.

Образованная въ Терской.об. Терско-сословная поземельная комиссія далеко не придерживалась демократическихъ принциповъ.

Въ Кабардѣ для разрѣшенія земельнаго вопроса, запутаннаго своеобразностью существовавшаго тамъ землепользованія и разновременными распоряженіями кавказскаго начальства, терско-сословно-поземельной комиссіи пришлось въ 1863 году собрать въ укрѣпленіи Нальчикъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ сословій и всѣхъ аульныхъ обществъ Большой Кабарды для того, чтобы задать имъ слѣдующіе вопросы: „имѣютъ ли кабардинскіе князья и уздени на земли, которыми они такъ полновластно распоряжались, право, какъ на частную собственность?“ Если имѣютъ, то въ какомъ количествѣ и какимъ образомъ можетъ быть обезпечено остальное безземельное населеніе Большой Кабарды?

„Составленнымъ 20-го августа того же года актомъ эти уполномоченные за общей ихъ подписью заявили, что всѣ земли Кабарды составляютъ *достояніе цѣлаго народа* и, что они и на будущее время желаютъ пользоваться ими на общинномъ правѣ владѣнія. Затѣмъ дальнѣйшія разслѣдованія подтвердили справедливость этого заявленія и въ январѣ 1865 г. въ присутствіи депутатовъ отъ кабардинскаго

народа и мѣстныхъ начальствующихъ лицъ было выяснено окончательно, что земли Большой Кабарды равно какъ и весь народъ были раздѣлены между четырьмя княжескими фамиліями *только въ политическомъ* отношеніи и, что условія соблюдаемыя кабардинцами при періодическомъ распредѣленіи земель въ общественное пользованіе соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, которыя существуютъ при общинномъ прараправѣ владѣнія землями"... [1])

Поэтому Его Высочество Главнокомандующій на Кавказѣ, основывясь на составленномъ кабардинцами актѣ, рѣшилъ установить въ этомъ племени: 1) порядокъ пользованія землями общинный, 2) нѣкоторую часть раздать *по усмотрѣніи правительства въ частную собственность* тѣмъ изъ кабардинскихъ князей, которые по родовому своему происхожденію, а также и по личнымъ заслугамъ, по справедливости должны быть отличены отъ простыхъ кабардинцевъ".. и т. д.

Когда было приступлено къ составленію окончательнаго проекта нарѣзки аульныхъ дачъ и участковъ для высшаго кабардинскаго сословія, то оказалось, что площадь Большой Кабарды, заключавшая въ себѣ 630.000 десятинъ должнараспредѣлиться такимъ образомъ.

1). Въ надѣлъ кабардинскимъ ауламъ по числу 5,969 дворовъ—245,818 дес. 2). *Въ 140 участк., предназначенныхъ въ частную собственность лицамъ высшаго сословія Боль. Каб.— 60,000 дес.* 3). Въ запасные участки 24.000 дес. (эти участки: — а) для лицъ находящихся на службѣ въ Россіи, которыя могли бы оказаться пропущенными въ спискахъ собственниковъ; б) для высшаго сословія Малой Кабарды, гдѣ земли могло не оказаться въ нужномъ количествѣ; в) на возмѣщеніе неудобныхъ земель въ аульныхъ надѣлахъ); 4). Для безземельныхъ жителей горскихъ обществъ отъ 4—9 тысячъ десят. 5) для Нальчинскаго гарнизона и слободки съ запаснымъ участкомъ 5.000 дес. и въ 6) оставленныхъ въ нераздѣльномъ пользованіи всего общества Большой Кабарды: а) земель годныхъ преимущественно для

---

[1] *П. Гавриловъ.* Устройство поземельн. быта горскихъ племенъ Сѣверн. Кавказа. Сборн. свѣд. о кавказскихъ горцахъ, вып. II стр. 10. 1869 г.

пастбищъ около 230.000 дес. б) лѣсныхъ участковъ 59,666 дес.). (ibid стр. 20).

То-же насажденіе земельныхъ собственниковъ видимъ мы и въ Малой Кабардѣ, гдѣ также было выдѣлено *4.000 дес. для роздачи въ частную собственность.*

Въ Осетіи то же предполагалось сословію „тагаурскихъ алдаръ“ нарѣзать участки земли по 225 десятинъ, въ то время какъ остальному населенію только по 36 — 37$^{1}/_{2}$ дес. на дворъ. Это предположеніе не могло быть осуществлено за недостаткомъ земли; въ концѣ концовъ алдарамъ было предложено: или 300 десятинъ въ Кубанской обл. съ отказомъ отъ общаго надѣла въ Терской обл. для всего населенія или общій надѣлъ въ Терской обл.

Въ чеченскомъ округѣ еще въ 1860 году ген. фельдм. кн. Барятинскимъ было заявлено, что земли чеченскаго округа будутъ раздѣлены между аулами въ пользованіе на общинномъ правѣ за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ участковъ, *предназначенныхъ къ отводу частнымъ лицамъ* и нагорной полосы...

Мы уже говорили выше о русской политикѣ въ кумыкскомъ округѣ, бывшемъ наканунѣ соціальной революціи, направленной къ обузданію князей, подобно революціи бывшей у черкесскихъ племенъ Западнаго Кавказа, если бы внезапная помощь русскихъ не парализовала дальнѣйшую борьбу кумыкскаго народа съ князьями.

При поземельномъ устройствѣ кумыкскаго округа, кумыкскіе князья и уздени согласились половину „своихъ“ земель болѣе 200 тыс. дес. отдать безвозмездно народу съ тѣмъ, чтобы *остальная половина* земель была закрѣплена за ними русскимъ правительствомъ на правахъ частной собственности... Такъ и было сдѣлано.

Обращаясь къ Кубанской об. мы видимъ, что и тамъ насажденіе частной собственности было одной изъ административныхъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы создать себѣ среди горцевъ преданный общественный слой.

Въ Кубанской области туземцамъ, оказавшимъ правительству тѣ или другія услуги, а также частнымъ лицамъ за службу на Кавказѣ было роздано около 176, 379 дес. земли.

Въ это число не вошли переселенческіе участки: не вошли сюда и расположенные въ 1869 году въ западной части нагорнаго Кавказа № 3 и № 4 кавказскіе линейные батальоны, которые получили участки земли на основаніи слѣдующихъ правилъ: тѣмъ офицерамъ, чиновникамъ и нижнимъ чинамъ, которые пожелаютъ остаться на жительствѣ въ этой мѣстности и обзавестись хозяйствомъ въ теченіе 3 лѣтъ, хотя бы небольшой осѣдлости, отводятся участки земли въ 30 десятинъ; этотъ участокъ черезъ три года поступаетъ въ собственность. Такимъ образомъ устраивались поселенія изъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ.

Если насажденіе частной собственности было несомнѣнно политической мѣрой кавказской администраціи, то систематическая *экспропріяція горскихъ земель* не только до покоренія, но и послѣ покоренія Кавказа была такой же политической мѣрой, направленной къ усиленію казачества въ ущербъ туземному элементу.

Мы не говоримъ ужъ о Кубанской об.: „гдѣ лучшія, какъ по богатству, такъ и по красотѣ, мѣстности достались казакамъ", но и въ Терской обл. экспропріяція горскихъ земель происходила всегда безъ всякой застѣнчивости и, если иногда и вызывала минуту размышленія, то политическія соображенія и стремленія не послаблять горцамъ быстро заставляли мѣстную администрацію, а затѣмъ и центральную кавказскую узаконять самые вопіющіе захваты.

Такъ, плоскостную Осетію прорѣзаетъ полоса земли, отведенная по лѣвой сторонѣ Терека подъ станицы 1-го Владикавказскаго казачьяго полка.

Жители плоскостной части Алагирскаго общества, выселившіеся изъ горъ въ 1824 г. были водворены въ двухъ аулахъ Алагирскомъ и Салугарданскомъ. Несмотря на то, что число жителей этихъ двухъ ауловъ увеличилось новыми выходцами изъ горъ и вслѣдствіе естественнаго прироста „значительное количество земель, предоставленныхъ, названнымъ двумъ ауламъ отошло подъ станицы Ардонскую и Николаевскую 1-го Владикавказскаго казачьяго полка, а также подъ Алагирскій серебро-свинцовый заводъ".

Или вотъ „изъ числа земель, отведенныхъ въ 1824 году Владикавказскимъ коммендантомъ въ пользованіе осетинъ

куртатинцевъ (выходцевъ изъ Куртатинскаго ущелья) часть земель отошла подъ Ардонскую станицу.

Въ Чечнѣ цѣлая полоса земель Карабулакскаго участка отошла подъ казачьи станицы.

Яркимъ, не оставляющимъ никакого сомнѣнія примѣромъ принесенія въ жертву интересовъ горцевъ политическимъ соображеніямъ является слѣдующій интересный случай, имѣвшій мѣсто въ Чечнѣ.

Въ 1867 году чеченскій отдѣлъ Терско-сословно-поземельной комиссіи затруднился въ разрѣшеніи, между прочимъ, слѣдующаго вопроса: „возможно ли включить въ число земель, подлежащихъ въ надѣлъ ауламъ, земли Чеченскаго округа на правомъ берегу Сунжи, предоставленныя частными распоряженіями начальствующихъ лицъ въ пользованіе сосѣдняго казачьяго населенія, а также и земли, отведенныя близъ укрѣпленія Воздвиженскаго войскамъ для покосовъ“...

Здѣсь былъ констатированъ явный захватъ чеченскихъ земель.

На этотъ вопросъ комиссія, составленная подъ предсѣдательствомъ начальника Терской обл. генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, въ маѣ 1863 г. отвѣтила, что она „*пришла къ заключенію, что изъятіе изъ пользованія казаковъ, занятыхъ ими уже земель на правомъ берегу Сунжи, не соотвѣтствуетъ политическимъ видамъ правительства*“. (Ibid. стр. 60).

И это въ то время, когда всѣмъ прекрасно было извѣстно, что... „при изъявленіи покорности чеченцами въ 1857 году, тогдашній главнокомандующій на Кавказѣ, кн. Барятинскій издалъ прокламацію, въ которой было сказано, что земли, занятыя чеченцами въ моментъ принесенія покорности, *останутся вѣчнымъ достояніемъ чеченскаго народа*. Прокламацію эту берегутъ и хранятъ, какъ зеницу ока и къ ней всегда аппелируютъ, и вотъ вопреки этой прокламаціи значительная часть чеченской земли была отведена подъ поселеніе казачьихъ станицъ, а также роздана кумыкскимъ князьямъ и другимъ лицамъ“... *)

Наконецъ, у ингушей, сконцентрированныхъ главнымъ образомъ въ Назрановскомъ обществѣ: „въ отношеніи поль-

*) „*Дѣло*“ 1884 г. *Я. Абрамовъ.* Кавказскіе горцы.

зованія землями никто не встрѣчалъ прежде ограниченія, но, впослѣдствіи, когда въ сосѣдствѣ этого общества водворились казачьи станицы 1-го Сунженскаго и 2-го Владикавказскаго казачьихъ полковъ, въ надѣлъ которымъ отошли довольно значительныя пространства „земель“, прежнее земельное благополучіе кончилось“....

Таковы нѣкоторыя черты прошлой инородческой политики на Кавказѣ. Если эти черты характерны для прошлаго, то и современная намъ дѣйствительность представляетъ печальную картину, въ которой тщетно ищешь отрадныхъ проблесковъ.[1])

[1]) Начало настоящей ст. было помѣщ. въ журн. „На Кавказѣ“ Б. М. Городецкаго. Екатеринодаръ. 1909 г.

Нѣкоторыя черты хозяйственно-бытовой жизни горцевъ.

При характеристикѣ хозяйственно-бытовой жизни туземцевъ С. Кавказа приходится прежде всего обратить вниманіе на топографическія и географическая условія края. Съ точки зрѣнія этихъ наиболѣе просто бросающихся въ глаза условій приходится различать жизнь двухъ полосъ: нагорной и плоскостной.

При значительномъ своеобразіи экономическаго и вообще культурно-хозяйственнаго бытія этихъ полосъ, обѣ онѣ въ настоящій моментъ подвержены одному и тому же культурно-хозяйственному процессу.

Въ міръ натуральнаго хозяйства врываются волны хозяйства товарно-мѣнового, производя ломку, какъ и первобытной экономической структуры, такъ и обусловленной ею первобытной патріархально-родовой идеологіи.

Давъ нѣкоторыя черты хозяйственнаго бытія горцевъ, мы и остановимся на этомъ глубоко интересномъ процессѣ.

I.

На томъ клочкѣ земли, которую имѣетъ горецъ въ своемъ распоряженіи, онъ,—можно сказать положительно, „дѣлаетъ хлѣбъ изъ камня".

Членъ первой Государственной Думы отъ Терской области Масловъ, такъ характеризовалъ намъ какъ то въ своей думской рѣчи состояніе малоземелья среди чечещевъ:

„Вы не можете себѣ представить, какъ ничтожны земельныя владѣнія, напр., среди чеченцевъ, одна десятая, одна пятая, четверть, треть десятины. Если вы спросите, сколько у него земли, то онъ скажетъ, что земли столько, сколько помѣщается подъ его буркой.

Такое положеніе заставляетъ невольно задумываться, какимъ образомъ они существуютъ....."

Рѣдки участки въ нѣсколько десятинъ, зато сплошь и рядомъ можно встрѣтить обработанныя поля въ двѣ три квадратныхъ сажени.

Такія поля всегда огорожены невысокимъ заборчикомъ изъ камней, чтобы вода не смыла скуднаго посѣва; издали склонъ горы, покрытый такими полями, представляетъ оригинальную картину: на сѣрой каменистой почвѣ вырисовываются клочки запашекъ самыхъ причудливыхъ формъ.

По поводу такихъ клочковъ у горцевъ существуетъ сказочка, не лишенная трагическаго юмора.

— Жилъ былъ одинъ горецъ и было у него три поля. Пошелъ онъ пахать ихъ. Вспахалъ одно, вспахалъ другое и усталъ; тогда онъ разостлалъ свою бурку и легъ отдохнуть.

Проснувшись онъ хотѣлъ продолжать прерванную работу—вспахать третье поле. Но къ его глубокому изумленію и досадѣ онъ, какъ не искалъ принадлежащаго ему третьяго поля, найти его не могъ.

Страшно раздосадованный и разсерженной горецъ рѣшилъ, что надъ нимъ подшутилъ шайтанъ и укралъ у него участокъ земли. Прійдется отправиться въ аулъ, подумалъ онъ, и поднялъ съ земли бурку и тутъ то только онъ увидѣлъ, что его поле подъ буркой то и находилось и онъ самъ нечаянно закрылъ его.

Если мы обратимся къ сочиненіямъ различныхъ изслѣдователей жизни горцевъ, то увидимъ, что всѣ они единодушно рисуютъ на фонѣ малоземелья ужасающія картины этой жизни.

Вотъ, напр. *Н. Тульчинскій,* обозрѣвая особенности горной мѣстности, на которой обитаютъ пять горскихъ обществъ Кабарды находитъ, что топографическія и климатическія особенности этой горной мѣстности исключаютъ „всякую возможность обработки земли для хлѣбопашества въ необходимыхъ размѣрахъ... Суровая, горная природа, тѣсныя ущелья, скалы, камни, всюду разбросанные, все это въ совокупности является очень малою ареною для хлѣбопашества. Здѣсь, чтобы имѣть хоть небольшой клочекъ земли годной для культуры, горцамъ приходилось и приходится, съ чрез-

вычайными усиліями, шагъ за шагомъ, завоевывать у скалъ и каменистой почвы гомеопатическіе клочки земли, для чего нужно было: очистить почву отъ камней, унавозить, а гдѣ требовалось, натаскать въ мѣшкахъ землю съ другихъ мѣстъ и затѣмъ провести цѣлую сѣть ирригаціонныхъ канавъ, взятыхъ издалека и искусно проведенныхъ по горнымъ кручамъ, и все это для того, чтобы впослѣдствіи снимать съ этихъ клочковъ земли нѣсколько копенъ ячменя или сѣна". [1])

Или тотъ же изслѣдователь слѣдующими штрихами изображаетъ хозяйственныя угодья этихъ же горцевъ—выгоны:

„Это не выгоны, а жалкая пародія на нихъ, они представляютъ собою почти отвѣсныя горы съ торчащими повсюду скалами, почти сплошь покрыты камнями, между которыми въ узкихъ промежуткахъ робко выглядываетъ чахлая трава въ видѣ тонкихъ и желтыхъ соломинокъ, растущихъ въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга и вполнѣ оправдывающихъ пословицу: „колосъ отъ колоса—не слыхать человѣческаго голоса". Достаточно на этихъ пастбищахъ попастись скотинѣ 1—2 мѣсяца, чтобы явиться безъ копытъ, съ обликомъ скелета въ кожаной оболочкѣ: поэтому крайне поражаешься худобѣ и выносливости горской домашней скотины".

Другой изслѣдователь *Е. Максимовъ* говоритъ:

„Горная полоса въ Осетіи находится въ суровыхъ климатическихъ условіяхъ. Лѣто здѣсь чрезвычайно короткое, а зима продолжительная и суровая, благодаря высокому положенію края надъ уровнемъ моря. Плодородной почвы почти нѣтъ, а если она и создается искусственно, то ничто не можетъ застраховать ее отъ обваловъ, осововъ и ливней, нерѣдко смывающихъ и урожай и самую почву. Единственное богатство ея заключается въ альпійскихъ пастбищахъ и сѣнокосахъ".

Что же касается пространствъ, именуемыхъ пастбищами, то они состоятъ, „изъ недоступныхъ скалистыхъ крутизнъ,

---

[1]) *Терскій сбор.* Выпускъ V.

обрывовъ, пространствъ, засыпанныхъ щебнемъ, и т. п. неудобныхъ для эксплуотаціи мѣстъ". [1])

Или, вотъ, напр. характеристикой территоріи горныхъ ингушей, говоритъ *П. Гавриловъ,* служатъ: „горныя трущоба, въ которыхъ гнѣздится населеніе, обнаженыя скалы и скудная почва земель по боковымъ скатамъ ущелій."...

Та же картина и на территоріи горныхъ чеченцевъ, расположенныхъ восточнѣй земли горныхъ ингушей.

„Въ климатическомъ отношеніи горная Чечня—замѣчаетъ *Е. Максимовъ*—мало чѣмъ отличается отъ горной Осетіи. Суровая и продолжительная зима, туманная и дождливая весна и относительно короткое, нежаркое лѣто, постепенно переходящее въ прохладную тихую осень, являющуюся здѣсь лучшимъ временемъ года, составляютъ почти общую принадлежность горныхъ мѣстностей Сѣвернаго Кавказа. Климатическія условія и отсутствіе удобныхъ для земледѣлія земель не могли способствовать развитію хлѣбопашества, а потому, за исключеніемъ предгорій, преобладающимъ занятіемъ горныхъ чеченцевъ, съ давнихъ поръ, является скотоводство"...

...„При вопіющемъ малоземельи, читаемъ мы у того-же автора, качество земельныхъ угодій въ горахъ очень невысоко. Земли многихъ чеченцевъ раскиданы участками, которые, въ свою очередь, расположены черезполосно, на значительное разстояніе другъ отъ друга, нерѣдко лѣпясь по неимовѣрнымъ крутизнамъ и кручамъ и имѣя, въ большинствѣ случаевъ, тонкій слой почвы, нанесенной на участокъ иногда руками самого же владѣльца. Бываютъ случаи, что ливень и градъ въ горахъ не только уничтожаютъ жатву, но и смываютъ всю почву участка, старательно накопленную въ теченіе десятковъ лѣтъ",

Итакъ, не говоря о Дагестанѣ, гдѣ общая картина положенія горцевъ еще болѣе сурова и неприглядна, мы могли бы всецѣло присоединиться къ общей характеристикѣ состоянія горцевъ, даваемой авторомъ „*Замѣтокъ о нагорной полосѣ*" *г. Геор. Цаголовымъ* на страницахъ одной изъ кавказскихъ газетъ:

---

[1]) *Е. Максимовъ* Устрйство поземель. быта гор. пл. С. К.

[2]) Тамъ же стр.—53.

[3]) *г. Г. Цаголовъ*, „Замѣтки о нагорной полосѣ". „Терекъ", 1907 г. авг.

„Суровый климатъ. Обнаженныя угрюмыя скалы, вражьей ратью обступающія человѣка со всѣхъ сторонъ... Почва или, скорѣе, жалкая пародія на почву, малопригодная для сельскохозяйственной эксплуотаціи, переполненная каменьями, начиная съ мелочи и кончая въ нѣсколько десятковъ пудовъ вѣсомъ... Частые ливни, смывающіе цѣлые пахотные и сѣнокосные участки и такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ уничтожающіе результаты упорнѣйшаго труда многихъ поколѣній... Разрушительные осовы и сползанія почвы... Безпорядочная разбросанность воздѣлываемыхъ земельныхъ клочковъ и ихъ сильные уклоны, такіе уклоны, на которыхъ зачастую съ большимъ трудомъ удерживается даже привычная нога горца... Необходимость интенсивныхъ удобрительныхъ и оросительныхъ работъ, какъ слѣдствіе быстраго истощенія плодородія малопригодной почвы... Невозможные пути сообщенія... Постоянные каменные и снѣжные завалы, то уничтожающіе земельные участки, то засыпающіе дороги и такимъ образомъ иногда на продолжительное время прекращающіе сообщеніе горцевъ съ остальнымъ міромъ... и т. д., и т. п.,.“

Если бы мы отъ этихъ общихъ характеристикъ отвлеклись и пожелали бы остановиться на точныхъ данныхъ, то нижеслѣдующія цифры могутъ говорить картиннѣй всякихъ картинъ и краснорѣчивѣй всякихъ ламентацій.

Изъ трудовъ, такъ называемой, Абрамовской комиссіи, занимавшейся земельнымъ вопросомъ въ нагорной полосѣ Терской об. и отчасти Кубанской, можно привести слѣдующія интересныя данныя о хозяйственномъ положеніи горцевъ въ смыслѣ ихъ земельной обезпеченности [1]):

„а) У чеченцевъ приходится пахотной земли на 1 мужскую душу:

0,1—0,2 до 0,4 въ 23 обществахъ; 0,5 дес. въ 16 обществахъ; 0,5—0,9 въ 39 обществахъ; 1,0—1,9 въ 43 обществахъ; 2—4 дес. въ 7 обществахъ; болѣе 4 дес. въ 2 обществахъ.

У нихъ же покосной земли приходится на муж. душу: 0,1—0,4 дес. въ 23 обществахъ; 0,5 дес. въ 9 обществахъ;

---

[1]) *См. Аф. Гассіевъ*: Земельно-экономическое положеніе туземцевъ и казаковъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Влад. 1909 г.

0,6—0,9 въ 18 общ.; 1,0—1,9 въ 39 общ.; 2,0—4,0 въ 25 обществахъ; болѣе 4 дес. въ 16 обществахъ.

б) У ингушей причитается на 1 мужс. душу:

Общества.	пахотн. зем.	покосн.	всяк. удоб. и неудоб.
Джераховскомъ	0,5	0,8	4,9
Мецхальскомъ	0,34	1,0	4,0
Хамхинскомъ	0,28	1,24	6,8
Цоринскомъ	0,35	1,3	3,3
в) У осетинъ	0,4	1,4	6,5
г) У лезгинъ	1,4	1,3	3,9“.

Данныя эти добыты изъ трудовъ вышеупомянутой комиссіи посредствомъ выборки и сводки чиселъ, содержащихся въ пространныхъ таблицахъ каждой народности.

Къ этому нужно добавить, что за бортомъ остаются десятки тысячъ душъ совершенно безземельныхъ.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что горцевъ нагорной полосы нельзя назвать чисто земледѣльческимъ населеніемъ, ихъ нужно скорѣе причислить къ *скотоводоземледѣльческому*, нельзя не согласиться, что мизерность ихъ земельной обезпеченности *колоссальна*.

При рабочей нормѣ, опредѣляемой въ 11 десятинъ на наличную мужскую душу, избыточной земли приходится на каждую мужскую душу—у казаковъ 2,7 десятины, въ то же время въ нагорной части Сѣвернаго Кавказа, по вычисленіямъ одного изъ лучшихъ знатоковъ горской жизни *г. Г. Цаголова* „на каждыя пять душъ наличнаго населенія мужского пола, за убогимъ столомъ природы, имѣется приборъ только для одного человѣка, а остальные четыре должны встать изъ-за стола. Другими словами, въ нагорной полосѣ земли хватаетъ только для одной пятой части населенія, а остальные 80% являются лишними ртами“[1]).

---

[1]) *Геор. Цаголовъ.* „Замѣтки о нагорной полосѣ“. „Терекъ“ 1907 г. Несмотря на такую колоссальную нужду въ землѣ коренного горскаго населенія, есть на Руси политиканы, домогающіеся колонизаціи Кавказа безземельными русскими крестьянами. Охъ, ужь эти истинно-русскіе апологеты сгибанія инородцевъ въ бараній рогъ!.. А. Ц.

Немудрено, что горцы нагорной полосы, особенно чеченцы и лезгины занимаются въ широкихъ размѣрахъ отхожими промыслами *легальными и нелегальными*, покрывая *только* изъ этого источника налоги и повинности.

Если бы пожелали отъ общей картины жизни горцевъ нагорной полосы и отъ цифровыхъ выкладокъ перейти къ детальному выясненію характера ихъ повседневной жизни, то, вотъ, нижеприводимое нами описаніе жизни осетинскаго горнаго аула Тамиска могло бы послужить для этой цѣли прекрасной иллюстраціей [1]):

„Аулъ Тамискъ производитъ страшное впечатлѣніе по внѣшнему виду.—Деревянные дома на курьихъ ножкахъ едва прикрыты соломой, безъ оконъ и печекъ. Околица заросла мелкимъ кустарникомъ. Кругомъ лѣсъ. Не видно ни коровы, ни телка. Но еще печальнѣе онъ по внутреннему содержанію: въ антигигіенической обстановкѣ валяются въ лохмотьяхъ маленькія дѣти, больные мужчины и женщины и престарѣлые старики. Хроническое голоданіе, болѣзни и нищета заѣдаютъ несчастныхъ жителей.

Дѣти до 10 лѣтъ не знаютъ обуви. Не лучше одѣты и взрослые. Мнѣ приходилось видѣть такихъ людей, которые живутъ въ одной парѣ бѣлья по цѣлымъ годамъ. Причиной этой полунищенской жизни является малоземелье, или—вѣрнѣе—безземелье.

Надъ Тамискомъ полновластно царитъ постоянная нужда въ насущномъ хлѣбѣ.

Къ этому общему бѣдствію необходимо прибавить и ежегодно возрастающія арендныя цѣны. Увеличиваются и расходы на общественныя нужды. Раскладка въ Тамискѣ колеблется отъ 12—25 на дымъ.

Сейчасъ въ Тамискѣ 50 подростковъ обоего пола, остающихся внѣ школы. Нѣтъ въ аулѣ и медицинской помощи, хотя населеніе вѣритъ докторамъ, которыхъ называютъ земными богами.

Ко всему этому Тамискъ лишенъ послѣдняго средства къ существованію — лѣса, который густымъ кольцомъ окружаетъ село.

---

[1]) *Голосъ Кавказа.* Іюнь 1907. № 6. Владикавказъ.

Въ 1888 году мѣстное лѣсничество незаконно отобрало всѣ лѣса, проходящіе черной полосой по предгоріямъ Кавказа.

И теперь населеніе не только не можетъ продавать издѣлія изъ лѣса, но нѣтъ даже достаточнаго отопленія. Строевой лѣсъ пріобрѣтается населеніемъ по весьма дорогой цѣнѣ“...

Въ силу такого положенія жители Тамиска, ежегодно, съ наступленіемъ весны, отправляются на плоскость, гдѣ одни арендуютъ клочки земли, другіе ищутъ заработковъ во время полевыхъ работъ.

Они являются поденщиками и батраками, при полномъ отсутствіи понятія о рабочемъ днѣ и правильной нормировкѣ заработной платы.

За самую нищенскую плату работаютъ они отъ зари до зари...

Развѣ нужны еще комментаріи для того, чтобы ясно понять и почувствовать весь ужасъ развертывающихся картинъ горской жизни?!...

Угрюмо подымаются къ небу великаны горы. Ослѣпительнымъ серебромъ сверкаютъ вершины каменныхъ гигантовъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами. Кругомъ сѣрые, безплодные выступы скалъ. Тамъ и сямъ разбросанные клочки, зеленѣющихъ полей, воздѣланныхъ человѣческой рукой. Вѣчное безмолвіе природы, нарушаемое изрѣдка гулкимъ эхомъ выстрѣловъ охотника за турами, да заунывнымъ душу хватающимъ пѣніемъ бѣдняка-горца.

Однообразный шумъ мчащагося гдѣ то далеко внизу горнаго потока, похожій на рокотъ проходящихъ лѣтъ.

А тутъ рядомъ, будто орлиныя гнѣзда, разбросаны сѣрыя сакли горцевъ. Дымъ тонкой струей подымается къ небу.

И, кто знаетъ, сколько глухихъ стоновъ замираетъ въ этихъ дымныхъ сакляхъ, сколько мучительныхъ мыслей, тяжелыхъ и однообразныхъ, терзаютъ и сверлятъ мозгъ горца, не находя разрѣшенія.

Холодно и безучастно глядятъ небеса и, ни слова робкой жалобы, ни глухіе взрывы проклятій нигдѣ не находятъ себѣ отклика.

А мы, если пожелаемъ, то можемъ прочитать зловѣщія строки:

„Въ то время, какъ все населеніе Сѣвер. Кавказа съ 1886 г. по 1897 г. возросло съ 2.600 т. ч. до 3.725 т. чел. т. е. на 44% туземное населеніе почти не увеличилось“ [1]).

II.

Выше мы говорили о положеніи горцевъ въ нагорной полосѣ Кавказа, но значительное количество горцевъ обитаетъ на плоскости и положеніе этого населенія, хотя и нѣсколько лучшее, но также далеко не отрадно.

Когда, при покореніи Кавказа, передъ русскими администраторами всталъ вопросъ о томъ, какъ лучше обуздать хищную натуру горца, то было составлено масса проектовъ. Одинъ, исходя изъ того соображенія, что „хищная натура горца, его дикіе нравы—вотъ корень его необузданности, предлагалъ для того, чтобы смягчить нравы „разнузданныхъ“ горцевъ, постараться воздѣйствовать на нихъ при помощи музыки, которая-де обладаетъ дивною способностью смягчающе и вообще благотворно влiять на человѣка. Въ другихъ проэктахъ давались коварные совѣты — постараться развратить горцевъ страстью къ спиртнымъ напиткамъ, картамъ и вообще пріохотить ихъ ко всѣмъ темнымъ инстинктамъ, разжигаемымъ современной цивилизаціей. Но, въ концѣ концовъ, было рѣшено постепенно *оттѣснять горцевъ съ привольныхъ пастбищъ и полей и очищенныя мѣста заселять казачьими станицами*. Такъ образовалось нѣсколько цѣпей казачьихъ станицъ острымъ клиномъ врѣзывающихся въ самую сердцевину горскихъ земель. Съ другой стороны, какъ мы указывали выше,[2]) для ослабленія горскихъ племенъ покорители Кавказа часто заставляли горцевъ,—особенно непримиримо относившихся къ русскому владычеству, выселяться изъ своихъ малодоступныхъ гнѣздъ на отводимыя имъ на плоскости мѣста,—подъ бдительный надзоръ русскихъ властей.

---

[1]) Труды коммисіи Влад. Гор. Думы о причинахъ грабежей и разбоевъ во Владикавказѣ.

[2]) См. ст. „Страничка прошлаго“.

Такія же поселенія устраивались и по разнымъ другимъ соображеніямъ.

У всѣхъ выселявшихся на плоскость устанавливалась общинная форма владѣнія землей съ залежной системой обработки, причемъ въ общинномъ владѣніи находились рѣшительно всѣ угодья: пахотная земля, выгонъ, пастбища, лугъ и лѣсъ.

На этой землѣ туземцы занимались прежде воздѣлываніемъ пшеницы, проса, а въ послѣднее время главнымъ образомъ кукурузы.

Несмотря на дурную обработку и уходъ, кукуруза все же прекрасно родится. Горцы очень довольны ея урожаями, находятъ ее самымъ благодарнымъ, надежнымъ, „необманчивымъ" хлѣбомъ. „Какъ бы она плохо ни уродилась,—разсуждаютъ они,—все же окупаетъ труды, а ужъ коли покопался около нея, пропололъ разъ, да хорошенько, во время, ну— тогда будь спокоенъ: никто и ничто не возьметъ у тебя твоихъ трудовъ. Это—не пшеница, которая въ излишнюю сырость можетъ полечь, въ пору спѣлости—гляди въ оба, прозѣвалъ день, случился вѣтеръ,—и уже не досчитаешься половины зерна, которую побьетъ вѣтромъ. Это и не просо: три—четыре дня жгучаго солнца и, глядишь, оно побурѣло и остановилось въ ростѣ [1]).

Кукуруза питаетъ горца. Изъ нея онъ дѣлаетъ хлѣбъ. Ее онъ везетъ на базаръ и тамъ продаетъ, на вырученныя деньги уплачиваетъ раскладку, покупаетъ необходимыя для хозяйства принадлежности. Вывозъ кукурузы съ Сѣвер. Кавказа съ каждымъ годомъ увеличивается, принимая все болѣе и болѣе крупные размѣры.

Садоводство еще плохо развито, несмотря на въ высшей степени благопріятныя климатическія и топографическія условія. А скотоводство и овцеводство, то эти стороны горскаго хозяйства, имѣвшія сильное развитіе во время покоренія Кавказа, теперь совершенно пали, въ виду уменьшенія до крайности количества земли—пастбищъ и луговъ и крайняго вздорожанія арендной платы. Въ былыя времена не было дома, который не имѣлъ бы нѣсколько десятковъ баранты, теперь такіе дома являются большой рѣдкостью.

---

[1]) *В.-И.-Л.* Переходное состояніе горцевъ Сѣвер. Кав. стр. 10.

Что касается птицеводства, маслоководства и пчеловодства, то только пчеловодство получило болѣе сильное развитіе и то въ Чечнѣ и Кабардѣ, (благодаря обилію дикорастущихъ медоносныхъ травъ), гдѣ несмотря на примитивный уходъ за пчелами, онѣ всегда даютъ огромное количество превосходнаго меду и воску. Присутствіе горныхъ возвышенностей, съ постепенно мѣняющимся, смотря по высотѣ мѣстности, климатомъ создало весьма благопріятныя условія для кочевой системы пчеловодства: перенося свои пасѣки изъ болѣе низкихъ и теплыхъ въ болѣе возвышенныя и холодныя мѣста, гдѣ весна и лѣто наступаютъ позднѣе, пчеловоды имѣютъ возможность удлинить для пчелъ періодъ взятки и такимъ образомъ сдѣлать ихъ работу плодотворнѣе.

Для характеристики земельной обезпеченности плоскостныхъ горцевъ мы можемъ взять данныя, имѣющіяся въ статьѣ г. *Гаврилова* [1]).

Оказывается, что нормою надѣла на дымъ для Большой Кабарды приняли (въ 1865 г.) 36 десятинъ; для надтеречнаго наибства, образовавшагося изъ выселенныхъ на плоскость чеченцевъ 33 десят. (1863 г.); назрановскій участокъ получилъ въ 1866 г. по 18 десят., Вольно-христіан. и Вольно-Магом. аулы по 24 д., о чемъ имъ и объявлено было 24 ф. 1868 г.; аулъ Ардонъ и Салугарданъ получили (1864 г.) по 24 дест. Такимъ образомъ средней нормой подымнаго надѣла на плоскости можно принять 27,5 д. (въ расчетъ вошелъ и аулъ Баргуны, надтеречнаго наибства, который, вслѣдствіе хорошаго качества занятыхъ имъ земель, получилъ лишь около 18 десят. на дымъ).

Если въ податной единицѣ—дымѣ, часто состоящемъ изъ двухъ-трехъ и болѣе семей, живущихъ вмѣстѣ, примемъ только 5 д. м. пола, то на каждую душу придется 27,5 : 5=5,5 д.

Для сравненія посмотримъ теперь на положеніе казаковъ; по положенію 23-го апр. 1870 г., казаки должны были быть надѣлены землей въ размѣрѣ 30 дес. на душу муж. пола. На самомъ дѣлѣ они получили нѣсколько менѣе. Но, по доходности, земли Терскаго казачьяго войска были раз-

[1]) *„Сборникъ свѣдѣній о Кавк. горцахъ“* Выпускъ III.

дѣлены на пять категорій: земель первой категоріи давали по 16 дес., второй по 19 десят., третьей—23 десят., четвертой—28 и пятой 35,6 десят. на одну душу. Отсюда средній размѣръ душевого надѣла для казаковъ составляетъ 24,3, т. е. казачья душа оцѣнена была въ 4,4 раза дороже горской. Тамъ, гдѣ горская семья въ 5 душъ получала 27,5 такая же казачья получала 121 десятину. Прошло 30 лѣтъ и цифра 27,5 на домъ оказалась фиктивной. Большія патріархальныя семьи успѣли распасться на цѣлый рядъ мелкихъ, увеличилось общее количество жителей и что же оказалось. Вотъ напр. аулъ Ардонъ и Салугарданъ получили, какъ упомянуто выше въ 69 году одинаковый надѣлы—по 24 десят., спустя 30 лѣтъ приходится на дымъ: Ардонъ—одинъ дымъ 5.700 десят. на 420 дымовъ—13,д.; Салугарданъ 4,350:260 дым.—16,8 д. И тутъ все—и удобная и неудобная земля... А теперь и эти жалкія цифры должны быть уменьшены.

Касаясь теперешняго соотношенія земельной обезпеченности казаковъ и туземцевъ получаемъ такую общую картину [1]):

Казакамъ (къ 1 янв. 1900 г. 219 266 душъ обоего пола) отдано удобной земли (изъ 4 милл. 742280 дес. всѣхъ удобныхъ земель и 980,555 дес. лѣсу Терской обл.) всего 2 милл. 9047 дес. (Терск. статист. ежегодн. 1908 г. стр. 19—20). Если изъ остатка 2 милліона 733233 дес. исключить земли городовъ 45 тыс. дес., министерства земледѣлія 439 тысячъ десят., потомъ разныхъ кумыкскихъ и кабардинскихъ князей, дворянъ, пожалованныхъ лицъ, новыхъ помѣщиковъ, промышленниковъ и еще земли русскихъ крестьянъ (болѣе 100 тысячъ д.); то на *долю 551729 душъ горскаго населенія* придется земли пожалуй даже *втрое* меньше того количества, какимъ владѣютъ 210266 душъ об. пола казаковъ.

Вслѣдствіе такого разпредѣленія земель области, въ казачьихъ станицахъ, при самомъ небрежномъ веденіи полевого хозяйства, при *обработкѣ только* $^1/_3$—$^1/_4$ *надѣла*, годовой доходъ отъ земледѣлія не только *покрываетъ* всѣ расходы казачьей семьи, но даетъ, *излишекъ 139 руб.* въ годъ.

---

[1]) *Аф. Гассіевъ.* Земельно-экономич. полож. туземцевъ и казаковъ на С. Кавказѣ. Стр. 6.

Для болѣе полной характеристики земельнаго положенія горцевъ г. Гассіевъ останавливается еще и на распредѣленіи земельныхъ угодій среди горцевъ Дагестанской области.

Тамъ состоитъ во владѣніи *частныхъ* собственниковъ: пахотной земли 34,378 дес., покосно-пастбищной 292771 дес., пастбищной 59290 дес.; *аульныхъ* обществъ: пахот. зем.—93943 дес.; покосно-пастбищной 220588 дес., пастбищной 431364 дес.

Садовой земли у первыхъ 2285 дес., у вторыхъ 1810 дес.

Слѣдовательно въ частномъ владѣніи 388719 дес., въ общественномъ 747705 дес. Въ распоряженіи министерства земледѣлія находится земельныхъ участковъ 91494 дес. и лѣсу 48291 дес. Всѣхъ дагестанскихъ горцевъ считалось въ 1901 г.: мужскаго пола 263567, женскаго пола 277394; слѣдовательно на мужскую душу земли пахотной причиталось *меньше* $^1/_2$ *десят.*, сѣнокосно-пастбищной $^5/_6$ *дес.*, пастбищной $1^2/_3$.

Но есть факты единственные въ своемъ родѣ. Въ Даргинскомъ округѣ отдѣльныя лица—собственники владѣютъ 9798 дес. пахотной земли, а *всѣ аульныя общества* съ населеніемъ болѣе 80 тыс. душъ обоего пола—*только* 398 *десятинами*. Въ казикумухскомъ округѣ отдѣльнымъ лицамъ—собственникамъ принадлежатъ 6633 дес. пахотной земли, а обществамъ съ населеніемъ болѣе 40.000 душъ об. пола—*только 106 дес.*

Вообще въ цѣлой области размѣръ надѣла на мужскую душу колеблется между 0,5—2 дес. удобныхъ и неудобныхъ угодій.

Земельное положеніе дагестанцевъ съ годами, вслѣдствіе увеличенія населенія, конечно, все ухудшается и ухудшается. По цифрамъ, собраннымъ для кавказской сельскохозяйственной выставки 1889 г. [1]), Дагестанская область производитъ хлѣба на душу обоего пола только 7,7 пуда;—въ то время, какъ Терская — 17,7 пуд.; Кубанская — 30,3 п., Ставропольская губ.—47,1 п.; Закавказская губ.—23,6—31 п.

Въ одинаковомъ съ жителями Дагестанск. об. положеніи находятся и единоплеменники ихъ лезгины, населяющіе части Бакинской губ. и Закатальскаго округа.

---

[1]) Отчетъ о ней изданъ въ Тифлисѣ 1889 г. отдѣльной брошюрой.

Вообще дагестанскихъ горцевъ съ послѣдними теперь нужно считать около 1 милліона, наполовину малоземельнаго, а наполовину или на $1/_3$ безземельнаго. Налоговъ прямыхъ и косвенныхъ и податей они уплачиваютъ въ годъ нѣсколько милліоновъ руб., добывая денежныя средства отхожими промыслами.

Г. Афан. Гассіевъ при этомъ восклицаетъ:

„Удивительный народъ! Эти люди въ разбродъ милостыню просить не идутъ и о выдачѣ продовольственнаго хлѣба изъ казны не хлопочутъ.“

Таковы условія земельной обезпеченности горцевъ. Онѣ будутъ говорить намъ еще яснѣй, если мы ко всему констатируемъ постепенное исчезновеніе скотоводства и овцеводства въ виду того, что держать скотъ въ прежнемъ размѣрѣ на обезпеченной землѣ становится все менѣе и менѣе возможнымъ, а нанимать луга и пастбища оказывается не подъ силу, вслѣдствіе возрастающей изъ году въ годъ арендной платы и постоянныхъ потерь и расходовъ отъ передвиженій.

Иллюстраціей увеличенія арендныхъ цѣнъ, уплачиваемыхъ, напр., осетинами могутъ служить слѣдующія цифры: сел. Ардонъ въ 1863 г. уплатило Змѣйской станицѣ за пахоту, пастьбу, зимовку овецъ, пасѣку и пастьбу овецъ 352 руб., черезъ 33 года арендныхъ денегъ тотъ же аулъ уплачиваетъ болѣе 11,200 руб. въ годъ и т. п.

Арендная плата доходила въ девятисотыхъ годахъ—десятина земли подъ пшеницу —отъ 4—7 руб., подъ кукурузу отъ 7—10 руб.; теперь за тѣ же земли арендная плата—отъ 20 до 30—35 руб.

Недостатокъ земли и вслѣдствіе этого сильное вздутіе арендныхъ цѣнъ являются еще результатомъ того, что почти во всѣхъ селеніяхъ рядомъ съ коренными жителями горскихъ ауловъ, — полновластными хозяевами сельскихъ сходовъ, — появились въ большемъ количествѣ такъ называемые временнопроживающіе, главнымъ образомъ, выселенцы изъ горъ, гонимые изъ насиженныхъ гнѣздъ нуждой и лишеніями. Ихъ положеніе въ плоскостныхъ селеніяхъ—это положеніе парiевъ.

Плоскость ихъ привлекаетъ потому, что они тутъ ближе къ землѣ, которую они могутъ арендовать, ближе къ торговымъ центрамъ, гдѣ они могутъ расчитывать на тотъ или другой заработокъ.

Они пользуются надѣломъ изъ общественной земли подъ усадебное мѣсто, при чемъ платятъ ежегодно около 25 коп. и болѣе за каждую квадратную сажень, уплачиваютъ особый сборъ за пользованіе общественнымъ выгономъ съ каждой головы рогатаго скота около 1 руб.; въ среднемъ ежегодно каждое хозяйство уплачиваетъ до 25—30 руб., многія 45—50 руб. Сверхъ этого всѣмъ имъ приходится арендовать землю подъ пашню и сѣнокосъ на условіяхъ подъ часъ весьма тяжелыхъ.

Многіе изъ коренныхъ жителей сдавали свои усадебныя мѣста въ аренду, а сами „ловили" новые куски общественной земли; болѣе ловкіе люди такую процедуру успѣвали продѣлывать по нѣскольку разъ, покуда сельскія общества не стали принимать рѣшительныхъ, подъ часъ весьма крутыхъ и грубыхъ мѣръ противъ временно-проживающихъ, которыхъ громили наряду съ общеизвѣстными ворами, хотя тутъ временно-проживающіе являлись совершенно ни въ чемъ неповинными.

Прежде, когда земельная тѣснота остро не ощущалась селеніями, принятіе временно-проживающихъ происходило очень легко и свободно. Вмѣстѣ съ земельнымъ голодомъ въ селеніяхъ появилась упорная тенденція рядомъ систематическихъ прижимокъ, обидъ, разнаго рода притѣсненій выжить изъ своей среды временно-проживающихъ для того, чтобы воспользоваться освободившейся землей.

Тяжелому положенію временно-проживающихъ кавказскій публицистъ *Г. Цаголовъ* посвятилъ [1]) слѣдующія краснорѣчивыя строки, дающія яркое представленіе о жизненныхъ мытарствахъ этой категоріи кавказскаго населенія.

„Временнопроживающіе"—это, одинъ изъ самыхъ обездоленныхъ и многострадальныхъ слоевъ нашего горскаго населенія.

Родина временно-проживающихъ—нагорная полоса Терской об., перенаселенная до послѣдней степени, полоса эта

---

[1]) *Терекъ* 1908 г. № 28.

непрерывно выбрасываетъ оттуда, на болѣе обезпеченную въ земельномъ отношеніи плоскость, часть своихъ избыточныхъ рукъ и лишнихъ ртовъ. Этимъ пасынкамъ нагорной полосы, послѣ цѣлаго ряда неудачъ, послѣ продолжительныхъ испытаній и ударовъ судьбы, удается поселиться въ концѣ концовъ гдѣ-нибудь въ одномъ изъ плоскостныхъ селеній.

Такъ... гдѣ нибудь... на ненужномъ клочкѣ усадебной земли какого нибудь прежняго жителя... Въ бѣдной невзрачной лачугѣ...

И бѣдняга, послѣ этого, дѣлается настоящимъ „временно-проживающимъ“, тѣмъ самымъ горькимъ „макаромъ“, на котораго всѣ шишки летятъ.

Надъ нимъ измываются всѣ... Его не давитъ или не обижаетъ только тотъ, кто почему либо абсолютно не способенъ кого либо давить или обижать...

Старшина и другія сельскія должностныя лица обращаются съ ними, какъ съ существами низшаго порядка... Кричатъ... Ругаютъ... Ко всякой мелочи придираются... За всякую малость штрафуютъ и подвергаютъ разнымъ другимъ наказаніямъ.

Сельскіе сходы устанавливаютъ для нихъ непосильныя денежныя повинности...

Берутъ сколько заблагоразсудится, сколько выжать можетъ—выносливая и многострадальная спина временно-проживающаго...

Берутъ на все и за все... Чуть ли даже ни за то, что временно-проживающій дышетъ однимъ воздухомъ съ господами коренными жителями.

Берутъ, но взамѣнъ ничего почти не даютъ, не позволяютъ пользоваться ничѣмъ, отовсюду гонятъ.

Временно проживающій несетъ тяготу денежныхъ и натуральныхъ повинностей, а между тѣмъ его дѣтей не пускаютъ въ школу, не позволяютъ ему пользоваться землей, запрещаютъ иногда строить болѣе или менѣе сносный домишко на арендуемой имъ у кого либо изъ жителей землѣ. Даже фельдшерамъ сельскимъ запрещаютъ оказывать имъ безплатную медицинскую помощь...

И такъ изо дня въ день... Цѣлые годы... Долгіе, мучительные годы!

Особенно сильно ухудшилось положенiе временно-проживающихъ съ тѣхъ поръ, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, кому то вздумалось превращать ихъ въ коренныхъ жителей тѣхъ селенiй, гдѣ они проживали.

Предписывалось занести такого то со всѣмъ семействомъ въ посемейный списокъ и т. д.

Такъ хотѣли рѣшить сложный вопросъ о временно-проживающихъ.

Коренныхъ жителей это страшно озлобило и они начали давить временно-проживающихъ еще сильнѣе.

Бывали моменты, однако, когда о временно-проживающихъ кто-то и гдѣ то вспоминалъ... Писались тогда разныя бумаги... Одни „почтительнѣйше честь имѣли доводить до свѣдѣнiя“, другiе предлагали „и предписывали“...

Потомъ о нихъ опять забывали...

Единственное средство помочь имъ—земля. Вотъ та вещь, о которой неустанно мечтаютъ въ своихъ дымныхъ ветхихъ лачугахъ и сами временно-проживающiе, мечтаютъ вотъ уже въ теченiе многихъ мучительныхъ лѣтъ“...

Въ приведенныхъ нами строкахъ туземнаго автора *Георг. Цаголова* чувствуется весь неподдѣльный трагизмъ бытiя отщепенцевъ и пасынковъ плоскостныхъ ауловъ, трагизмъ подмѣченный чуткой душой публициста [1]).

III.

Выше мы дали нѣкоторые штрихи хозяйственнаго положенiя горцевъ, теперь мы еще хотимъ нѣсколько остановиться на томъ мучительномъ процессѣ разложенiя натуральнаго хозяйства съ его первобытно-патрiархальной идеологiей, которое обусловливается соприкосновенiемъ низшей хозяйственной культуры съ высшей.

Вотъ, что разсказываетъ изъ недавняго прошлаго одинъ изслѣдователь быта горцевъ [1]):

„Дѣло было въ аулѣ. Сидитъ кружокъ осетинъ. Въ числѣ другихъ тутъ находится горецъ лѣтъ 60, уже сѣдой,

---

[1]) Въ настоящее время вопросъ о временно-проживающихъ въ значительной степени урегулированъ нарѣзкой имъ земли. А. Ц.

прослужившій десять лѣтъ въ должности старшины, а въ русско-турецкую войну, произведенный за отличіе въ офицеры,—человѣкъ не глупый и до нѣкоторой степени цивилизованный. Тутъ же—другой простой осетинъ, не любимый всѣми, съ нескрываемыми претензіями на ловкаго вора, и мастеръ вести пренія. Разговоръ завязывается между этими двумя.

Послѣдній, желая, какъ можно больнѣе задѣть за живое своего собесѣдника, обращается къ нему со слѣдующимъ:

— Какъ бы тамъ ни было, Тепса, все таки тебѣ не сумѣть украсть лошадь такъ, какъ это сдѣлаю я.

— Валлахи, биллахи!. Я не только превзойду тебя въ этомъ, но стащу съ твоихъ плечъ шубу и ты, мальчишка, не узнаешь меня!—отвѣчаетъ, едва сдерживая свое волненіе, старикъ...

— Да, воруетъ тотъ,—говорили горцы,—въ комъ есть жизнь, сила, энергія, мужество, а не слабые и бездушные неспособные ни на что“... Такъ было...

Теперь горецъ крадетъ осторожно, иногда гнусно, у своего же бѣдняка сосѣда, крадетъ подъ часъ послѣднюю корову и самъ же предлагаетъ свои услуги сосѣду для розысканія коровы, конечно, за соотвѣтствующее вознагражденіе.

Горецъ теперь не отправляется куда нибудь въ далекій путь, а всѣ свои темныя дѣлишки обдѣлываетъ тутъ же въ родномъ аулѣ, не брезгая никакой суммой заработка.

Даже самый внѣшній видъ горца мѣняется—все чаще и чаще національный костюмъ замѣняется блузой мастерового или пиджакомъ торговца; вмѣсто кинжала—аршинъ; вмѣсто ружья—кирка и ломъ чернорабочаго.

Мѣняются и взгляды горца, онъ прежде съ презрѣніемъ относившійся къ торговлѣ, теперь только и мечтаетъ о лавкѣ.

Если кто нибудь проѣхалъ бы теперь, хотя бы по осетинскому аулу, то онъ поразился бы массой построекъ, которыя вопреки обыкновенію горцевъ строить дома съ почти сплошь глухою стѣною на улицу, имѣютъ наружу прорубленную дверь съ навѣсомъ,—это предусмотрительный хозяинъ разсчитываетъ что когда нибудь, когда дѣла его поправятся, онъ откроетъ лавочку и заживетъ припѣваючи.

---

[1]) *В. Н. Л.* Переходное состояніе горцевъ С. Кав. стр. 39.

Вмѣстѣ съ ломкой натуральнаго хозяйства гибнетъ весь общинно-родовой бытъ горца, всѣ его вѣрованія, обычаи, традиціи разлетаются прахомъ, всѣ его старинныя понятія о чести, о человѣческомъ достоинствѣ, весь освященный вѣками семейно-родовой укладъ—все это исчезаетъ и горца можно встрѣтить теперь на всѣхъ перекресткахъ жизни, ищущимъ какихъ нибудь занятій, готовымъ поступить на какую угодно должность, какъ бы она не казалась позорной его односельчанамъ, еще не порвавшимъ съ завѣтами старины.

Кажется, какую разрушительную роль можетъ играть, напр., русская печь въ семейной жизни горца, а вотъ, какъ важно значеніе ея въ смыслѣ вытѣсненія былыхъ религіозно-нравственныхъ устоевъ горской семьи.

Каждая горская сакля имѣетъ центральное помѣщеніе, гдѣ находится очагъ. Этотъ очагъ охраняется духомъ—покровителемъ дома. Въ очагѣ долженъ быть поддерживаемъ постоянный огонь. Этотъ очагъ является символомъ единенія горской семьи... Здѣсь собирается вся семья горца и цѣпь, висящая надъ очагомъ, считается священной.

Цѣлый многообразный культъ связанъ съ домашнимъ очагомъ.

И, вотъ, появляется въ домѣ русская печь. И очагъ заброшенъ и забытъ. Вся пища готовится въ русской печи и приготовленіе на очагѣ совершается только въ особо торжественныхъ случаяхъ. Постепенно забывается и исчезаетъ изъ памяти горца и весь связанный съ очагомъ патріархальный, торжественный культъ.

Или, вотъ, въ домѣ осетина происходитъ гонка араки [1]. Вся семья настроена торжественно. Всѣ ждутъ, когда водка, наконецъ, будетъ перелита въ боченки. Въ домѣ праздникъ. Весело приглашаются сосѣди и гости. Посвященіе за посвященіемъ, тостъ за тостомъ произносятъ довольные угощеніемъ гости, зовя благословенія Бога и святыхъ на голову хлѣбосольныхъ хозяевъ.

Проходитъ время и открывается, гдѣ нибудь, по близости казенная винная лавка и отъ былого торжественнаго семейнаго праздника ничего не остается. Горецъ начинаетъ

---

[1]) Горская водка.

пить водку гдѣ нибудь, въ укромномъ мѣстѣ, подъ заборомъ, одиноко и мрачно.

Былая радость семейнаго праздника замѣняется мучительной жаждой привычнаго алкоголика.

Самый характеръ горца начинаетъ сильно видоизмѣняться. Горецъ чувствуетъ, какъ исчезаетъ гармонія въ его мысляхъ и въ его жизни, которыя давали столько увѣреннаго спокойствія и самообладанія его предкамъ.

Жизнь выбиваетъ его каждодневно изъ обычной колеи. Жизнь соблазняетъ его каждодневно разнообразіемъ возможностей. Жизнь безжалостно смѣется надъ всѣмъ, чему десятки лѣтъ поклонялись его отцы, что свято чтили его дѣды.

Чувствуетъ онъ, что скоро забудутся преданія старины, завѣты предковъ, будутъ уничтожены, освященныя временемъ, нравы и обычаи.

И, озлобленный и полуголодный, вступаетъ онъ съ мрачной рѣшимостью въ ряды тѣхъ людей, лишенныхъ по его взгляду человѣческаго образа, которыхъ онъ такъ часто встрѣчаетъ въ грязныхъ притонахъ города.

Горецъ становится лихорадочно-суетливымъ и мрачно-безпокойнымъ.

И все чаще и чаще заунывныя дѣдовскія пѣсни, въ которыхъ чудится, будто душа горца тоскуетъ среди суровыхъ безплодныхъ горныхъ тѣснинъ по широкому раздолью степей, смѣняются разухабистой пѣсней подгулявшаго мастерового.

Много иллюстрацій можно было бы привести для того, чтобы показать, какія пертурбаціи, производитъ въ жизни горцевъ тотъ могучій процессъ промышленнаго развитія, который давно уже и такъ властно хозяйничаетъ и въ мужицкомъ царствѣ русскихъ деревень.

Вотъ передъ вами патріархальная горская семья.

Пять взрослыхъ братьевъ единодушно и дружно заняты земледѣльческой работой. Старшій братъ по обычаямъ старины физическимъ трудомъ не занимается, онъ только руководитъ всѣми работами, распредѣляетъ занятія, принимаетъ гостей, участвуетъ въ сельскомъ сходѣ, совершаетъ поѣздки въ городъ въ случаѣ, если что либо нужно купить по хозяйству или продать. Остальные братья мирно и друж-

но выполняютъ всѣ работы, дабы имѣть возможность аккуратно заплатить сельскую раскладку, не отпустить гостя голоднымъ, собрать необходимыя средства для калыма. Аккуратно выполняются полевыя работы по обработкѣ кукурузы и пшеницы, аккуратно косится трава и собирается сѣно, совершаются поѣздки за дровами въ лѣсъ. Всѣ интересы семьи сосредоточены вокругъ земли и земледѣльческихъ работъ.

Весь строй мыслей и желаній твердо ограниченъ кругомъ обычныхъ традицій и желаній. Домъ полная чаша. Въ семьѣ миръ и ладъ.

Проходитъ годъ — другой и, однажды, у одного изъ братьевъ мелькаетъ мысль, что недурно было бы, время отъ времени, заниматься извозомъ на желѣзную дорогу.

Заработалъ разъ, другой, третій. Въ семьѣ пришли къ выводу, что извозъ—вещь прибыльная, купили лошадей и всецѣло предоставили это занятіе одному изъ братьевъ. Дѣла извоза пошли хорошо. Всѣ доходы съ извоза въ первое время поступали старшему брату, такъ сказать, въ общую кассу, но затѣмъ этотъ порядокъ сталъ нарушаться все чаще и чаще. Братъ занявшійся извозомъ рѣшилъ, что ему невыгодно дѣлиться, что его заработокъ не соотвѣтствуетъ той долѣ, которую онъ получаетъ изъ хозяйства.

И прежній миръ въ семьѣ рушится. Падаетъ авторитетъ старшаго брата, его начинаютъ обвинять въ тунеядствѣ, рушится миръ, ладъ и согласіе, единственнымъ выходомъ изъ тяжелыхъ семейныхъ раздоровъ является раздѣлъ. Хозяйство дробится, братья бѣднѣютъ, обращаются въ неаккуратныхъ плательщиковъ, начинаютъ метаться изъ стороны въ сторону, бросаютъ, наконецъ, земледѣліе, и бѣгутъ въ городъ искать заработка.

Само занятіе извозомъ, какъ промысломъ, ведетъ къ цѣлому разрушительному процессу не только въ хозяйственной жизни горца, но и во всемъ его міросозерцаніи. Оно ставитъ горца въ положеніе продавца и нарушаетъ тѣ прежнія патріархально-родовые навыки гостепріимства и любезности, которыми привыкли руководиться горцы въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Такъ, во всѣхъ сферахъ жизни кавказскаго горца совершается тотъ мучительный процессъ первоначальнаго раз-

слоенія, который въ конечномъ счетѣ можетъ и долженъ привести къ тѣмъ широкимъ, классовымъ образованіямъ, которыя уже получили мѣсто въ русской деревнѣ.

Въ каждомъ горскомъ аулѣ можно видѣть два полюса: разбогатѣвшихъ кулаковъ и бѣдноту изъ года въ годъ все болѣе запутывающуюся въ тенетахъ непосильныхъ платежей.

Вотъ, тотъ мучительный періодъ, который переживаютъ ссйчасъ горцы Кавказа.

Земельная нужда. Тяжесть налоговъ. Гибель натуральнаго хозяйства въ связи съ ломкой первобытной патріархально- родовой идеологіи. Какъ многихъ давитъ суровое колесо жизни, какъ многіе опускаются на самое дно житейскаго болота, теряя образъ и подобіе человѣка!... Смутно-тревожно улавливаетъ слухъ глухіе стоны погибающихъ и первые радостные крики тѣхъ, кто видитъ вдали манящіе огни новаго бытія.

Теперь особенно необходимо прійти горцамъ на помощь.

Но кто прійдетъ къ нимъ? Кто укажетъ имъ путь спасенія?!...

1910 г.

О кустарной промышленности.

Обыкновенно, при болѣе подробной характеристикѣ, принято различать четыре основныхъ типа кавказскихъ мѣстностей: степь, лѣсогорную полосу или предгорье, верхнюю горную или альпійскую полосу и приморскую, т. е. камышевыя прибрежья Чернаго и Каспійскаго морей.

Въ мѣстностяхъ перваго и четвертаго типа промышленная дѣятельность, особенно слаба. Хотя нужно замѣтить, что альпійская полоса, лежащая свыше 4.000 фут., представляетъ очень рѣзкіе контрасты.

Если мы обратимся къ Дагестану, Владикавказскому округу, Баталпашинскому отдѣлу Кубанск. обл., то мы увидимъ тутъ интересное явленіе, указанныя мѣстности сильно оживлены разнаго рода промыслами, чего мы не видимъ рядомъ въ этой же нагорной полосѣ, гдѣ больше господствуетъ добывающая промышленность и въ особенности овцеводство.

Промышленная дѣятельность развита наиболѣе равномѣрно въ предгорьяхъ до 4—5 тысячъ футовъ, здѣсь районъ распространенія ея весьма значителенъ.

Нужно ли говорить о важности кустарной промышленности въ сельско-хозяйственной жизни населенія Сѣвернаго Кавказа? Если же принять во вниманіе то малоземелье, которое несомнѣнно, какъ мы констатировали выше,[1]) въ самыхъ сильныхъ формахъ существуетъ у жителей нагорной полосы Сѣвернаго Кавказа, то то или другое положеніе кустарной промышленности въ краѣ является вопросомъ первостепенной важности особенно въ настоящій переходный моментъ исторической жизни края.

Отсутствіе цѣнныхъ изслѣдованій по вопросу о кустарной промышленности на С. Кавказѣ болѣе или менѣе близкаго намъ періода времени дѣлаетъ этотъ вопросъ еще болѣе интереснымъ, требующимъ хотя бы нѣкотораго освѣщенія.

---

[1]) См. Ст. „Нѣкоторыя черты"...

Если бы мы хотѣли взглянуть на карту развитія кустарной промышленности на С. Кавказѣ и закрасить эту карту извѣстными тонами, то мы должны были бы закрасить самымъ густымъ слоемъ краски горныя высоты Дагестана и давать эту краску все слабѣе и слабѣе, удаляясь на западъ отъ береговъ Каспія.

Нигдѣ такъ на С. Кавказѣ не развита кустарная промышленность, какъ въ Дагестанѣ, представляющемъ можетъ быть одну десятую всего пространства занятаго остальными тремя сѣверными областями Кавказа.

Всѣ роды кавказскихъ издѣлій и производства имѣютъ мѣсто въ этой части С. Кавказа и вся она носитъ промысловый характеръ.

Продукты этой кустарной промышленности имѣютъ самый широкій сбытъ. Съ ними мы встрѣчаемся въ Терской, Кубанской обл., Ставропольской губ. и во всемъ Закавказьи.

Если бы мы пожелали удалиться отъ Дагестана на западъ, то мы увидѣли бы, что по мѣрѣ удаленія отъ этого промышленнаго центра, начинаетъ уже преобладать не обрабатывающая, а добывающая промышленность.

Взять хотя бы Терскую обл. гдѣ мы видимъ здѣсь развитіе кустарныхъ промысловъ?... Прежде всего кустарные промыслы здѣсь распредѣлены не такъ равномѣрно, какъ въ Дагестанѣ, и они концентрируются главнымъ образомъ вокругъ городовъ и ярмарочныхъ пунктовъ, а изъ другихъ мѣстъ они больше всего развиты въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Дагестану, такъ въ этомъ отношеніи здѣсь больше всего славится кумыцкая плоскость, а за нею и Грозненскій округъ.

Пойдемъ далѣе на западъ и мы встрѣтимъ тутъ кустарные промыслы въ Владикавказскомъ округѣ, въ нѣкоторой части его нагорной полосы, а также въ Пятигорскомъ отдѣлѣ, а затѣмъ они почти совершенно исчезаютъ, уступая мѣсто земледѣлію и скотоводству.

Послѣднее мѣсто занимаетъ Кубанская об.

Но не только въ смыслѣ количественномъ Дагестанъ превосходитъ остальныя обл. С. Кавказа, но и качества лезгинскихъ издѣлій гораздо выше издѣлій другихъ народовъ. И главнымъ образомъ въ этихъ издѣліяхъ принимаетъ участіе трудъ женскій.

Интересную картину рисуетъ одинъ изслѣдователь Дагестана. Мы не можемъ отказать себѣ въ томъ, что бъ не передать этой картины.

„Когда вы просыпаетесь утромъ въ какомъ нибудь горномъ дагестанскомъ аулѣ, васъ уже съ разсвѣтомъ поражаетъ безпрерывный шумъ, происходящій отъ стука ткацкихъ станковъ, отъ ударовъ безчисленныхъ молотовъ по металлу и отъ скрипа напильниковъ.

Выходите вы на крышу дома, которая здѣсь замѣняетъ балконъ и видите, что сотни и даже тысячи очаговъ дымятся внизу на подобіи маленькихъ фабрикъ. Все это напоминаетъ предмѣстье какого нибудь промышленнаго центра, но въ то же время вы видите всю обстановку чисто сельской жизни. Съ каждаго двора выгоняютъ скотъ на водопой, пастухъ на ближайшей горѣ собираетъ стадо овецъ, въ садахъ подбиваютъ виноградную лозу или двигаются съ полей арбы, нагруженныя снопами, на дворахъ женщины и дѣти кормятъ птицу и т. д. Словомъ сливаются одно съ другимъ и фабричное и сельское хозяйство, нисколько не мѣшая другъ другу соединяются въ одно обрабатывающая и производящая промышленность каждой семьи, двора, цѣлаго селенія“.

Въ каждомъ пятомъ или десятомъ сел. Дагестана—еженедѣльно по пятницамъ открываютъ многолюдные базары.

Изъ земледѣльческихъ и садовыхъ округовъ привозятъ сѣмена на посѣвъ, фрукты, пеньковыя издѣлія, женщины выносятъ свои сукна, ковры, полости, готовыя черкески, мѣдники сидятъ со своей посудой,—оружейники разложили кинжалы, шашки, пистолеты; овцеводы пригнали стада овецъ. Всѣ мѣняютъ, покупаютъ, продаютъ“...

Но картина эта въ малоземельныхъ округахъ рѣзко измѣняется съ наступленіемъ зимы. Еще съ осени, съ сентября и октября мѣсяцевъ, Дагестанъ значительно пустѣетъ; большинство мужского населенія, состоящее изъ мѣдниковъ, оружейниковъ, серебренниковъ и пр. расходится на заработки по всему Кавказу, распредѣляясь большими или меньшими группами по тѣмъ же городамъ или селеніямъ, въ которыхъ они работали въ прошлые годы.

Начальникъ Дагестанской области говоритъ (отчетъ 1891 г.), что половина способнаго къ труду населенія Даге-

стана ежегодно отправляется на заработки, при чемъ *уплачиваетъ одного паспортнаго налога 20 тыс. руб.*

Остаются дома старики хозяева или даже однѣ женщины съ малолѣтними дѣтьми, такъ какъ мальчики свыше 12 лѣтъ уже уходятъ вмѣстѣ со своими отцами. Женщины принимаются за шерсть, снятую еще осенью.

Въ теченіе всей зимы онѣ ее перебираютъ расчесываютъ, перебиваютъ и прядутъ, затѣмъ весною ткутъ или валяютъ.

Въ другихъ селеніяхъ живутъ швеи и перешиваютъ сукна на тысячи черкесокъ, ткутъ шелковыя ленты, дѣлаютъ снурки, металлическую тесьму, ковры и пр. Весной опять возвращаются мужья и братья и вносятъ оживленіе въ аулы.

Они приносятъ съ собой заработки, а жены въ доказательство своего трудолюбія—показываютъ имъ свои сукна.

Раннею весной вся семья, съ удвоенной энергіей спѣшитъ окончить свои издѣлія, продать ихъ на базарѣ и купить необходимое для сельскихъ работъ, которыя завершаются осенью уборкой хлѣба, стрижкой овецъ и т. д. Въ такомъ порядкѣ и проходитъ изъ года въ годъ сельская жизнь въ Дагестанѣ.

Изъ кустарной промышленности въ былыя времена въ Дагестанѣ первое мѣсто занимало металлическое производство.

Клинки кинжаловъ и шашекъ, дѣлавшіеся въ Дагестанѣ пользовались заслуженной славой по всему Кавказу.

Теперь эта металлическая кустарная промышленность въ Дагестанѣ пала.

Въ этомъ отношеніи большую роль сыграла конкуренція металлическихъ издѣлій фабричнаго производства изъ Россіи.

Прежде каждый кустарь дагестанецъ имѣлъ возможность узко спеціализировать свой трудъ: одинъ, напр., дѣлалъ стволы па черно, а сосѣдъ его занимался нарѣзкой, другой шлифовкой, четвертый выдѣлкой замковъ и пр., теперь такихъ кустарей нѣтъ, домашнее производство замѣнилось отхожимъ, а прежніе осѣдлые кустари разбрелись по всѣмъ сел. Кавказа по одному и по два. При томъ отхожій кустарь долженъ былъ даже бросить свою главную спеціальность, и

размѣняться на мелочи; здѣсь онъ подчинитъ лемехъ, тамъ стволъ, сдѣлаетъ ножъ, или полудитъ мѣдную посуду.

Кто проѣзжалъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ по кавказскимъ дорогамъ, тому навѣрное бросались въ глаза смуглые странники въ косматыхъ лезгинскихъ буркахъ, которые осенью тянутся молчаливо и угрюмо на чужбину по 3—4 человѣка на одной вьючной лошади, на которой навьюченъ весь дорожный инструментъ кустарей, состоящій изъ мѣха, нѣсколькихъ молотковъ и подпилокъ.

Въ уѣздныхъ, областныхъ и губернскихъ городахъ, обыкновенно ихъ мастерскія образуютъ особые торговые ряды металлическихъ издѣлій, въ городахъ можно еще встрѣтить и сохранившуюся спеціализацію ихъ работъ: особыхъ мѣдниковъ, лудильщиковъ, серебрянниковъ, мастеровъ холоднаго оружія.

Здѣсь можно видѣть и то, какія лишенія претерпѣваетъ отхожій промышленникъ въ то время, когда уходитъ изъ своего дома съ тѣмъ, чтобы принести въ семью побольше заработка.

Мастерскія дагестанцевъ-мѣдниковъ всюду довольно однообразны: они представляютъ изъ себя досчатыя конуры въ 3 и 4 аршина въ квадратѣ, въ которыхъ сторона обращенная къ улицѣ днемъ совершенно открыта, а на ночь закрывается откидною досчатою стѣною; оконъ въ этихъ баракахъ не полагается, мебели тоже: здѣсь кустари работаютъ, ѣдятъ и спятъ. Работающіе сидятъ обыкновенно на полу или на землѣ. Ихъ трудолюбіе изумительно. Если есть работа, то они готовы сидѣть не разгибаясь изо дня въ день до самой весны.

Оживленную картину представляетъ моментъ возвращенія партіи дагестанскихъ кустарей домой зимою. Блѣдные, худые, изнуренные, послѣ долгихъ лишеній на чужбинѣ, они тѣмъ не менѣе веселы и оживлены, слышатся пѣсни и выраженія радости по поводу скораго возвращенія домой съ хорошими заработками въ карманѣ, но этотъ заработокъ часто стоитъ имъ дорого, упорный трудъ доводитъ до злой чахотки.

Такъ живутъ, бьются, работаютъ кавказскіе кустари. Ихъ горькая судьба никого не трогаетъ. Никто не считаетъ нужнымъ придти имъ на помощь. И, если существующее

положеніе продолжится и дальше, то великолѣпный образчикъ кавказскаго кустаря отойдетъ въ область прошлаго и промышленность, которая могла бы служить серьезнымъ подспорьемъ кавказскому населенію въ борьбѣ за существованіе, погибнетъ.

Организація кустарнаго дѣла на С. Кавказѣ является одной изъ существенныхъ хозяйственныхъ задачъ, осуществленіе которой необходимо въ интересахъ промышленнаго процвѣтанія края.

Вотъ, напр. какъ заботятся въ другихъ мѣстахъ о судьбѣ кустарей.

Когда московскіе земцы рѣшили прійти на помощь кустарямъ, то на первыхъ порахъ каждый кустарь обходился почти до двухъ тысячъ руб. „Но ни матеріальные убытки, ни напряженная работа не устрашили земцевъ. Теперь въ Москвѣ имѣется центральный для кустарей губерніи складъ издѣлій—кустарный музей. Разсыпанная по всей обширной Московской губерніи сѣть кустарей концентрируетъ свои издѣлія въ Москвѣ.

Каждый кустарь данной губерніи, по доставкѣ своего издѣлія въ к. музей, тутъ же получаетъ наличный расчетъ. Полученныя деньги частью идутъ на покупку матеріала для новыхъ работъ, частью же остаются, какъ чистый заработокъ кустаря. Мѣстами кустари группируются по роду занятій, что даетъ имъ возможность на товарищескихъ началахъ изготовить, напримѣръ, цѣльную мебель...

Улучшеніе же матеріальнаго положенія кустарей значительно и замѣтно прогрессируетъ.

Не забытъ также и женскій трудъ, который въ долгія зимнія ночи является большимъ подспоріемъ для поднятія благосостоянія крестьянина. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ пунктахъ имѣются школы кустарей подъ наблюденіемъ спеціалистовъ-художниковъ, старающихся придавать самобытныя черты произведеніямъ народныхъ художниковъ-кустарей.

Въ самой Москвѣ функціонируетъ комитетъ имени В. Кн. Елизаветы Феодоровны для поддержанія кустарнаго дѣла и „Союзъ кустарей“.

Первый, главнымъ образомъ, занятъ поддержаніемъ женскаго труда; второй—организуетъ посильную помощь и внѣ московскаго района. Дѣла упомянутыхъ организацій

идуть превосходно, развиваясь, какъ говорится, въ ширь и въ высь.

Примѣру Московской губерніи послѣдовали и другія.

Всѣ эти комитеты и кустарные музеи, естественно, говоритъ авторъ этихъ строкъ *М. Тугановъ* [1]) не имѣютъ представленія о работахъ кавказскихъ кустарей, и полагаютъ, что все производство кустарей —кавказцевъ можно найти въ любомъ магазинѣ азіатскихъ вещей.

„Досадное заблужденіе. Столичные магазины кавказскихъ вещей преподносятъ публикѣ одну фальсификацію; даже серебряныя издѣлія съ надписью „Кавказъ" по большей части работы московскихъ же мастеровъ.

Мѣстные же кавказскіе кустари серебряки, мѣдники, работающіе по дереву, выдѣлывающіе кожи, бурки, сукна и пр.,— доживаютъ на глазахъ мѣстной интеллигенціи горькіе послѣдніе дни!"....

Кто же виноватъ въ печальномъ положеніи кустарной промышленности на С. Кавказѣ?

Виноваты тѣ, кто не только ставитъ преграды развитію общественной самодѣятельности среди туземцевъ, но кто недоброжелательнымъ окомъ смотритъ на каждый шагъ этого населенія по пути того или иного преуспѣянія.

Но виновата и горская интеллигенція мало пекущаяся о судьбѣ народа, изъ нѣдръ котораго она вышла.

Она могла бы подробно разработать вопросъ о поддержаніи и расширеніи въ краѣ кустарнаго дѣла.

Она могла бы создать достаточныя средства для учрежденія на С. Кавказѣ объединяющаго кавказскихъ кустарей музея, использовавъ съ этой цѣлью и возможныя со стороны правительства субсидіи.

Но, увы, для поддержанія кустарей и кустарной промышленности ничего не дѣлается и энергичное и трудолюбивое населеніе горъ Кавказа гибнетъ и вырождается въ непосильной борьбѣ за существованіе.

---

[1]) „Владикавказ. Листокъ" № 30. 1912 г.

Бюрократія и горцы.

Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ туземныя племена Сѣвернаго Кавказа были покорены силой русскаго оружія и русская культура начала понемногу проникать и въ дебри кавказскихъ ущелій.

Упорная, кровопролитная война съ свободолюбивыми горцами Кавказа была окончена, и новыя задачи встали передъ русскимъ правительствомъ. Съ окончаніемъ кавказской войны надлежало „окончательно умиротворить покоренные народы и утвердить надъ горскими племенами русскую нравственную власть, которая составляетъ вѣрный залогъ спокойнаго обладанія страной“ [1].

И вотъ, если прослѣдить, какъ „окончательно умиротворялись покоренные народы“ и какъ „утверждалась нравственная власть“, то передъ нами развернется тяжелая, глубоко неприглядная картина жизни кавказскихъ горцевъ. Достаточно вспомнить выселеніе тысячъ кавказскихъ горцевъ въ Турцію, отобраніе лучшихъ земель горцевъ подъ казачьи станицы, поддержку такъ называемыхъ высшихъ сословій горцевъ, административныя репрессіи по отношенію къ горцамъ въ видѣ военныхъ экзекуцій съ постоями солдатъ и казаковъ въ туземныхъ селеніяхъ, насильственное обезоруженіе туземцевъ, съ оскорбительными для ихъ достоинства обысками, круговую отвѣтственность сельскихъ обществъ за порочное поведеніе отдѣльныхъ членовъ, ограниченіе горцевъ въ правѣ жительства въ городахъ ихъ родины и въ правѣ пріобрѣтенія недвижимой собственности, расхищеніе капиталовъ, собранныхъ съ туземцевъ, отобраніе земель и лѣсовъ въ пользу казны.

---

[1]) Изъ рескрипта Императора Александра II на имя намѣстника Кавказа, великаго князя Михаила Николаевича, отъ 13 октября 1871 г.

Прибавимъ къ этому, что кавказскіе горцы почти во всемъ поставлены внѣ дѣйствія законовъ имперіи, которые въ примѣненіи къ нимъ слишкомъ слабо, будто бы, охраняютъ прерогативы власти. Администрація попрежнему руководствуется принципомъ divide et impera, поддерживаетъ руссификаторскую дѣятельность, игнорируетъ хозяйственно-экономическія нужды горцевъ.

А что обѣщали кавказскія власти при покореніи или добровольномъ подчиненія того или другого племени можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ весьма краснорѣчивыхъ документовъ.

Вотъ, напр., прокламація горскимъ народамъ Кавказа главнокомандующаго отдѣльнымъ корпусомъ, генералъ-адъютанта, генералъ отъ инфантеріи *графа Воронцова:*

„Было бы вамъ извѣстно, что я по волѣ Всемилостивѣйшаго Государя Императора Русскаго назначенъ управлять здѣшнимъ краемъ. Его Величеству благоугодно и его единственное желаніе есть, чтобы здѣсь былъ миръ и спокойствіе. Вамъ извѣстно, что упорная борьба ни къ чему не ведетъ болѣе, какъ къ убыткамъ и пролитію крови и это уже доказано предшествовавшими годами. Война эта, вамъ, вашимъ семействамъ не принесетъ ничего хорошаго, кромѣ бѣдствія и невозвратимыхъ потерь. Повѣрьте, что упорствомъ своимъ вы не только вынудите Россію поднять безчисленныя силы и безпощадно наказать васъ всей силою войны. Ужели вы не убѣдились еще въ обманчивыхъ думахъ (?)—что свары и совѣты дурныхъ людей, находящихся между вами, вмѣсто обѣщаннаго блаженства, котораго можно будто бы достигнуть безполезною войною, не приносили вамъ прежде и теперь не принесутъ ничего хорошаго, кромѣ бѣдствій и потерь.—Если вы не послушаете меня, будете вести себя попрежнему, то я буду вынужденнымъ поднять оружіе, раззорять ваши села и подвергнуть васъ и семейства ваши неизбѣжнымъ бѣдствіямъ войны... Если совѣты мои послужатъ вамъ на пользу и вы послушаете меня и удовлетворите желаніе моего Великаго Сильнаго Государя, этимъ вы принесете мнѣ величайшее удовольствіе и я съ радостью готовъ излить на васъ щедроты моего Монарха и вы удивитесь Его милостямъ и будете прославлять миръ. Вѣрьте мнѣ, что все обѣщаемое вамъ есть истина, основанная на волѣ моего Го-

сударя Императора. *Религія ваша, шаріатъ, адатъ, земля ваша, имѣнія ваши, а также все имущество, пріобрѣтенное трудами, будетъ неприкосновенною вашею собственностью и останется безъ всякаго измѣненія.* Россійскія войска будутъ защищать васъ отъ враговъ, начальство будетъ заботиться о благоденствіи вашемъ и вы ни въ чемъ не встрѣтите нужды и никогда васъ не постигнетъ никакое бѣдствіе. Теперь я вамъ сказалъ все, что желаетъ мой Государь и что онъ поручилъ мнѣ передать вамъ. Отъ васъ зависитъ воспользоваться счастіемъ принять наше призваніе или нѣтъ; выбирайте одно изъ двухъ...

Еще разъ повторяю, что обѣщанія мои суть *священны* и они какъ бы собственныя слова моего Великаго Государя, которыя никогда не могутъ подлежать сомнѣнію. Воля моего Монарха и обѣщанія священны и Онъ довѣрителямъ своимъ, какъ и мнѣ ни въ чемъ не отказываетъ"...

Таковы были обѣщанія данныя горцамъ. Ниже мы увидимъ, какъ они были осуществлены.

А вотъ, напр., спеціально къ осетинамъ за подписью главнокомандующаго ген. Тормасова была направлена слѣдующая прокламація:

Куртатинскіе народы!

Его Императорское Величество Всемилостивѣйшій и великій Нашъ Государь Императоръ по обычному сердцу его милосердію заботясь о благосостояніи всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ, Высочайше соизволилъ обратить милостивое свое вниманіе къ пользамъ вашимъ, признавая васъ наравнѣ съ природными поддаными Россіи.

Внемлите Куртатинскіе народы, сколько человѣколюбивый Нашъ Монархъ исполненъ попеченія объ устроеніи прочнаго среди васъ благоденствія.

Отъ нынѣ по Высочайшей Волѣ Его Императорскаго Величества правительство приложитъ всѣ старанія къ улучшенію вашего благосостоянія, дозволенъ вамъ будетъ въѣздъ въ предѣлы Россіи для продажи вашихъ избытковъ въ произведеніяхъ и рукодѣліи, дана будетъ свобода отпускать въ ваши жилища хлѣбъ для пропитанія вашего, дозволенъ будетъ для вашего продовольствія вывозъ соли съ преимущественными выгодами. И сверхъ сего въ вящее

знаменіе покровительства и щедротъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора Высочайше мнѣ повелѣно уставить въ разныхъ мѣстахъ линіи ближайшихъ и выгодныхъ для васъ мѣновые торги, кои бы споспѣшествовали вашей промышленности и устроить для сего полезнаго вамъ заведенія насчетъ казны приличные дворы.

Куртатинцы! познайте изъ сего щедроты къ вамъ Всеавгустѣйшаго и сильнаго Монарха, пекущагося о благѣ вашемъ, познайте источникъ будущаго вашего благоденствія и исполните сердца ваши чувствованіями истинной признательности къ столь благодѣтельнымъ мѣрамъ, пріемлемымъ для вашего благосостоянія, будьте миролюбны, спокойны среди вашихъ жилищъ и въ кругу счастливыхъ семействъ, будьте добрыми людьми, вѣрными благодѣтельствующему Государю Императору, храните свято обязанности вѣрно подданныхъ, наипаче-же удаляйтесь отъ хищничества и грабежей противныхъ Богу и нарушающихъ общественное спокойствіе и, наконецъ, будьте всегда послушны и исполнительны въ требованіяхъ россійскаго начальства, *которое единственною цѣлію имѣетъ доставить вамъ счастіе: тогда промышленность ваша достигнетъ до цвѣтущаго благосостоянія, богатства ваши знатно умножатся, жилища ваши, семейства, имущество и гробы предковъ вашихъ останутся неприкосновенными въ мирномъ покоѣ и благоденствіе пребудетъ съ вами неразлучно*"...

Въ 1811 г. русское правительство дозволило осетинамъ въѣздъ въ предѣлы Россіи, а въ 1906 г. начальникомъ Терской области изданъ слѣдующій любопытный циркуляръ, уничтожающій свободу передвиженія не только для осетинъ, но и для всѣхъ туземцевъ Сѣвернаго Кавказа. „При возбужденіи уголовнаго преслѣдованія по обвиненію нѣкоторыхъ туземцевъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, обвиняемые, въ самомъ началѣ разслѣдованія или во время производства дознанія, скрываются изъ предѣловъ Терской области въ Европейскую Россію, поступая тамъ въ стражники. Отыскать ихъ и привлечь къ законной отвѣтственности является чрезвычайно труднымъ. Въ интересахъ правосудія и освобожденія Россіи отъ элементовъ, никоимъ образомъ не могущихъ служить къ охраненію населенія, предписываю, чтобы впредь туземцы, отправляющіеся въ Россію на службу, получали

удостовѣреніе на право выѣзда лишь по провѣркѣ, не имѣется ли причинъ къ ихъ задержанію".

Легко себѣ представить, къ какимъ вопіющимъ злоупотребленіямъ можетъ вести такая система охраны „интересовъ правосудія", если принять въ соображеніе составъ администраціи и обычные пріемы управленія горскими племенами. А между тѣмъ лойяльность хотя бы, напримѣръ, осетинскаго племени по отношенію къ русской власти почти никогда не подвергалась сомнѣнію съ тѣхъ поръ, какъ Осетія добровольно признала надъ собою верховенство русскаго царя.

Еще въ концѣ XVIII столѣтія появленіе русскихъ войскъ на Кавказѣ сыграло очень большую роль въ жизни осетинъ. Сдавленные кабардинцами въ самыхъ дикихъ трущобахъ центральнаго Кавказа, осетины съ этого времени начинаютъ понемногу оправляться и черезъ нѣкоторое время покидаютъ горы и выселяются на плоскость. Въ теченіе XIX столѣтія русскіе пользуются осетинами въ качествѣ незамѣнимаго боевого матеріала при покореніи Кавказа. И какъ же исполняются обѣщанія, вознаграждаются всѣ ихъ заслуги? Въ 90-хъ годахъ жителямъ горной Осетіи воспрещается продавать и закладывать какія бы то ни было земли, пахотныя, покосныя и усадебныя; они могутъ лишь продавать постройки, т.-е. камень и лѣсъ, изъ коихъ сдѣланы жилища. Сельскимъ обществамъ запрещается отдавать общественныя земли (пастбища и выгоны) въ аренду для развѣдки и разработки минеральныхъ богатствъ безъ предварительнаго разрѣшенія начальства. При полной земельной необезпеченности осетинъ для нихъ являлась весьма значительнымъ подспорьемъ полоса общественныхъ лѣсовъ, расположенная между плоскостью и горною Осетіею, въ количествѣ 90.000 десятинъ. До 1888 г. осетины совершенно свободно владѣли этимъ лѣсомъ безъ всякаго противодѣйствія со стороны администраціи, но съ этого времени лѣса были переданы въ вѣдѣніе мѣстнаго управленія государственными имуществами. Это вѣдомство смѣло, не испрашивая даже Высочайшаго повелѣнія, объявило всю полосу лѣса казенною собственностью. Всѣ земли въ этой полосѣ, лѣсныя полянки, на которыхъ обыкновенно устраивались хутора горцевъ, съ убѣжищами для скота и баранты,— все это неукоснительно отбиралось подъ лѣсныя сторожки или просто предоставлялось

свободному произрастанію бурьяна. Населеніе окончательно разоряли систематическіе штрафы за порубку того лѣса, которымъ съ испоконъ вѣковъ владѣли его отцы и дѣды. Управленіе государственными имуществами стало даже стѣснять безплатный отпускъ лѣса для домашнихъ нуждъ, отводя дѣлянки на такихъ горныхъ крутизнахъ, куда не ступала человѣческая нога.

Русская деревня пережила тяжелые годы крѣпостного права. И вотъ, все, къ чему пріучилъ русскаго бюрократа безропотный крестьянскій людъ, все это примѣнялось къ кавказскимъ горцамъ, дѣлая процессъ приспособленія ихъ къ новымъ условіямъ жизни страшно мучительнымъ, затрудняя пріобщеніе энергичныхъ и способныхъ кавказскихъ народностей къ русской гражданственности и культурѣ. Кавказская администрація ставила горцевъ въ положеніе паріевъ, смотрѣла на нихъ какъ на низшую покоренную расу, какъ на „гололобыхъ татаръ", „азіатовъ", съ которыми нечего церемониться, съ которыми позволительно какое угодно обращеніе. Такими же глазами смотрѣла на туземцевъ и главная масса русскаго населенія, въ лицѣ казачества. Это озлобляло туземцевъ и приводило ихъ къ постояннымъ кровавымъ столкновеніямъ съ казаками.

Уже съ самаго начала поземельнаго устройства горцевъ и казаковъ (какъ мы видѣли выше см. статьи: „Страничка прошлаго" и „Нѣкоторыя черты"...) кавказскія власти обнаружили явное пристрастіе къ казачеству и враждебность къ горцамъ.

Поставивъ туземцевъ, въ экономическомъ отношеніи, въ полную зависимость отъ казачества, кавказская администрація еще въ большей степени поработила туземцевъ въ административно-полицейскомъ смыслѣ.

Положеніемъ 1888 г. объ управленіи Терской и Кубанской областями установлено *узко-кастовое военно-казачье управленіе*, безъ участія въ немъ не только представителей горскихъ племенъ, но и неказачьяго русскаго элемента. Этимъ положеніемъ туземцы ставились внѣ дѣйствія общихъ законовъ и внѣ какихъ бы то ни было заботъ объ ихъ культурно-хозяйственномъ преуспѣяніи.

Какъ хозяйничало казачество среди туземцевъ можно видѣть изъ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкъ въ „Трудахъ"

комиссіи, избранной владикавказскою городской думой для разсмотрѣнія вопросовъ о причинахъ грабежей и разбоевъ въ г. Владикавказѣ. „Со времени покоренія Кавказа казаки смотрятъ на туземцевъ, какъ на своихъ враговъ; казаки отобрали у нихъ лучшія земли, загнавъ ихъ въ глубь дикихъ горныхъ ущелій, откуда, поддерживаемые областной администраціей, вновь домогаются удалить ихъ съ обработанныхъ съ величайшимъ трудомъ земель. Подобное отношеніе казаковъ къ туземцамъ не могло не порождать непріязни между ними. Администрація же не только не принимала никакихъ мѣръ къ прекращенію враждебныхъ отношеній, а наоборотъ, постоянно приносила въ жертву интересы одной половины населенія — другой. Поставленное внѣ дѣйствія общихъ законовъ, систематически преслѣдуемое покровительствуемымъ властями войсковымъ сословіемъ, искусственно дезорганизованное и лишенное всякихъ законныхъ способовъ защиты своихъ интересовъ,—туземное населеніе разоряется, дичаетъ, озлобляется и деморализуется, проявляя изрѣдка свое недовольство въ дикихъ формахъ кроваваго мщенія или открытаго мятежа, какъ это было въ Чечнѣ въ 1898 г., въ Осетіи въ 1902 и 1905 гг., въ Ингушіи въ 1906 г.. Конечно, вспыхивавшіе тамъ и сямъ безпорядки были подавляемы съ безпощадной жестокостью: сотни туземцевъ выселялись на вѣрную смерть въ холодную Сибирь, виновные аулы облагались десятками тысячъ рублей штрафа... И въ концѣ концовъ достигалась завѣтная цѣль казачьей знати: съ „искорененіемъ“ въ туземцахъ „природныхъ“ склонностей къ хищничеству и насилію—„искоренялось само туземное населеніе“...

Такъ говорятъ люди, которыхъ врядъ ли можно заподозрить въ особомъ пристрастіи къ горскому населенію.

Но вотъ другой документъ, засвидѣтельствованный представителями цѣлаго народа: телеграмма ингушскаго населенія въ первую Государственную Думу. „Мы, ингуши съ незапамятныхъ временъ живемъ въ нынѣшней Терской области, въ количествѣ 50.000, занимаясь испоконъ вѣковъ земледѣліемъ. Весь маленькій народъ составлялъ какъ бы одну трудовую общину, не зная, что такое классовыя дѣленія, привилегированныя и непривилегированныя сословія, управляясь общинными началами. Но, послѣ покоренія Кавказа,

въ шестидесятыхъ годахъ, не взирая на всю горячую любовь къ Россіи, высказанную нами не разъ въ трудные историческіе моменты, мѣстныя власти, впущаясь пагубной идеей руссификаціи края, начали отбирать у насъ земли и заселять ихъ казаками. Въ настоящее время $^{2}/_{3}$ нашихъ земель, насильственно отобранныхъ, перешли въ руки казаковъ и мы, ингуши, доведены до такого состоянія, что для того, чтобы жить, должны арендовать землю у тѣхъ же казаковъ. Въ среднемъ ингушское племя платитъ ежегодно казакамъ слишкомъ 30.000 руб. арендной платы. Это ни что иное, какъ налогъ въ пользу казаковъ, налогъ тѣмъ болѣе возмутительный, что мы, ингуши платимъ его за пользованіе землей, принадлежавшей намъ тысячелѣтіями. Но къ нашему несчастію ни казаки, ни власти не довольствуются этимъ. Они, повидимому, окончательно рѣшили истребить наше племя и выжить его. Казаки пользуются всякимъ случаемъ, чтобы придираться къ намъ, взыскивать штрафы, убивать. За одинъ послѣдній годъ намъ пришлось уплатить въ пользу казаковъ 50.000 рублей, между тѣмъ мѣстныя власти, состоя исключительно изъ казаковъ, и областной начальникъ, будучи въ то же время атаманомъ терскаго казачьяго войска, не только ничего не предпринимаютъ противъ нихъ, но поощряютъ ихъ въ этомъ направленіи. Особенно энергично подстрекать ихъ стали за послѣдній годъ, когда освободительное движеніе, идя изъ Россіи, захватило свѣтлыми волнами и наши горы. Вслѣдствіе подобныхъ отношеній къ намъ властей мы за истекшій годъ должны были вынести со стороны казаковъ пять вооруженныхъ нападеній, приводившихъ къ кровавымъ столкновеніямъ. Самымъ возмутительнымъ изъ нихъ было послѣднее, имѣвшее мѣсто при ингушскомъ аулѣ Яндыркѣ 20-го мая (1906 г.). Одинъ яндырецъ, имѣя въ рукахъ только зонтикъ, поѣхалъ нанимать рабочихъ. Дорогою въ огородахъ казачьей станицы Троицкой на него напали и убили. Лошадь убитаго прибѣжала окровавленная домой; родственники убитаго пошли убрать тѣло покойника. Между собравшимися на мѣстѣ убійства казаками и родственниками убитаго произошла перестрѣлка, но безъ результатовъ. Казаки нѣсколькихъ станицъ, пользуясь случаемъ, немедленно собрались и совершили нападеніе на аулъ Яндырка, отстоящій отъ Троицкой стани-

цы на шесть верстъ. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся два дня. Находясь въ отчаянномъ положеніи, ингуши обратились за помощью къ властямъ. Не взирая на донесеніе начальника второго участка Назрановскаго округа, власти подоспѣли лишь на второй день. Изъ Владикавказа выступилъ батальонъ пѣхоты Апшеронскаго полка и пулеметная рота. Въ то же время прибыли и три сотни казаковъ, подъ начальствомъ атамана Сунженскаго отдѣла. Когда отрядъ прибылъ на мѣсто, часть пѣхоты съ пулеметами взобралась на гору, доминирующую надъ Яндыркой, а другая часть смѣшалась съ казаками и обстрѣливала Яндырку. Командиръ батальона, вмѣсто того, чтобы защищать осажденный и обстрѣливаемый аулъ приказалъ громить пулеметами. Никакія мольбы и увѣщанія начальника округа, полковника Котляревскаго, не громить беззащитный аулъ не помогли, и аулъ, какъ вражій, былъ подвергнутъ ужасному огню изъ ружей и пулеметовъ. Въ результатѣ оказалось 7 убитыхъ и 13 тяжело раненныхъ. Дѣти, женщины и старики въ ужасѣ разбѣжались въ сосѣдніе лѣса. Такое отношеніе властей окончательно убѣдило насъ, ингушей, что насъ хотятъ истребить въ конецъ. Справедливости и защиты намъ искать негдѣ. Куда бы мы ни обратились, намъ говорятъ: съ казаками мы ничего не можемъ дѣлать“ [1]).

Когда мы ближе познакомимся съ внутреннимъ механизмомъ управленія краемъ, мы увидимъ, что вышеприведенные документы нисколько не страдаютъ преувеличеніемъ.

Въ первое время послѣ покоренія Кавказа русская администрація для проведенія тѣхъ или другихъ реформъ прибѣгала къ содѣйствію самихъ туземцевъ, собирая представителей горскихъ племенъ на большія народныя собранія.

Такія всенародныя общественныя собранія функціонировали у чеченцевъ, ингушей, осетинъ, кабардинцевъ, карачаевцевъ и др., принося значительную пользу населенію, какъ зачатки широкой общественной самодѣятельности. Прав-

---

[1]) „Терекъ № 83, 1907 г.

да, благотворные результаты собраній парализовались отчасти стремленіемъ администраціи использовать ихъ въ своихъ видахъ; но все же они функціонировали довольно правильно, а нѣкоторыя изъ нихъ, казавшіяся особенно благонадежными, были даже въ законодательномъ порядкѣ регламентированы (напр. кабардинскіе народные сборы). Но, когда на собраніяхъ стали выплывать злоупотребленія низшей администраціи, когда сложилась горская интеллигенція и пробудилась общественная мысль, когда собранія задались цѣлью сосредоточить въ своихъ рукахъ цѣлыя стороны хозяйственной жизни и, прибѣгая къ самообложенію, пополнить недостатокъ земскихъ учрежденій, тогда администрація сначала стала неохотно созывать собранія, а затѣмъ и совершенно перестала созывать ихъ. Въ основу управленія былъ положенъ бюрократическій централизмъ, со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ -бюрократическимъ произволомъ.

Даже сельская самодѣятельность населенія была парализована институтомъ назначаемыхъ по усмотрѣнію начальства старшинъ, которые должны были посвящать администрацію во внутреннія стороны аульной жизни, скрытыя до тѣхъ поръ отъ посторонняго взора. Будучи ставленниками ближайшаго начальства и завися только отъ него, старшины нисколько не заботились объ интересахъ жителей, а прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы угодить своимъ непосредственнымъ начальникамъ. Иногда сельскія должности являлись для участковыхъ начальниковъ только извѣстной доходной статьей, и правило „рука руку моетъ" имѣло очень большое примѣненіе.

Самые кадры старшинъ составлялись изъ полицейскихъ и постовыхъ урядниковъ, запасныхъ галуноносцевъ, лакеевъ при участковыхъ и окружныхъ начальникахъ, милиціонеровъ, разсыльныхъ при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, вообще изъ всякаго рода отбросовъ туземнаго и казачьяго населенія. Въ большинствѣ случаевъ старшины вступали въ самыя лучшія отношенія съ „порочными элементами" общества, какъ лицами, приносившими имъ наибольшій доходъ. Тяжело жилось только мирнымъ сельчанамъ, особенно тѣмъ, которыхъ почему-либо не возлюбило сердце старшины. Нѣтъ такой бѣды, которая не стряслась бы надъ головой этихъ злополучныхъ людей. Взяточниче-

ство, подложные сельскіе приговоры, присвоеніе общественныхъ денегъ, всякаго рода тяжкія преступленія по должности—вотъ основныя черты дѣятельности аульнаго старшины, покуда не переполнится чаша терпѣнія у сельскихъ жителей и они не постараются убрать его „своими средствіями“, или же старшина очутится на скамьѣ подсудимыхъ.

И вотъ эти-то люди должны были заботиться о процвѣтаніи сельскихъ обществъ, выполнять разнообразныя функціи, не имѣя ни знаній, ни какихъ бы то ни было нравственныхъ устоевъ. А между тѣмъ обязанности старшины весьма разнообразны, права его весьма обширны *). Онъ обладаетъ и дисциплинарной властью: ему предоставлено за маловажные проступки назначать виновныхъ на общественныя работы до двухъ дней и подвергать ихъ денежному взысканію до 1 рубля и аресту до 2 дней.

Составъ сельской администраціи, тормозившій мирное развитіе сельской жизни, побуждалъ туземцевъ въ неоднократнымъ ходатайствамъ о введеніи выборнаго института старшинъ. Всѣ эти ходатайства оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, пока населеніе не обратилось къ болѣе рѣшительнымъ средствамъ. Одновременно съ подъемомъ общественнаго движенія въ Россіи заволновались и горцы. Во многихъ мѣстахъ назначенные старшины были насильственно удалены, и сельскими сходами на ихъ мѣсто были избраны свои кандидаты. Кавказская администрація, встревоженная грозными событіями въ Россіи, стала призывать горцевъ къ спокойствію и сулить имъ всевозможныя реформы, между прочимъ—выборный институтъ старшинъ. Реформы оказались пустымъ словомъ, но выборные старшины были введены.

*) По дѣламъ полицейскимъ — объявлять правительств. распоряж. и наблюдать за распространеніемъ подложныхъ указовъ и вредныхъ слуховъ; заботиться о сохраненіи порядка и безопасности лицъ и имущества, а также принимать мѣры для возстановленія нарушеннаго порядка; задерживать бродягъ и бѣглыхъ; доносить о самовольно отлучившихся изъ общества; принимать мѣры къ предупрежденію преступленій, а также открывать и задерживать виновныхъ въ преступленіяхъ и приводить въ исполненіе приговоры аульнаго схода. По дѣламъ общественнымъ, аульный старшина созываетъ и распускаетъ аульный сходъ и охраняетъ порядокъ въ немъ; предлагаетъ на разсмотрѣніе схода воп-

Сначала населеніе облегченно вздохнуло, но вскорѣ оказалось, что эта мѣра, безъ общаго преобразованія всего административнаго уклада, не можетъ принести ожидаемой пользы. Старшины фактически оставались по прежнему въ полномъ распоряженіи администраціи и главнымъ образомъ обязаны были выполнять приказанія начальства: въ противномъ случаѣ имъ грозилъ сначала арестъ отъ 2-хъ недѣль до 1 мѣсяца, а дальше увольненіе отъ службы.

Если низшая сельская администрація представляла собою отбросы общества туземнаго и казачьяго, то участковая вмѣщала въ себѣ отбросы военной и чиновной среды. Кавказскіе участковые начальники—это русскіе становые, но только болѣе невѣжественные. И всѣ эти начальники пользуются властью почти неограниченной, расправляются съ населеніемъ, какъ заблагоразсудится. Внезапныя ревизіи обнаруживали почти всегда массу вопіющихъ злоупотребленій; бывали случаи, когда даже начальники областей покидали свои должности въ 24 часа.

Въ отдаленномъ Алтаѣ, гдѣ самовластіе и произволъ сибирскаго чиновничества не знали удержу, сложилась про чиновниковъ пѣсенка, въ которой говорится:

Какъ на Чую завалится,
Никого онъ не боится...

Ее свободно можно было бы передѣлать, подставляя вмѣсто Чуи названія кавказскихъ рѣкъ: Терекъ, Кубань, Сунжу.

Какъ расхищалось народное достояніе, о томъ свидѣтельствуютъ факты безслѣднаго исчезновенія осетинскихъ, карачаевскихъ и др. общественныхъ штрафныхъ суммъ, достигавшихъ десятковъ тысячъ рублей.

росы; наблюдаетъ за дѣятельностью прочихъ аульныхъ должностныхъ лицъ, за цѣлостью межъ и межевыхъ знаковъ, за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, мостовъ и пр., за исправнымъ отбываніемъ жителями повинностей, за порядкомъ въ училищахъ и др. общественныхъ зданіяхъ, за торговыми заведеніями и вообще за торговлей, за составленіемъ капитальныхъ списковъ, побуждаетъ къ исполненію условій и договоровъ, заключенныхъ жителями; завѣдуетъ общественнымъ хозяйствомъ и общественными суммами и охраняетъ отъ растраты имущество неисправныхъ плательщиковъ.

Чиновные культуртрегеры совершенно игнорировали благосостояніе горцевъ, не выполняя даже прямыхъ своихъ обязанностей. Вотъ маленькій типичный примѣръ. Общество селенія Кадгаронъ, желая положить конецъ взиманію непомѣрныхъ процентовъ (30% и больше) мѣстными кулаками ростовщиками, рѣшило устроить у себя ссудо-вспомогательный банкъ, основаніемъ для чего послужилъ существовавшій у общества съ 1902 г. ссудо-вспомогательный капиталъ. Объ этомъ былъ составленъ 15 апрѣля 1904 г. приговоръ, который, вмѣстѣ съ выработаннымъ проектомъ устава банка, 3-го мая былъ представленъ мѣстнымъ сельскимъ правленіемъ на утвержденіе начальника 1-го участка Владикавказскаго округа. Прошло 3 года, а объ уставѣ Кадгаронскаго банка не было ни слуху, ни духу. Полагая, что замедленіе происходитъ въ виду бывшихъ безпорядковъ, кадгаронцы вооружились терпѣніемъ. Послѣ составленія приговора былъ избранъ казначей, и проектированный банкъ, къ великой радости всѣхъ обездоленныхъ жителей, началъ функціонировать. Для расширенія его дѣятельности общество постановило отпускать въ его доходъ ежегодно всю сумму, выручаемую отъ сдачи въ аренду пастбищныхъ участковъ общественной земли. Такимъ образомъ къ концу 1906 г. образовалась сумма въ 8 слишкомъ тысячъ руб., что дало возможность производить операціи съ болѣе широкимъ кругомъ кліентовъ. Въ февралѣ 1907 г. казначей банка предоставилъ для засвидѣтельствованія новыя предварительныя книги. Начальникъ Владикавказскаго округа былъ немало удивленъ, узнавъ, что въ Кадгаронѣ безъ его вѣдома и безъ устава существуетъ такой значительный капиталъ. Когда же казначей доказалъ, что приговоръ и проектъ устава были представлены по начальству еще въ маѣ 1904 г., то оказалось, что дальнѣйшаго движенія они не получили и неизвѣстно, что съ ними стало *).

Если такова моральная и интеллектуальная физіономія чиновныхъ культуртрегеровъ на Кавказѣ, то не мудрено, что единственной системой управленія они считаютъ систему „ежевыхъ рукавицъ“, „бараньяго рога“. Искорененіе „природ-

---

1) „Терекъ“ № 81, 1907 г.

ныхъ хищническихъ наклонностей" горцевъ—вотъ задача, которая ставится основой всей дѣятельности энергичнаго администратора. Въ его глазахъ все туземное населеніе поголовно состоитъ изъ грабителей и разбойниковъ, съ которыми церемониться нечего.

Вотъ, напримѣръ, постановленіе начальника Терской области, документъ любопытнаго образца. „Большинство обществъ, хуторовъ и сельскихъ хозяевъ, расположенныхъ на казачьихъ и частновладѣльческихъ земляхъ въ Кизлярскомъ и Моздокскомъ отдѣлахъ, по лѣвому берегу Терека, нанимаютъ для службы въ своихъ экономіяхъ, въ качествѣ приказчиковъ, объѣздчиковъ, сторожей, пастуховъ, и работниковъ и пр., туземцевъ изъ осетинъ, кабардинцевъ, ингушей, чеченцевъ и кумыковъ, причемъ ради дешевизны, въ большинствѣ случаевъ, неблагонадежныхъ. Служащіе эти хотя и представляютъ охрану для данной экономіи, но въ общемъ являются большимъ зломъ для всего указаннаго района, такъ какъ, поступивъ на мѣсто и оріентировавшись, начинаютъ систематически заниматься воровскою дѣятельностью, являясь проводниками, пособниками и укрывателями воровъ-туземцевъ. Въ виду того, что принимавшіяся для искорененія этого зла разнаго рода мѣры до сего времени положительныхъ результатовъ не дали, я на основаніи ст. 19-й правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, постановилъ: воспретить овцеводамъ, хуторянамъ и сельскимъ хозяевамъ, какъ русскимъ, такъ и туземцамъ, проживающимъ на казачьихъ, частновладѣльческихъ земляхъ названныхъ двухъ отдѣловъ, имѣть у себя служащихъ изъ перечисленныхъ выше туземцевъ въ качествѣ работниковъ, приказчиковъ, объѣздчиковъ, пастуховъ и сторожей. Для приведенія этой мѣры въ исполненіе даю упомянутымъ хозяевамъ мѣсячный со дня объявленія этого постановленія срокъ, въ теченіе котораго они должны замѣнить всѣхъ служащихъ у нихъ туземцевъ русскими, грузинами и ногайцами. Запрещеніе это по тѣмъ же соображеніямъ нахожу необходимымъ распространить и на кара-ногайцевъ, которыхъ сверхъ того не дозволяю допускать на свои земли (2-й участокъ Кизлярскаго отдѣла) перечисленныхъ туземцевъ съ ихъ стадами и табунами, а допущенныхъ уже, если таковые имѣются, съ объявленіемъ сего въ мѣсячный срокъ

удалить. За нарушеніе и неисполненіе этого постановленія виновные будутъ подвергаться мною денежному штрафу въ размѣрѣ отъ 50 до 1.000 руб. или тюремному заключенію до одного мѣсяца“ [1]).

Вотъ документъ, который прекрасно выясняетъ взглядъ кавказской администраціи на туземцевъ. Подъ вліяніемъ этого взгляда въ краѣ выработалось своеобразное отношеніе властей къ случаямъ оскорбленія туземца или нападенія на его личность. Когда на казачьей землѣ находятъ трупъ убитаго туземца, то власти, отъ которыхъ зависитъ первоначальное дознаніе, всегда склонны объяснить убійство тѣмъ, что туземецъ былъ застигнутъ на воровствѣ или убитъ при нападеніи на казака. Въ такомъ пристрастномъ освѣщеніи дѣло направляется къ слѣдователю, который не находитъ ничего лучшаго, какъ прекратить его производство.

Совершенно иная картина развертывается передъ нами, когда существуетъ предположеніе, что преступленіе совершено горцами. Вообще по мѣстной теоріи вѣроятности подозрѣніе въ совершеніи преступленія всегда падаетъ на туземцевъ. Козломъ отпущенія являются прежде всего туземныя общества, близъ которыхъ преступленіе совершено или на землю которыхъ ведутъ слѣды преступника. Аульныя общества имущественно отвѣчаютъ круговой порукой за своихъ „порочныхъ членовъ“. Даже въ томъ случаѣ, если преступникъ обнаруженъ, но у него не хватило средствъ для возмѣщенія убытковъ, недостающую сумму уплачиваетъ общество.

Трудно представить себѣ, сколько злоупотребленій и несправедливостей вызывала такая система отвѣтственности. Достаточно вспомнить тѣ отъ времени до времени всплывавшіе наружу факты намѣреннаго совершенія преступленія, въ разсчетѣ, что они будутъ свалены на туземцевъ, а настоящими виновниками будетъ получено приличное вознагражденіе.

Такая система отвѣтственности существовала долгіе годы, подъ видомъ освященной временемъ политики обузданія „хищничества“ туземцевъ. Наконецъ, даже кавказская администрація принуждена была спохватиться. „Усиленіе

[1]) „Русск. Вѣд.“ 1908 г., № 177.

въ Терской области преступленій",—гласитъ распоряженіе гр. Воронцова-Дашкова,—„вынудило издать временныя правила, въ силу которыхъ на туземныя селенія, до которыхъ доводились слѣды злоумышленниковъ, совершившихъ какое-либо преступленіе, налагались штрафы, для удовлетворенія потерпѣвшихъ отъ преступленій. Правила эти, принося поддержку русскому населенію, въ то же самое время въ корнѣ подрывали благосостояніе туземцевъ и кромѣ того пріучали русское населеніе къ безпечности въ защитѣ своего имущества. Эти обстоятельства привели къ тому, что вышеупомянутыя правила были въ 1902 г. отмѣнены. Отъ русскаго населенія поступила масса ходатайствъ о ихъ возобновленіи. Желая придти на помощь русскому населенію и въ то же время входя въ положеніе туземнаго населенія, платежныя силы котораго ухудшились, исправляющій должность главнокомандующаго разрѣшилъ входить къ нему съ ходатайствомъ, о вознагражденіи, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшій не могъ защищать своего имущества, какъ-то на полевыхъ работахъ, въ пути слѣдованія и т. п.; что же касается кражъ скота со двора, съ пастьбы и вообще изъ жилыхъ помѣщеній, то за нихъ потерпѣвшему удовлетворенія не назначалось. Порядокъ этотъ сохранялся до 1907 г., когда обратилъ на себя вниманіе намѣстника. Признавая его не достигающимъ цѣли и вообще нежелательнымъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ рѣшилъ разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ, предоставивъ населенію самому изыскать способъ къ искорененію зла, а также учреждать по обоюдному соглашенію смѣшанные суды, на которые и возложить задачу удовлетворенія пострадавшихъ отъ преступленій" [1]).

Невозможность остановить все болѣе и болѣе развивавшуюся преступность и столкновенія туземцевъ съ казаками, грозившія перейти въ форменную партизанскую войну, заставили администрацію забыть всѣ свои навыки и обратиться къ самодѣятельности казачьяго и туземнаго населенія. Такъ какъ столкновенія чаще всего происходили между казаками и ингушами, то на первое время здѣсь было устроено нѣчто въ родѣ выборной примирительной камеры.

---

[1]) „Терекъ" 1907 г., № 261.

Безсиліе администраціи и чиновничьяго суда въ борьбѣ съ преступностью и вызвали въ Терской области оригинальное учрежденіе, основу котораго положилъ червленскій съѣздъ ингушей и казаковъ. Воля враждовавшихъ до тѣхъ поръ частей населенія создала два института: взаимное страхованіе жизни и имущества и судъ присяжныхъ. Но самыя лучшія учрежденія внѣ подходящей атмосферы быстро хирѣютъ,—а такой подходящей атмосферы въ краѣ не было и нѣтъ. Гдѣ нѣтъ широкой гласности, гдѣ царитъ, освященная временемъ, привычка „творить жизнь" въ тиши канцелярій, тамъ не можетъ быть правильнаго развитія учрежденій, для которыхъ необходима общественная свобода. Нетрудно предсказать печальную участь и попыткѣ, сдѣланной въ Терской области, если коренная реформа сверху до низу не охватитъ всѣ стороны жизни края и не направитъ ее по новому, широкому и свободному руслу.

Вышеприведенный случай распоряженія *Гр. Воронцова-Дашкова*—это только рѣдкій моментъ гуманности администратора, далеко не смягчающій общей картины мрачной дѣйствительности.

Кто не знаетъ жизни туземцевъ, своеобразнаго уклада ихъ семейнаго быта, ихъ нравовъ и обычаевъ, народныхъ святынь и традицій, тотъ не пойметъ тѣхъ грубыхъ, никому не нужныхъ жестокостей, которыми терзала горцевъ русская административная практика. Среди этихъ жестокостей, совершенно безполезныхъ, не достигающихъ никакой цѣли, или, вѣрнѣе, достигающихъ обратнаго результата, наиболѣе вопіющей является система экзекуцій.

Вотъ маленькая газетная телеграмма. „Тифлисъ. Во время ночныхъ маневровъ Апшеронскаго полка подъ Владикавказомъ, 21 конныхъ, вооруженныхъ винтовками злоумышленниковъ, пользуясь полной темнотой, заѣхали въ тылъ 2-ой роты этого полка и открыли по ней частый огонь боевыми патронами, смертельно ранивъ рядового этой роты. Главнокомандующимъ было предписано ген.-губернатору Терской области принять самыя энергичныя мѣры къ обнаруженію преступниковъ. Нынѣ генер.-губернаторъ доноситъ, что нападеніе совершено *близъ* осетинскаго селенія Гизель,

куда послано двѣ роты и взводъ казаковъ для экзекуціи. Подробное слѣдствіе производится". [1])

Вблизи осетинскаго селенія какими-то разбойниками произведено нападеніе. Преступники должны быть наказаны. Гдѣ же ихъ взять? Подвергнуть экзекуціи ближайшее селеніе—и тогда „добродѣтель восторжествуетъ, а порокъ будетъ наказанъ", — такова административная логика кавказскихъ бюрократовъ.

Конечно, указанное нами явленіе—капля въ морѣ страданій всего русскаго народа, и не къ такимъ явленіямъ пріучила насъ русская дѣйствительность; но то, что въ Россіи только теперь стало практикой дня, то въ кавказскихъ областяхъ было всегда „правиломъ" и частью опредѣленной, политической системы.

Что же такое „экзекуція"?

Это—матеріальное разореніе и безъ того нищаго горскаго населенія. Это—оскверненіе „святого", по мнѣнію горцевъ, семейнаго очага. Это—разложеніе нравовъ, оскорбленіе человѣческаго достоинства, поощреніе раболѣпства и лицемѣрія. Трудно перечислить вредныя послѣдствія, которыя влечетъ за собою система экзекуцій. И эта система всегда была излюбленнымъ дѣтищемъ кавказской администраціи. Она находила примѣненіе и въ мрачныя времена всероссійской реакціи, и тогда, когда вздымались волны освободительнаго движенія.

Если въ экономическомъ, административно-полицейскомъ и вообще правовомъ отношеніяхъ кавказская бюрократія стремилась поставить туземцевъ въ положеніе „паріевъ" въ сравненіи съ русскимъ населеніемъ, особенно казачествомъ, то въ области удовлетворенія культурно-хозяйственныхъ нуждъ туземцевъ она придерживалась политики полнаго игнорированія ихъ.

Никакихъ заботъ о народномъ образованіи, о народномъ здоровьѣ, о проведеніи желѣзныхъ дорогъ, вообще о поднятіи экономическаго благосостоянія и культурнаго уровня населенія—казачья администрація не проявила. Въ теченіе

[1]) *„Русское Слово"* 1908 г., № 99.

многихъ десятковъ лѣтъ предполагалось, что для кавказскихъ горцевъ Терской области вполнѣ достаточны три школы, и то открытыя на деньги, собираемыя съ самихъ же туземцевъ (въ слободѣ Нальчикъ для кабардинцевъ, въ г. Грозномъ для чеченцевъ и въ Назрани—для ингушей). Культурно-просвѣтительная дѣятельность трехъ горскихъ школъ Терской области была весьма ограничена. Такъ, назрановская школа, открытая въ 1870 г. и преобразованная въ 1899 г. въ двухклассную за 37 лѣтъ существованія выпустила всего 843 человѣка. Туда стекались дѣти изъ 22-хъ селеній и обществъ, изъ которыхъ иныя находятся въ 40 и болѣе верстахъ отъ школы, а окрестныя—въ 4—5 верстахъ. Чтобы попасть въ школу, ученики изъ окрестныхъ селеній должны были пройти значительное разстояніе, а въ дурную погоду и совсѣмъ не могли явиться. Въ 1907 г. прошеній было подано 88, а принято 42 мальчика; 46 оказалось за бортомъ. Число желающихъ учиться съ каждымъ годомъ увеличивается, но за неимѣніемъ школъ многіе остаются безъ образованія. Нѣтъ сомнѣнія, — замѣчаетъ корреспондентъ „Терека"—что „еслибы въ каждомъ ингушскомъ селеніи была школа, то всѣ онѣ были бы переполнены" [1]).

Горскія училища, нальчикское и грозненское, которыми администрація думала облагодѣтельствовать горское населеніе—ни что иное, какъ блаженной памяти уѣздныя училища. Не давая никакихъ практическихъ свѣдѣній, училища эти не стоятъ ни въ какой связи съ общей системой образованія. Тѣ, кто желалъ бы продолжать ученье, не имѣютъ возможности прямо поступать въ школы высшаго разряда. Во время шестилѣтняго пребыванія въ горской школѣ ученикъ-туземецъ отвыкаетъ отъ труда и отчуждается отъ той среды, изъ которой вышелъ и въ которую ему придется возвратиться. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что ученики горскихъ школъ въ большинствѣ случаевъ живутъ въ устроенныхъ при послѣднихъ пансіонахъ, гдѣ всѣ условія жизни совершенно не похожи на условія жизни туземнаго населенія и гдѣ ученики превращаются въ барчуковъ. Не мудрено, что большинство питомцевъ этихъ школъ въ

---

[1]) *„Терекъ"*, 1907 г. № 58.

концѣ концовъ становятся паразитами, ищущими легкихъ средствъ къ существованію.

Только одна Осетія въ смыслѣ распространенія народнаго образованія была поставлена въ лучшія условія сравнительно со всѣми другими туземными народностями Сѣвернаго Кавказа. Благотворное значеніе осетинскихъ народныхъ школъ умалялось, однако, съ одной стороны, тѣмъ, что значительное количество ихъ находится въ рукахъ ардонскаго миссіонерскаго общества, главною цѣлью котораго является возстановленіе православія въ Осетіи, съ другой стороны— мертвящей рутиной бюрократизма. Невозможныя условія существованія заставляютъ порядочныхъ учителей бѣжать изъ осетинскихъ селеній, и кадры учительскаго персонала пополняются большею частью разнаго рода неудачниками, которымъ больше некуда дѣться. Да и самое преподаваніе въ школахъ поставлено было крайне нераціонально. Не умѣетъ еще туземный ребенокъ отличить правой руки отъ лѣвой, затрудняется еще назвать имена отца, братьевъ, матери и сестеръ, не знаетъ, съ какой стороны онъ пришелъ въ школу, въ какую сторону течетъ рѣка его села, какъ ему начинаютъ сообщать, на русскомъ языкѣ, совершенно недоступныя для него понятія. Въ осетинскихъ министерскихъ и церковно-приходскихъ школахъ родной языкъ не занималъ подобающаго ему мѣста, не считался законнымъ предметовъ. И когда учителя, сознавая, что они насилуютъ естественный ходъ развитія умственныхъ способностей мальчиковъ, ввели въ школы осетинскій букварь А. *Канукова*, то встрѣтили сильное порицаніе и протестъ со стороны учебнаго начальства, признавшаго этотъ букварь, составленный магометаниномъ, заключающимъ въ себѣ стремленіе къ сепаратизму. Букварь былъ найденъ неблагонадежнымъ въ религіозномъ отношеніи, такъ какъ въ немъ молитвы были помѣщены въ самомъ концѣ. Попытки учителей ввести осетинскій языкъ въ росписаніе уроковъ разбивались о розмахъ начальническаго синяго карандаша, прогуливавшагося по росписанію уроковъ съ приказаніемъ: „не смѣть заниматься своимъ языкомъ въ стѣнахъ школы". [1])

---

[1]) *X. Уруймаговъ.* Туземные языки въ начальныхъ школахъ кавказскаго края". „Терекъ", 1907 г., № 69. Въ настоящее время намѣстникъ разрѣшилъ ввести въ осетинскихъ школахъ преподаваніе осетинскаго языка.

Еще болѣе печально положенiе церковно-приходскихъ школъ. Владикавказскiй епархiальный училищный совѣтъ нашелъ, что въ двухклассныхъ школахъ не ведется обученiе церковно-славянскому языку, и предписалъ ввести его во всѣхъ 14 школахъ, начиная съ третьяго года.

Такъ распространяется грамотность среди туземцевъ. А между тѣмъ, стремленiе ихъ къ образованiю, какъ свидѣтельствуютъ всѣ изслѣдователи горской жизни, громадно. Даже наиболѣе чуждые русской культурѣ элементы обнаруживали и обнаруживаютъ поразительную готовность къ насажденiю народнаго образованiя. Такъ напр., горцы Хасавъюртовскаго округа, кумыки, чеченцы Салтау и Ауха, горные чеченцы Ичкерiи еще въ 70-хъ годахъ добровольно обложили себя школьнымъ налогомъ по 30 коп. съ дыма для образованiя школьнаго капитала. Тридцать слишкомъ лѣтъ населенiе уплачивало этотъ сборъ, и деньги непроизводительно лежали въ депозитахъ терского областного правленiя. Только теперь, по распоряженiю намѣстника, онъ переданъ въ вѣдѣнiе дирекцiи народныхъ училищъ Терской области. Сумма эта достигла значительныхъ размѣровъ—140.000 руб., но на нее не было открыто ни одной школы.

Такое же отношенiе обнаружила казачья бюрократiя къ удовлетворенiю другихъ культурно-хозяйственныхъ нуждъ горцевъ. Въ краѣ не существуетъ никакой продовольственной организацiи. У туземцевъ Сѣвернаго Кавказа нѣтъ ни одного запаснаго амбара хлѣба, ни одной копѣйки продовольственнаго капитала; нѣтъ и сносныхъ путей сообщенiя. Администрацiя не заботится о распространенiи сельско-хозяйственныхъ знанiй, хотя бы путемъ устройства рацiонально поставленныхъ опытныхъ полей, питомниковъ и т. п. Ничего не дѣлается для улучшенiя туземныхъ породъ рогатаго скота и лошадей, для устройства мелкаго сельскаго кредита. Довольно значительное количество сельскихъ банковъ въ Осетiи открыто исключительно по инициативѣ частныхъ лицъ, напр., трудами *Г. Баева* и другихъ, потратившихъ массу усилiй и энергiи, прежде чѣмъ труды ихъ увѣнчались успѣхомъ.

Ежегодно 168.000 рублей взыскивается съ туземнаго населенiя въ видахъ охраны отъ разбойниковъ и воровъ, на содержанiе терской милицiи. Этотъ расходъ ложится на населенiе тяжелымъ бременемъ: разбои и воровство не пре-

кращаются, и туземныя селенія, дабы обезопасить себя, должны нанимать еще на свой счетъ отдѣльныхъ караульщиковъ.

Такова неприглядная картина жизни горцевъ и такого отношеніе къ этому населенію мѣстной бюрократіи.[1])

[1]) Настоящая статья была напечатана въ „*Вѣстникъ Европы*" 1909 г, кн. IX.

Къ туземно-казачьей распрѣ.

Прошелъ бурный 1905 г. и наступили дни затишья. Но сѣверному Кавказу эти дни не принесли успокоенія. Наоборотъ тревожные слухи, усиливаясь и усиливаясь, вносили лихорадочную возбужденность въ отношенія между туземными и казачьими элементами Терской об.

И немного времени прошло, какъ снова повѣяло „краснымъ смѣхомъ", „кровавые призраки" поднялись и, казалось, что дни неминуемой бѣды снова потрясутъ вѣковое безмолвіе ущелій кавказскихъ горъ.

Возможность „кровавыхъ" столкновеній и полнаго разоренія „трудовыхъ" элементовъ горскихъ ауловъ и казачьихъ станицъ заставила немедленно же собраться представителей казаковъ, чеченцевъ, ингушей, осетинъ, кабардинцевъ и кумыковъ, которые на частномъ совѣщаніи и постарались выяснить „общія причины и ближайшія мѣры къ предупрежденію междуплеменныхъ столкновеній".

Записка этихъ представителей, доведенная до свѣдѣнія начальника области въ числѣ мѣстныхъ причинъ, *обострившихъ* состояніе населенія Терской обл., устанавливаетъ слѣдующія положенія:

1. Воровство, разбой и убійство. Эти явленія, имѣющія мѣсто въ нашей обл. изстари служатъ источникомъ раздраженія одной части населенія противъ другой.

Мѣры (обезоруженіе туземнаго населенія, обидные, оскорбительные обыски туземцевъ въ городахъ), принимаемыя административно-полицейскою властью съ цѣлью искорененія этого ужаснаго во всѣхъ смыслахъ недуга, не только не достигаютъ практической своей цѣли, но косвенно служатъ къ увеличенію дерзости разбойниковъ и абрековъ. Мирное, обезоруженное населеніе попадаетъ въ безпомощное положеніе противъ воровъ всегда хорошо вооруженныхъ. Кромѣ того трудовая часть туземнаго населенія въ огуль-

номъ безразборчивомъ примѣненіи этой мѣры склонна предполагать, что власти въ каждомъ туземцѣ видятъ разбойника.

2. Открытая раздача оружія. Мѣстныя власти, какъ то имѣло мѣсто въ гор. Грозномъ, раздали казакамъ и мѣщанамъ въ цѣляхъ самозащиты оружіе.

Этотъ несвоевременный пріемъ легко можетъ быть истолкованъ злонамѣренными людьми, какъ возстановленіе русскаго населенія противъ туземцевъ.

Мало того нетактичность раздачи казеннаго оружія вызываетъ негодованіе и недовѣріе туземной части населенія къ правительству. Туземное населеніе знаетъ, что оно во много разъ больше, чѣмъ какая либо другая народность, страдаетъ отъ разбойниковъ и абрековъ; въ дѣлѣ же искорененія ихъ оно не меньше другихъ обнаружило энергіи. Между тѣмъ туземное населеніе въ подобныхъ пріемахъ видитъ, что правительство не охраняетъ интересовъ туземцевъ въ равной съ казачьимъ населеніемъ мѣрѣ.

3. Усиленная охрана округовъ. Обстоятельство это вызвано исключительно прискорбнымъ погромомъ чеченцевъ въ Грозномъ. Не смотря на то, что пострадали отъ погрома чеченцы, усиленная охрана примѣнена *противъ нихъ же*. Усиленная охрана является тяжелымъ бременемъ: всѣми своими неудобствами она ложится на мирную часть населенія, совершенно безполезно стѣсняя его трудовую жизнь. Устанавливается, что со времени введенія усиленной охраны ни воровство, ни убійство не уменьшились.

Собраніе, выслушавъ чистосердечныя заявленія присутствовавшихъ на засѣданіе казаковъ и туземцевъ объ ихъ искренномъ желаніи мирной, сосѣдской жизни, въ которую во многихъ случаяхъ безтактностью нѣкоторыхъ чиновъ администраціи вносились взаимная подозрительность, недовѣріе, легко переходившія помимо сознанія казаковъ и туземцевъ въ раздоры и, принявъ во вниманіе готовность чеченцевъ обложить себя двухрублевымъ подымнымъ налогомъ въ пользу пострадавшихъ отъ воровства, постановило: что выходомъ, могущимъ предотвратить столкновеніе, является помимо нравственнаго воздѣйствія на казачье и туземное населеніе, немедленное проведеніе въ жизнь слѣдующей резолюціи собранія:

1. Признавая, что въ настоящій тревожный моментъ *личный составъ администраціи имѣетъ большое значеніе,* собраніе пологаетъ, что замѣна тѣхъ чиновъ администраціи, которые по общему мнѣнію народа своей безтактностью могутъ вызвать столкновеніе, болѣе соотвѣтствующими своему назначенію, могла бы служить однимъ изъ лучшихъ средствъ къ успокоенію.

Переходя отъ этого общаго положенія къ частностямъ и выслушавъ заявленіе представителей чеченскаго народа, собраніе пришло къ убѣжденію, что нѣкоторые *чины администраціи* и переводчики округовъ: Грозненскаго, Веденскаго и Хасавъ-Юртовскаго *не соотвѣтствуютъ своему назначенію,* а по сему проситъ о немедленной замѣнѣ ихъ лицами *по указанію народа.*

2. Собраніе проситъ о безотлагательномъ представленіи туземному населенію права безпрепятственнаго ношенія оружія, несостоящаго въ вооруженіи войскъ.

3. Собраніе проситъ о *немедленной отмѣнѣ усиленной охраны* въ Грозненскомъ, Веденскомъ и Хасавъ-Юртовскомъ округахъ.

Доводя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія г. начальника области уполномоченные собранія, въ случаѣ невыполненія перечисленныхъ просьбъ, заявляютъ, что ничего предпринять для умиротворенія области, находящейся наканунѣ возможнаго братоубійственнаго столкновенія при всемъ желаніи, они не могутъ.

Какъ ни скромны были пожеланія, выраженныя въ этой миролюбивой запискѣ, однако, ни одна изъ мѣръ, вопреки обѣщанію, выполнена не была, по болѣе того—вмѣсто усиленной охраны объявлено было *военное положеніе.*

Не успѣло туземное населеніе успокоиться отъ чеченскаго погрома въ Грозномъ, какъ новое столкновеніе туземцевъ съ казаками, на этотъ разъ ингушей, опять сгустило кровавые призраки.

Боясь быть истребленными разсвирѣпѣвшей казачьей администраціей ингуши отправили на имя предсѣдателя Государст. Думы телеграмму[1]), въ которой между прочимъ, говорится, что „власти внушаясь пагубною идеею руссификаціи

---

[1]) См. стр. „Бюрократія и горцы.

края начали отбирать у ингушей землю и заселять казаками Т. об.; ингуши потеряли до $^{2}/_{3}$ своей земли и теперь вынуждены арендовать бывшую свою землю, платя за нее 30 т. р. ежегодно. Но это не все. Изъ за разныхъ столкновеній за одинъ только послѣдній годъ ингуши выплатили до 50 т. р. штрафу. Между тѣмъ *эти столкновенія вызываются подстрекательствомъ агентовъ власти*, что съ особенною очевидностью обнаружилось въ столкновеніи 28 мая при аулѣ Яндыркѣ, гдѣ былъ убитъ ингушъ, что и вызвало столкновеніе. Вмѣсто помощи—войска стали обстрѣливать ингушское населеніе. Въ результатѣ чего было 7 убитыхъ и 13 тяжело раненыхъ ингушей и населеніе — дѣти, женщины и старики разбѣжались въ ужасѣ въ сосѣдніе лѣса". Такое отношеніе властей окончательно убѣждаетъ ингушей, что ихъ хотятъ совершенно истребить.

Тяжелое чувство охватываетъ каждаго, когда онъ читаетъ телеграмму, въ которой представители маленькаго 50-ти тысячнаго ингушскаго народа, говорятъ о томъ, какъ они, „видя впереди себя картину истребленія цѣлаго племени, искони жившихъ на родныхъ пепелищахъ, обращаютъ свои взоры къ Государственной Думѣ, къ этому фокусу народной совѣсти, и съ тяжелымъ гнетомъ въ груди и горячею мольбою на устахъ молятъ ее защитить ихъ, не дать погибнуть маленькому народу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда *заря обновленной русской жизни* озарила всѣ россійскія народности, предвѣщая надежды на лучшую жизнь, на освобожденіе отъ вѣковаго гнета и рабства"...

Снова собранія горской интеллигенціи. Снова знакомыя слова и рѣчи: „необходима организація всѣхъ горцевъ для самозащиты", „провокаціи агентовъ—вотъ корень зла", „необходимо упраздненіе казачества, какъ военнаго сословія—роспускъ вооруженной касты, присутствіе которой въ рядахъ мирнаго населенія недопустимо" и т. д. и, въ концѣ концовъ, та же „умиротворительная комиссія".

На первомъ же засѣданіи этой „умиротворительной комиссіи" былъ поднятъ вопросъ объ устраненіи поводовъ къ столкновеніямъ.

Выяснилось, что *основной причиной всѣхъ недоразумѣній, по общему признанію, является земельная нужда и вообще ма-*

теріальная необезпеченность горцевъ, толкающая ихъ на грабежи и разбои.

Одной изъ мѣръ до нѣкоторой степени ослабляющихъ эту нужду было признано урегулированіе арендныхъ отношеній между казаками и ингушами.

Между прочимъ одинъ изъ членовъ комиссіи разсказалъ въ какомъ положеніи арендный вопросъ въ ст. Осинской. Подъ давленіемъ кулаковъ-скупщиковъ *казаки постановили не сдавать землю ингушамъ, а сдать русскимъ. Такими русскими явились сами кулаки, которые, заарендовавъ землю что-то по 4—6 р., передали ее молоканамъ по 10 р., за десятину, а эти въ свою очередь запросили съ ингушей по 15 р. Ингушамъ, лишеннымъ земли, грозила голодная смерть.* Между ними и молоканами произошло столкновеніе, нѣсколько молоканъ было ранено и убито, въ результатѣ—*на ингушей былъ наложенъ штрафъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей...* Несомнѣнно, если бы подъ воздѣйствіемъ умиротворительной комиссіи—казаки устранили кулаковъ-посредниковъ, у ингушей не было бы поводовъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ и разбоямъ, которые для нихъ теперь являются прямо неизбѣжными, въ виду непомѣрно высокаго штрафа, наложеннаго на аулъ.

Въ отмѣченныхъ нами выше курсивомъ строкахъ и заключается одинъ изъ корней къ пониманію устойчивости враждебныхъ отношеній другъ къ другу туземно-казачьяго населенія.

Эти отношенія—не пережитокъ военнаго времени. Есть въ Россіи мѣста, гдѣ военныя отношенія прекратились сотни лѣтъ назадъ, гдѣ рядъ поколѣній выросъ въ мирной обстановкѣ и гдѣ все же, несмотря на это, сохранилась ненависть казаковъ къ туземцамъ и наоборотъ. Такъ донскіе казаки враждуютъ съ калмыками, уральскіе и оренбургскіе—съ киргизами, сибирскіе съ киргизами, тунгузами и бурятами, вражда тамъ такъ же сильна и выражается въ тѣхъ же формахъ, что и въ Терской области.

Враждебныя отношенія туземцевъ и казаковъ не являются и результатомъ національно-религіозной и культурно-бытовой обособленности этихъ группъ населенія, вѣдь въ очень многихъ мѣстахъ русскіе живутъ крайне мирно и дружелюбно съ инородцами, вспомнимъ хотя сожительство рус-

скихъ крестьянъ съ татарами, съ другой стороны, если принять во вниманіе крайне враждебныя отношенія казаковъ къ переселенцамъ, къ русскимъ, своимъ же мужичкамъ христіанамъ-хлѣборобамъ, то для насъ станетъ ясно, что корень враждебныхъ отношеній туземцевъ и казаковъ нужно искать въ области соціально-экономическихъ условій.

Не отрицая нѣкотораго значенія и пережитка прошлыхъ военныхъ грозъ и національно-культурной обособленности, главный ключъ къ разрѣшенію вопроса нужно искать въ томъ, *что туземцы и даже переселенцы находятся по сравненіи съ казаками въ менѣе выгодныхъ условіяхъ экономической жизни.*

А, если принять во вниманіе и то, что и условія административно-правовыя дѣлаютъ изъ казаковъ какихъ то начальниковъ надъ туземцами вообще, злоупотребляющихъ силой, обнаруживающихъ по отношенію къ мирному туземному населенію непростительное, необузданное своеволіе, то станетъ ясно почему столько горючаго матеріала накопляется въ груди кавказскихъ горцевъ.

Это жгутъ обиды за незаслуженныя оскорбленія, наносимыя на каждомъ шагу, оскорбленія на которыя, такъ болѣзненно реагируетъ самолюбивая душа горца.

На этой почвѣ постоянныя столкновенія, кончающіяся пораненіемъ, убійствами.

Для многихъ туземецъ не человѣкъ, а „тварь“, тотъ это чувствуетъ и мститъ, гдѣ только возможно и какъ можетъ.

Экономическое порабощеніе идетъ рука объ руку съ психическимъ презрѣніемъ господствующаго къ угнетаемому.

Отсюда выводъ: *пока не будутъ созданы равныя условія экономической и гражданско-правовой жизни для туземцевъ и казаковъ, кровавые ужасы будутъ время отъ времени потрясать красную жизнь.* Никакія примирительныя коммиссіи и репрессіи не помогутъ. Развѣ будетъ истреблено туземное населеніе. Не по этому ли пути хотятъ направить иные кавказскую жизнь?!......

1908 г.

Крутыя мѣры.

Безрезультатность всѣхъ мѣръ, какія принимала мѣстная администрація въ дѣлѣ искорененія грабежей и разбоевъ въ Терской области въ концѣ концовъ привела къ торжеству сторонниковъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій, дабы „хищничество" горцевъ было бы искоренено разъ навсегда.

Съ этой цѣлью снаряжается отрядъ подъ начальствомъ войскового старшины Вербицкаго, которому ставится главною задачею „возможно спѣшное искорененіе кражъ, грабежей и разбоевъ въ предѣлахъ Хасавъ-Юртовскаго, Веденскаго, Грозненскаго и Назрановскаго Округовъ, совершаемыхъ здѣсь и въ сопредѣльныхъ районахъ отдѣльными порочными лицами и цѣлыми шайками изъ туземцевъ"... (Изъ инструкціи *генералъ-майора Михеева*).

Для выполненія этой задачи атаману Вербицкому были предоставлены самыя широкія полномочія, при дружномъ содѣйствіи всѣхъ чиновъ административнаго механизма области.

Такъ въ той-же „инструкціи" читаемъ:

§ 6. Всѣ административныя лица, резервы и милиціонныя посты обязываются оказывать полное содѣйствіе какъ Вамъ, такъ и начальнику отряда, Вами командированнаго, и его требованія исполнять спѣшно и точно.

О широтѣ полномочій и рѣшительности принятыхъ мѣръ говорятъ слѣдующіе §§ инстуркціи:

§ 7. Отъ подлежащихъ селеній, названныхъ выше округовъ, *Вы имѣете потребовать выдачи всѣхъ лицъ, занимающихся воровствомъ и всѣхъ абрековъ*, примѣнивъ для выясненія ихъ тайное голосованіе или другіе по усмотрѣнію Вашему законные способы.

§ 8. Сообразуясь съ обстоятельствами и при мотивированной необходимости имѣете *право производить повальные обыски въ населенныхъ пунктахъ, запрещать на точно опредѣленное* время движеніе между селеніями, а при ясно выраженныхъ попыткахъ къ сопротивленію примѣнять всѣ имѣющіяся въ Вашемъ распоряженіи средства, *до открытія огня включительно*, къ подчиненію неповинующихся и поддержанію престижа власти.

10) *Отъ туземнаго населенія надлежитъ отбирать все огнестрѣльное оружіе*, предоставивъ однако право ношенія холоднаго оружія жителямъ тѣхъ сельскихъ обществъ, которыя будутъ заслуживать полнаго довѣрія, а также и отдѣльнымъ лицамъ, отличающимся безупречностью своего поведенія.

11) *Лишеніе права носить огнестрѣльное оружіе распространяется на всѣхъ жителей*, за исключеніемъ лишь должностныхъ лицъ сельской администраціи и состоящихъ на государственной службѣ коимъ присвоено оружіе.

12) Объявить туземному населенію, что съ такого то числа, если кто либо изъ туземцевъ, за исключеніемъ вышеуказанныхъ лицъ, *гдѣ бы ни было покажется съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, то съ таковыми туземцами предоставляется всѣмъ военнослужащимъ и административнымъ лицамъ поступать, какъ съ разбойниками, и, при малѣйшей попыткѣ къ вооруженному сопротивленію, употреблять противъ сопротивляющихся въ дѣло оружіе.*

13) Вообще дѣйствія Ваши и подчиненныхъ Вамъ чиновъ противъ виновныхъ въ сопротивленіи, будутъ ли это отдѣльныя личности или даже цѣлыя селенія, должны быть въ высокой степени обдуманными и осторожными, всегда категорически настоятельными, а въ концѣ, по использованіи *всѣхъ правительственныхъ мѣръ, безусловно рѣшительными*, но всякій разъ при условіи принятія всѣхъ мѣръ къ сохраненію драгоцѣнныхъ жизней вѣрныхъ слугъ Царя и отечества, Вамъ подчиненныхъ.

14) Надлежитъ широко оповѣстить населеніе, что если оно будетъ скрывать или не выдавать разбойниковъ или оружіе, то оно этимъ навлечетъ на себя строгое наказаніе въ видѣ *крупныхъ штрафовъ, арестовъ и продолжительныхъ экзекуцій.*

Таковы наиболѣе, интересныя мѣста инструкціи, данной атаману Вербицкому.

Они достаточно говорятъ о томъ, на какой путь рѣшила вступить терская администрація въ борьбѣ съ разбоями.

Но характеръ похода атамана Вербицкаго станетъ еще яснѣй, если мы обратимся къ тому несомнѣнно заслуживающему вниманія документу, которымъ, такъ сказать, открылось начало одного изъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ жизни кавказскихъ горцевъ за послѣднее время. Мы считаемъ необходимымъ привести этотъ документъ цѣликомъ, документъ, выпущенный на двухъ языкахъ: арабскомъ и русскомъ.

„Приказомъ по области я, войсковой старшина Вербицкій, *назначенъ искоренить разбойничество въ родномъ намъ краѣ.* Обращаюсь поэтому къ Чеченскому и Ингушскому народамъ и всему туземному населенію.

Вы—храбрыя племена! Слава о вашемъ мужествѣ извѣстна по всей землѣ: ваши дѣды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились и вы подъ русскими знаменами во славу Россіи.

Но за послѣдніе годы, между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкаютъ, грязными дѣлами, позорятъ васъ. Эти отбросы вашихъ племенъ всѣ свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честныя лица. Имамъ Шамиль за разбой рубилъ имъ головы, а за воровство *отсѣкалъ имъ лапы.* (Sic!)

Правительство ваше рѣшило положить конецъ всѣмъ, творящимся ими, безобразіямъ. Оно требуетъ, чтобы каждый пахарь, купецъ, пастухъ и ремесленникъ, къ какому бы племени онъ не принадлежалъ, могъ спокойно трудиться на свою и общую пользу.

Призываю честныхъ людей сплотиться и перестать якшаться съ ворами и разбойниками, изгнавъ ихъ изъ своей среды и лишивъ ихъ свободы святого гостепріимства.

Я обращаюсь и къ вамъ, воры и разбойники.

Объявляю вамъ, что ваше царство приходитъ къ концу. Я поймаю васъ, и тѣ на комъ лежитъ пролитая при разбояхъ кровь, будутъ повѣшены по законамъ военнаго времени (т. е. въ 24 часа военно-полевымъ судомъ. Sic!) Поэтому совѣ-

тую вамъ помнить мои слова и отнюдь не сдаваться моимъ отрядамъ живыми, а биться до послѣдней капли крови. Кто не будетъ трусъ, умретъ, какъ мужчина, съ оружіемъ въ рукахъ.

Всѣ же, кто еще не отдался цѣликомъ, самимъ Кораномъ, осужденному пороку воровства и разбоя, опомнитесь и займитесь мирнымъ трудомъ. Возрастите вашихъ дѣтей въ почитаніи закона и выучите ихъ въ школахъ во славу пророка Магомета и на пользу своего народа.

Теперь ты, Зелимханъ!

Имя твое извѣстно всей Россіи, но слава твоя скверная! Ты бросилъ отца и брата умирать, а самъ бѣжалъ съ поля битвы, какъ самый подлый трусъ и предатель. Ты убилъ много людей, но изъ за куста, прячась въ камняхъ, какъ ядовитая змѣя, которая боится, чтобы человѣкъ не раздавилъ ей голову каблукомъ своего сапога. Ты могъ пойти на войну, тамъ заслужить помилованіе Царя, но ты прятался тогда, какъ хищный волкъ, а теперь просишь у начальства пощады, какъ *паршивая побитая собака!* Отвѣтъ начальства тебѣ уже извѣстенъ, но я, понимаю, что весь чеченскій народъ смотритъ на тебя, какъ на мужчину, и я, войсковой старшина Вербицкій, представляю тебѣ случай смыть съ себя пятно безчестія, и, если ты дѣйствительно носишь штаны, а *не женскія шальвары(!!)*—ты долженъ принять мой вызовъ.

Назначь время, мѣсто и укажи по совѣсти, если она у тебя еще есть, число твоихъ товарищей, и я явлюсь туда съ такимъ же числомъ своихъ людей, чтобы сразиться съ тобою и со всей твоей шайкой, и чѣмъ больше въ ней разбойниковъ, тѣмъ лучше! Даю тебѣ честное слово русскаго офицера, что свято исполню предложенныя тобою условія! Кровникамъ твоимъ не позволю вмѣшаться въ наше дѣло. Довольно между вами крови!

Но, если ты не выйдешь на открытый бой,—*я все равно тебя найду (даже и въ Турціи, куда ты кажется собирался удрать), и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повѣшеннымъ! (Ого!)*.....

Докажи же, Зелимханъ, что ты мужчина изъ доблестнаго чеченскаго племени, а не трусливая баба! Напи-

ши мнѣ, войсковому старшинѣ Вербицкому, въ гор. Владикавказъ и помни, что на переводъ письма твоего на русскій языкъ съ арабско-чеченскаго мнѣ нужно время[1]).

Г. Вербицкій.

Казалось бы, что дѣло искорененія разбоевъ и грабежей попало въ рѣшительныя руки, но, увы, цѣлый годъ бродилъ атаманъ Вербицкій по туземнымъ селеніямъ и не только не поймалъ главныхъ разбойниковъ, но и даже не уменьшилъ въ Терской обл. хищничества и грабежей.

Отъ карательной экспедиціи атамана Вербицкаго пострадали главнымъ образомъ мирные жители. Поговорите съ чеченцемъ или кумыкомъ, послушайте печальную повѣсть о томъ, какъ разорены они теперь окончательно, присмотритесь сколько ненужной злобы запало въ души горцевъ, попавшихъ въ сферу дѣйствій карательныхъ отрядовъ, и всякій безпристрастный человѣкъ ясно пойметъ, что мѣрами, вродѣ дѣятельности отряда атамана Вербицкаго, можно достигнуть только обратныхъ результатовъ.

Какъ бы отвѣтомъ на воззваніе атамана Вербицкаго можетъ быть событіе, имѣвшее мѣсто ровно черезъ годъ, послѣ его историческаго похода. Газета „*Отклики Кав.*" сообщаетъ:

„8 января, с. г. въ 2 часа ночи, на платформѣ Грозненскаго вокзала неожиданно появилась шайка абрековъ, сбила съ ногъ ударомъ приклада пріемщика поѣздовъ, поставила своихъ часовыхъ и бросилась въ помѣщеніе вокзала. Желѣзнодорожный стражникъ выскочилъ имъ на встрѣчу съ крикомъ о помощи, но тутъ же былъ тяжело раненъ. Абреки открыли стрѣльбу по окнамъ, ранили другого стражника и принялись хозяйничать на станціи. Оставивъ въ покоѣ телеграфистовъ, смирено расположившихся подъ столами, они стали разбивать ломомъ желѣзную кассу.

Лязгъ желѣза, тревожные свистки паровозовъ и выстрѣлы нападавшихъ разносились по мирно спавшей станицѣ.

— Скорѣе, скорѣе!—торопили часовые, паровозы свистятъ!

---

[1]) „Тер. Вѣд." 1909 г.

— Ничего, они всегда свистятъ,—отвѣчали имъ.

Верхняя крышка кассы, наконецъ, была пробита, но подъ ней оказалась другая. Разбойники сломали ломъ и вытащили заранѣе припасенныя зубила хорошей кузнечной работы.

Одна за другой были вскрыты двѣ кассы, изъ которыхъ взято 18 тысячъ рублей, и шайка скрылась черезъ окно, высаженное молотомъ.

Нѣкоторые казаки Грозненской станицы успѣли проснуться и встрѣтили грабителей выстрѣлами, но въ отвѣтъ раздались залпы изъ 3-хъ линейныхъ винтовокъ, которыми вооружены всѣ абреки. Шайка уходила вдоль забора, перешла полотно дороги у будки, давши еще одинъ залпъ на окликъ, и ускакала на лошадяхъ, поданныхъ товарищами.

Первымъ прибылъ на мѣсто происшествія атаманъ Кизлярскаго отдѣла войсковой старшина *Вербицкій*, затѣмъ явился начальникъ отряда и начальникъ Грозненскаго округа. Организована была погоня, но, не смотря на присутствіе самого *воинственнаго Вербицкаго*, злоумышленники скрылись безслѣдно...

Мы не будемъ уже говорить о цѣломъ рядѣ другихъ дерзкихъ нападеній, такъ напр., на мельницу купца Проханова во Владикавказѣ, на лѣсной складъ Кролика тамъ же, *и знаменитое нападеніе на Кизлярское казначейство*; эти факты ясно говорятъ, что репрессивными мѣрами самаго суроваго и жестокаго характера, каковой имѣла дѣятельность атамана Вербицкаго, не были достигнуты никакіе благотворные результаты.

Дѣло кончилось тѣмъ, что очевидно самъ г. Вербицкій почувствовалъ свою полную непригодность и безсиліе въ дѣлѣ искорененія разбоевъ и грабежей, такъ какъ онъ вошелъ съ ходатайствомъ передъ начальниками Терской об. объ освобожденіи его отъ обязанностей начальника карательнаго отряда.

Такимъ образомъ даже такое сильно дѣйствующее, кровопускающее средство, какъ карательная дѣятельность Вербицкаго, не дало ожидаемыхъ результатовъ, вопреки убѣжденію апологетовъ „бараньяго рога“ и „ежевыхъ рукавицъ“.

Гдѣ же выходъ? Неужели нѣтъ выхода!.. Нѣтъ,—онъ есть. И его можно опредѣлить немногими словами—*это самодѣятельность общества.*

Всякое зло принимающее характеръ общественнаго недуга можетъ быть излѣчено исключительно творческими силами самого общества. Какъ бы мудры не были тѣ или иные администраторы, какія бы средства не выдумывали они въ тиши своихъ канцелярій—все это безплодная работа, разъ не призваны къ дѣйствію живыя силы общества.

„Въ 1905 году, почти все населеніе плоскостной Осетіи, выведенное изъ терпѣнія безпрестанными нападеніями воровъ и грабителей, выбрало въ каждомъ селѣ по нѣсколько лицъ, которымъ было поручено изыскать мѣры къ уничтоженію разбоевъ и грабежей. Выборные эти, согласно желанію обществъ, выполнили порученіе и выработали мѣры... Общества, одобривъ выработанныя правила, приступили къ осуществленію ихъ на дѣлѣ. Результаты превзошли всякія ожиданія, воровство *уменьшилось* значительно, мировые судьи заявили открыто, что край успокаивается, поступленіе дѣлъ, въ сравненіи съ предшествующимъ, сократилось значильно, край могъ свободно вздохнуть, во многихъ мѣстахъ даже караулы могли быть сняты за ненадобностью. Однако это затишье продолжалось до того времени, пока—неизвѣстно изъ-за какихъ соображеній—всѣ правила, выработанныя выборными не оказались отмѣненными.

Хищники тотчасъ же почувствовали себя свободными и съ усиленной энергіей принялись за прежнее ремесло.

Жизнь опять пошла по прежнему, воровство и разбои съ удвоенной силой возобновились. Въ настоящее время весь край снова очутился во власти „разбойниковъ“[1]).

Такимъ образомъ, уже нѣкоторый опытъ прошлаго можетъ указать намъ одинъ изъ путей къ выходу изъ того тупика, который такъ гнететъ все населеніе края.

[1]) *Жизнь Сѣв. Кав.* № 7, 1906 г.

Кавказскіе разбойники.

Кавказскіе грабежи и разбои,—сколько уже писалось о нихъ и сколько еще будетъ писаться, но еще не скоро будетъ исчерпана эта тема, глубокая по своему соціально-бытовому содержанію, многогранная по захватываемымъ ею сторонамъ жизни богатѣйшей окраины Россіи.

Къ сожалѣнію въ большинствѣ случаевъ то, что писалось о кавказскихъ грабежахъ и разбояхъ было лишено объективнаго спокойствія и безпристрастія, было отравлено ядомъ человѣконенавистничества, расцвѣчено цвѣтами специфическими цвѣтами россійскаго „національизма", принимающаго на окраинахъ особенно уродливый характеръ безжалостной травли инородческаго населенія.

Къ какимъ только „дикимъ призывамъ" не прибѣгали иные представители россійской рептильной печати, прикрывавшіе эти „дикіе призывы" шумихою „патріотическихъ" фразъ, произносимыхъ якобы съ цѣлью защиты интересовъ русскаго населенія противъ инородческаго „засилья и насилья"?!

Тѣмъ болѣе хочется сказать нѣсколько словъ въ защиту того населенія, на головы котораго вотъ ужъ сколько времени призываются громы „земные и небесные".

Хочется сказать нѣсколько словъ въ защиту тѣхъ отверженныхъ государствомъ и обществомъ людей, которые носятъ громкое названіе „кавказскихъ разбойниковъ" и въ этомъ смыслѣ не неумѣстнымъ будетъ, если мы остановимся на нѣкоторыхъ чертахъ духовнаго облика этихъ разбойниковъ, того облика, о которомъ россійская широкая публика имѣетъ самое превратное представленіе.

Русское общество въ большинствѣ склонно смотрѣть на кавказскихъ разбойниковъ, какъ на звѣрей въ образѣ людей. Общество принимаетъ ихъ такими, какими рисуютъ ихъ протоколы и обвинительные акты, а между тѣмъ такое представленіе совершенно не вѣрное. Такихъ разбойниковъ „звѣрей" на Кавказѣ нѣтъ.

Въ большинствѣ случаевъ кавказскіе разбойники,—это разбойники по-неволѣ. Это жертвы темперамента, аффекта, кровавыхъ и еще дикихъ народныхъ обычаевъ, это жертвы общественной или административной несправедливости.

Недавно состоявшійся съѣздъ ингушей Назрановскаго округа вынесъ, между прочимъ, весьма интересныя резолюціи, дающія возможность говорить о кавказскихъ разбояхъ, какъ о явленіи соціально-бытовомъ[1]).

На съѣздъ прибыли по два представителя отъ каждаго селенія: старшина и мулла; кромѣ того были приглашены также и почетныя лица.

Главнѣйшая задача съѣзда заключалась въ выработкѣ мѣръ борьбы съ кражами и грабежами среди ингушскаго народа.

Послѣ продолжительныхъ преній, съѣздъ пришелъ къ заключенію, что однимъ изъ поводовъ къ развитію преступленій среди ингушскаго народа является традиціонный обычай взиманія дорогого калыма при отдачѣ ингушами замужъ своихъ дочерей.

Молодые люди, побуждаемые желаніемъ обладать любимой женщиной, идутъ на всякія преступленія, лишь бы добыть деньги на уплату калыма за невѣсту.

Въ цѣляхъ устраненія на будущее время этого нежелательнаго явленія съѣздъ выработалъ слѣдующія мѣры:

1) установить таксу на калымъ (выкупъ) невѣсты дѣвушки не болѣе 105 руб., а вдовы не болѣе 52 руб. 50 коп. 2) женихъ и невѣста, передъ совершеніемъ вѣнчальнаго обряда, съ двумя свидѣтелями и старшиной селенія должны явиться къ муллѣ и принять присягу въ томъ, что они не нарушили воли народа относительно установленной суммы калыма. Затѣмъ калымъ вносится въ книгу, и только тогда муллой совершается обрядъ вѣнчанія.

---

[1]) См. газ. *Кубанскій Край*. Мартъ 1912 г.

Далѣе съѣздъ для искорененія обычая кровной мести составилъ списокъ всѣхъ кровниковъ среди ингушей и выработалъ условія для ихъ примиренія.

Вотъ, нѣкоторые изъ „путей преступленія" на Кавказѣ, имѣющихъ чисто-бытовой характеръ:

Юноша хочетъ жениться, но ему нечѣмъ заплатить калымъ и онъ становится на опасный путь ночныхъ похожденій: юноша убилъ кого либо въ припадкѣ аффекта и не можетъ заплатить пеню за кровь и онъ, боясь мести кровниковъ и русскаго правосудія, бѣжитъ въ абреки. За его преступленія мстятъ его родственникамъ, а тѣ въ свою очередь мстятъ родственникамъ совершившаго преступленіе и создается постоянный источникъ все новыхъ и новыхъ людей, лишенныхъ возможности вернуться къ мирной трудовой жизни.

Естественный отборъ выдвигаетъ среди разбойниковъ наиболѣе отважныхъ, и создаются тѣ легендарные кавказскіе абреки, слава о которыхъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Часто это оказывались лица по существу добрѣйшія, и это свидѣтельствуется многими администраторами, непосредственно боровшимися съ кавказскими разбойниками.

Гейдаръ изъ Логича, молодой парень, сынъ богатой и благочестивой семьи, сдѣлался разбойникомъ послѣ того, какъ въ припадкѣ ревности убилъ свою невѣсту и русскаго офицера, который намѣревался ее увезти.

Абдулъ Керимъ-бекъ Козіянскій въ роли представителя шайки, проявилъ себя благотворителемъ бѣдныхъ и заступникомъ обиженныхъ.

Заидъ Еникаинскій болѣе десяти лѣтъ тому назадъ убилъ сельскаго міроѣда. Скрываясь отъ слѣдствія и суда, былъ заочно приговоренъ въ каторгу. Былъ періодъ, когда въ роли бѣглеца онъ въ продолженіи трехъ слишкомъ лѣтъ не совершилъ ни одного преступленія и даже по требованію мѣстныхъ властей уѣхалъ въ Турцію. Возвратившись на родину во время армяно-мусульманскихъ столкновеній, онъ по личной инициативѣ, держалъ весь преступный элементъ

въ страхъ, чѣмъ и способствовалъ часто предотвращенію столкновеній.

Вотъ первыя попавшіяся лица изъ кавказскихъ разбойниковъ, о которыхъ благосклонно отзывается лицо, долгое время занимавшее на Кавказѣ отвѣтственное, административное мѣсто и опубликовавшее на страницахъ мѣстной газеты „*Терекъ*“ (1910 г. мартъ) свои воспоминанія о кавказскихъ разбойникахъ.

На воспоминаніяхъ этого администратора стоитъ остановиться, такъ какъ въ нихъ дается яркая характеристика кавказскихъ разбойниковъ:

„Лѣтъ двадцать назадъ, разсказываетъ этотъ администраторъ, въ Г-ской тюрьмѣ, подъ строжайшимъ присмотромъ содержался осетинъ Алдатовъ. Онъ былъ посаженъ за разбой на Военно-Грузинской дорогѣ и приговоренъ къ смертной казни и въ то время, о которомъ я говорю, ожидалъ отвѣта на просьбу о дарованіи жизни.

Стройный типичный горскій красавецъ, лѣтъ 25-ти, Алдатовъ совершенно не производилъ впечатлѣнія разбойника. Учился онъ во Владикавказѣ въ какой-то русской школѣ и потому говорилъ хорошо по русски. Это дало намъ возможность бесѣдовать. Бесѣды эти велись, конечно, черезъ окно въ его одиночную камеру.

На мои вопросы А. сперва отвѣчалъ неохотно, уклончиво, видимо не желая удовлетворять моего любопытства, но замѣтивъ потомъ мое искреннее сочувствіе, сдѣлался откровеннымъ. Передать все, что говорилъ А. не представляется возможнымъ, но суть та, что онъ сдѣлался жертвой несправедливости. „Отъ меня, говорилъ онъ, отняли самымъ несправедливымъ образомъ все, что для меня было мило и дорого. Отняли любимое существо, отняли средства къ жизни, отняли имя. Я старался самымъ законнымъ путемъ выйти изъ того положенія, въ какое поставила меня судьба, но всѣ мои старанія, ни къ чему не привели. Тогда озвѣрѣвъ, я порвалъ всякую связь съ обществомъ и началъ ему мстить. Мстить жестоко, безъ удержу, безъ размышленія. Въ чаду только звѣрства, я находилъ забвеніе своему горю. Иногда я на мгновеніе приходилъ въ себя. Я сознавалъ

тогда, что совершаю что-то ужасное, несправедливое, но не было человѣка, который поддержалъ бы меня, а у самого не хватало силъ. Моимъ увлеченіемъ люди пользовались для своихъ корыстныхъ цѣлей; я это видѣлъ, но остановиться не могъ.

О тюрьмѣ и о той позорной смерти, которая мнѣ предстоитъ ея никогда не думалъ. Все это произошло случайно, на самоубійство же я не рѣшился. Къ смерти я готовъ и не боюсь ея, но, если мнѣ будетъ дарована жизнь, то я даю слово, что избѣжавъ каторги, крови больше не увижу.“

Среди этихъ разговоровъ, я замѣтилъ, что А. чувствуетъ какую-то боль. Оказалось, что отъ сквернаго воздуха въ камерѣ, у него болѣла голова. Прогулки А. были воспрещены. Очевидно это была предосторожность, въ виду исключительнаго положенія заключеннаго. Не мѣсто описывать то душевное настроеніе, которое я лично испытывалъ въ то время, скажу только, что я предложилъ заключенному прогулку, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ. А. изумленно посмотрѣлъ на меня, но когда щелкнулъ замокъ, и отворилась дверь, онъ молча заплакалъ; показались слезы и у меня. Подавъ другъ другу руки, мы гуляли съ нимъ до разсвѣта. Прогулки эти мы совершали еще нѣсколько разъ, когда я бывалъ на караулѣ. Одноэтажныя, низенькія зданія тюрьмы и всего трехъаршинная ограда, при силѣ и ловкости А., не могли бы служить ему препятствіемъ для побѣга, если бы онъ захотѣлъ использовать мое довѣріе къ нему. Въ его положеніи ему не могло быть страшнымъ и находящееся при мнѣ оружіе. Однако А. никакихъ попытокъ къ побѣгу не сдѣлалъ и не сдѣлалъ потому, что оставался человѣкомъ способнымъ оцѣнить доброе къ нему расположеніе.

Прійди значитъ поддержка раньше, своевременно—жизнь была бы спасена.

Въ цитируемыхъ нами воспоминаніяхъ проходитъ передъ нами цѣлая галлерея типовъ закавказскихъ разбойниковъ, на наиболѣе интересныхъ изъ которыхъ мы и остановимся.

„Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, продолжаетъ администраторъ, въ К-скомъ уѣздѣ оперировала шайка изъ 8—10

человѣкъ подъ предводительствомъ Мешоды-Меджида. До разбойничества, М. М-да зналъ весь уѣздъ, *какъ честнаго и благороднаго купца г. К-бы*. Красивый мужчина, ко всѣмъ привѣтливый, онъ *сдѣлался жертвой темперамента*. Близкое знакомство его съ чинами городской и уѣздной полиціи могло бы ему помочь, но онъ своевременно не принялъ, очевидно, никакихъ мѣръ и былъ приговоренъ въ каторгу. Бѣжавъ, онъ первымъ дѣломъ расправился съ своими врагами и сразу сталъ въ ряды разбойниковъ, не имѣя уже надежды на возвратъ къ мирной жизни.

Однажды послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ затишья М. М. остановился съ шайкой въ оврагѣ на мосту, между г. Д-томъ и К-бой. Начиная съ разсвѣта и до 3-хъ часовъ дня, онъ останавливалъ у моста всѣхъ, кто только ѣхалъ съ обѣихъ сторонъ. Признаковъ присутствія шайки у моста не было никакихъ и потому всякій, кто только ѣхалъ, попадалъ въ этотъ капканъ. Къ 3 часамъ дня съ обѣихъ сторонъ образовался вагенбургъ, больше чѣмъ въ сто различныхъ экипажей, фургоновъ, повозокъ, дрогъ, арбъ и пр. и пр.

Не совершивъ не только ни одного убійства, но даже не обидѣвъ никого дѣйствіемъ, а отобравъ у всѣхъ только деньги и что было цѣннаго, онъ въ 3 часа дня распустилъ всѣхъ по своимъ дорогамъ. Направившись въ горы, М. М. снова пропалъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ періодъ дѣйствій этой шайки въ К. былъ офицеръ носившій, за свой веселый нравъ и привычку говорить новости, кличку „хабаръ“ (новость). Х-ръ хорошо владѣлъ туземнымъ нарѣчіемъ, и какъ анекдотиста его знали всѣ лезгины. Ѣдетъ однажды Х-ръ на линейкѣ въ г. Д-тъ. Дорога идетъ густымъ кустарникомъ. Вдругъ Х-ръ видитъ, что впереди изъ кустовъ выходятъ на дорогу одинъ за другимъ вооруженные туземцы. Х-ръ сейчасъ-же догадался, что это шайка М. М. и по этому, не пытаясь предпринять что-либо, подъѣхалъ къ нимъ самъ.

— „Деньги!“ Сказалъ грозно М. М. по русски.—„Ты не узналъ меня М. М.?“ отвѣтилъ Х-ръ по мусульмански. „Я Хабаръ“. Какія у меня деньги? Вотъ возьми, если хочешь, вынимая трехрублевку, сказалъ Х-ръ—„А!! Хабаръ! Знаю Хабаръ! хорошій человѣкъ Хабаръ! Издрастуй!“—сказалъ М. М. и, подойдя къ Х-ру, подалъ ему руку. Тогда Х-ръ уже весело от-

крылъ корзину и, доставъ оттуда съѣстное и водку, угостилъ разбойниковъ. Во время закуски Х-ръ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ по мусульмански и всѣ хохотали отъ души. Трехъ рублей М. М. конечно не взялъ и, поблагодаривъ Х-ра за угощеніе, отпустилъ его.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, почти на томъ же мѣстѣ произошелъ еще болѣе курьезный случай. Послѣ того, какъ М. М-дъ притихъ, поѣздки изъ шт.-квартиры въ г. Д-тъ приняли опять безпечный характеръ. Командиръ полка Л-вичъ (извѣстный потомъ генералъ въ Китайскую и Японскую войны), ѣхалъ въ г. Д-тъ. Охраны при немъ не было никакой. М. М-ръ очевидно видѣлъ отъѣзжавшаго Л-ча и потому караулилъ его на обратномъ пути, съ явнымъ разсчетомъ на то, что тотъ будетъ везти съ собой деньги, полученные изъ Д-ского казначейства. Предположеніе это, если оно было, оправдалось. Л-вичъ везъ около десяти тысячъ, изъ нихъ болѣе пяти, двадцати пяти рублевыми бѣлыми ассигнаціями, тогда только въ первый разъ выпущенными въ обращеніе. Верстахъ въ четырехъ отъ шт.-кв. Л-вичъ былъ остановленъ. Шагахъ въ двадцати впереди экипажа стояло на дорогѣ десять человѣкъ, а у самаго экипажа былъ одинъ М. М-дъ.—„Деньги, ага“, сказалъ Меджидъ. Всякое сопротивленіе было излишне и кавказскій герой, молча разстегнувъ пальто, вынулъ бумажникъ и подавая его М. М-ду, желая очевидно избѣгнуть обыска, сказалъ:—„Все!“ М. М.-дъ взялъ бумажникъ, раскрылъ его и началъ отбирать кредитки стараго образца. Отобравъ всѣ, онъ положилъ ихъ въ свой карманъ, а всѣ бумаги, какія были въ бумажникѣ и всѣ двадцатипяти-рублевыя ассигнаціи, вложилъ обратно въ бумажникъ и подавая его Л-вичу, сказалъ: „И-спасиба! расписка возьми себѣ назадъ, намъ не надо“.

При проѣздѣ Л-вича мимо разбойниковъ, тѣ улыбаясь, всѣ ему кланялись.

Прискакавъ въ шт.-кв. Л-вичъ ударилъ тревогу и черезъ десять минутъ учебная команда, при двухъ офицерахъ, шла уже цѣпью по направленію къ мѣсту ограбленія. Но разбойники на этотъ разъ успѣли скрыться. Только, спустя два года, съ помощью одного изъ шайки, М. М-дъ былъ задержанъ и приговоренъ къ смертной казни.

За смертью М. М-да, остатокъ шайки его разсѣялся и притихъ, но спустя два года, эта же шайка, подкрѣпленная и строго дисциплинированная, стала грозой всего уѣзда.

Предводителемъ шайки былъ каторжникъ Шихъ-Заде.

Само имя Шихъ (святой) показываетъ, что человѣкъ этотъ былъ изъ почетной семьи. Шихъ-Заде былъ среднихъ лѣтъ мужчина, атлетическаго сложенія и хорошо грамотный по-русски. Говорили о немъ, что онъ очень привѣтливъ и не выноситъ жестокости.

Прибывъ на родину изъ каторги, Ш.-Заде, вопреки обычаю мести, примирился со всѣми своими врагами и за нѣсколько лѣтъ его разбойничьей жизни, *на немъ лично не тяготѣло ни одного убійства.* Шайка его отличалась большой подвижностью и по этому была неуловима. *Ш.-Заде задался мыслью дать возможно больше средствъ каждому участнику шайки и потомъ распустить для мирной жизни.* Задумавъ это дѣло Ш.-Заде для добыванія денегъ облагалъ взносомъ всѣ помѣщичьи усадьбы, такія коммерческія предпріятія какъ: рыбные промыслы, спиртовые заводы, виноградные сады и пр. и пр. Для уничтоженія шайки разновременно формировались воинскіе отряды въ составѣ охотничьихъ командъ, пѣхоты, казаковъ, милиціи, а впослѣдствіи и охотниковъ изъ населенія. Въ составъ послѣднихъ входятъ исключительно кровники.

Однажды такой отрядъ остановился на бивакъ у опушки лѣса на берегу К-скаго моря. Ночь была тихая, звѣздная. На протяженіи полуверсты вдоль берега пылали костры. По всей линіи шелъ говоръ, смѣхъ, пѣсня, жарились шашлыки, варился пловъ, а на краю, у самаго лѣса у казаковъ заливалась зурна. Около этого костра было особенно весело, подъ бубенъ и зурну шла пляска казаковъ и солдатъ по очереди съ туземцами. Шумъ сталъ стихать только къ полуночи. Снимаясь утромъ съ бивака, начальникъ отряда получилъ свѣдѣніе, что у костра, гдѣ было особенно весело пріятно развлекался и самъ Шихъ-Заде.

Ш.-Заде не поощрялъ убійствъ, признавая ихъ только необходимостью на случай самозащиты. Безцѣльныя убійства, не вызванныя ничѣмъ со стороны убитаго, наказывались. Обыкновенно Ш.-Заде расправлялся самъ лично.

На протяженіи 200 верстъ побережья К-го моря, всѣ рыбныя ватаги были обложены данью по числу сельдяныхъ

чаповъ. Кое-кто изъ рыбопромышленниковъ рискнули было заявить администраціи, но вышло убыточнѣе. Такимъ образомъ плата эта вошла въ обычай и на всѣхъ ватагахъ завѣдомо считалась расходной статьей. За деньгами Ш.-Заде посылалъ молодыхъ разбойниковъ и тѣ выполняли эти порученія съ необычайной смѣлостью. Они среди бѣла дня заходили прямо на ватаги или въ имѣнія, вызывали управляющаго и требовали взносъ. Никто не рѣшался тронуть посланца, такъ какъ зналъ, что въ лѣсу сидятъ товарищи.

Шт.-квартирой шайки считался М-скій участокъ К-скаго уѣзда и отчасти К-скій. Приставомъ послѣдняго былъ бравый офицеръ Г-въ, который зналъ Ш-Заде еще на свободѣ. Ш-Заде много разъ передавалъ Г-ву, чтобы тотъ не проявлялъ бы особенной энергіи въ преслѣдованіи его шайки, но Г-въ, не только не слушалъ, но, наоборотъ, по первому слуху о появленіи гдѣ либо разбойниковъ, мчался туда съ казаками.

Не смотря на это, Ш.-Заде, какъ выяснилось даже на судѣ, проявлялъ особенную симпатію къ Г-ву, а въ одномъ случаѣ *проявилъ даже рыцарское благородство.*

Получивъ однажды увѣдомленіе о появленіи Ш.-Заде въ участкѣ, Г-въ съ 15-ю казаками помчался въ селеніе.

Почтовая дорога шла кустами и была шириной сажень 8—10-ть. Густой кустарникъ былъ такъ перепутанъ зарослями, что пройти пѣшему человѣку было очень затруднительно. Во время пути, когда Г-въ мчался на своемъ иноходцѣ, вдругъ конь его захрапѣлъ и неожиданно бросился въ сторону.

Г-въ удержался, но подпруги у сѣдла лопнули. Пришлось остановиться для поправки. Г-въ и всѣ всадники спѣшились. Пока поправляли сѣдло, Г-въ сѣлъ подъ кустами въ тѣнь. Поправивъ сѣдло и отдохнувъ, отрядъ поѣхалъ дальше. Въ селеніи Г. началъ опросъ гдѣ, кто, когда и при какихъ условіяхъ видѣлъ разбойниковъ.

Въ это время пришелъ сельчанинъ и сказалъ, что онъ встрѣтилъ разбойниковъ, которые передавали поклонъ приставу и велѣли сказать, что они сидѣли въ кустахъ именно тамъ, гдѣ приставъ поправлялъ сѣдло. На судѣ-же выяснилось еще большая подробность этого случая.

Разбойники, зная, что Г-въ будетъ непремѣнно ѣхать въ селеніе, захотѣли его увидѣть, для чего размѣстились въ кустахъ на протяженіи двадцати-тридцати шаговъ.

Конь Г-ва очевидно и испугался шороха въ кустахъ, а затѣмъ, остановившись поправлять сѣдло, самъ Г-въ сѣлъ въ тѣнь спиной къ разбойнику Абдуллѣ и самому Ш-Заде, которые были отъ него на разстояніи не болѣе пяти шаговъ. Всѣ разбойники затаили дыханіе, но поза самого Г-ва такъ была соблазнительна, что кровожадный А—лла, началъ было наводить свою винтовку въ спину Г-ву *и только Ш.-Заде знакомъ руки остановилъ его.* Раздайся этотъ выстрѣлъ, неподготовленные всадники, конечно, всѣ были бы перебиты и трофеями разбойниковъ остались кони, оружіе и пр.

Передавали на судѣ, что Шихъ-Заде говорилъ по этому поводу: *„убили бы Г-ва, былъ бы другой приставъ, а народъ весь говоритъ, что другого такого хорошаго пристава не будетъ“*. Послѣ этого случая шайка затихла совершенно.

Однажды Ш.-Заде собралъ всю шайку въ М-скомъ участкѣ, на одномъ хуторѣ. Хуторъ былъ въ сторонѣ отъ селенія, погода была осенняя, холодная, шелъ мелкій дождикъ, такъ что Ш.-Заде не предпринялъ мѣръ предосторожности, на случай преслѣдованія; хозяина дома, однако, заперъ съ собой въ домѣ. Какъ оказалось, это было послѣднее свиданіе разбойниковъ.

Ш.-Заде вынулъ деньги и, отдавая ихъ разбойникамъ, сказалъ: *„здѣсь шестьдесятъ тысячъ! Все это ваше. Мнѣ ничего не надо. Я пойду въ Мекку и больше сюда не возвращусь. Совѣтую и вамъ сдѣлать то-же. Уйдите въ Персію, займитесь хозяйствомъ или торговлей и дайте торжественный обѣтъ пророку, къ такой жизни больше не возвращаться“*.

Такимъ образомъ шайка, существовавшая нѣсколько лѣтъ, должна была прекратить свое существованіе совершенно тихо, спокойно. Однако этому концу не суждено было осуществиться.

Хозяинъ хутора, увидѣвъ, что это послѣдній разбойничій день, задумалъ дать знать приставу Т-ву, который съ командой казаковъ, милиціи и охотниковъ былъ всего въ 5—6 верстахъ.

Для того, что-бы выйти изъ дому представился такой случай. Въ полночь во дворѣ залаяли собаки и заревѣлъ

скотъ. Хозяинъ заявилъ, что это волки или воры и просилъ Ш.-Заде выпустить его во дворъ: поднялась травля волковъ, а тѣмъ временемъ хозяинъ послалъ своего сына къ приставу. Пока продолжался обходъ хутора, стало свѣтать и къ этому времени хуторъ былъ окруженъ.

Увидѣвъ себя въ ловушкѣ, Шихъ-Заде, на предложеніе сдаться, открылъ стрѣльбу, которая продолжалась цѣлый день. Ш.-Заде, тянулъ перестрѣлку съ очевиднымъ намѣреніемъ довести ее до вечера, чтобы пользуясь темнотой скрыться. Но Т. предупредилъ этотъ замыселъ.

Къ вечеру онъ обложилъ домъ соломой (съ той стороны, гдѣ не было оконъ) и крикнулъ разбойникамъ, что, если они не выбросятъ ружья, то онъ подожжетъ домъ. Послѣ этой угрозы дверь въ домѣ отворилась и на крыльцѣ показался Ш.-Заде.

Изъ лѣса грянулъ залпъ, за шумомъ котораго нельзя было узнать, хотѣлъ ли Ш.-Заде сдаться или хотѣлъ бѣжать. Раненный въ ногу Ш.-Заде сдѣлалъ шагъ назадъ и, ставъ на одно колѣно, произвелъ два выстрѣла. Этими двумя мѣткими выстрѣлами, онъ ранилъ двухъ всадниковъ земской стражи, обоихъ въ правыя руки, т. е. тѣ части тѣла, которыя только и были видны изъ за деревьевъ, за которыми тѣ стояли.

На судѣ выяснилось, что это были два выстрѣла, сдѣланные Ш.-Заде за все время пребыванія его много лѣтъ въ шайкѣ.

Второй пулей Ш.-Заде былъ раненъ смертельно.

Упавъ на полъ, онъ такъ громко читалъ предсмертную молитву, что всѣ мусульмане, находившіеся въ лѣсу, слышали ее ясно и, прекративъ стѣльбу, сами молились. Въ эту тяжелую минуту, стрѣльба съ обоихъ сторонъ прекратилась и разбойники затворивъ дверь, послѣ нѣсколькихъ минутъ совѣщанія, крикнули, что они сдаются. Они выбросили свои ружья въ окна и вышли на крыльцо безоружными: очевидецъ говоритъ, что все сдѣлала смерть вождя. Не убей Ш.-Заде, шайка могла бы прорваться...

Вотъ нѣкоторые типы разбойниковъ изъ той галлереи ихъ, которая приведена въ воспоминаніяхъ вышеуказаннаго нами администратора.

И эти типы ясно говорятъ намъ о полномъ своебразіи характера кавказскихъ разбойниковъ въ сравненіи съ обыч-

ными уголовными типами убійцъ и разбойниковъ россійскихъ каторжныхъ тюремъ.

Если мы приблизимся къ нашему времени и остановимся на знаменитомъ кавказскомъ разбойникѣ *Зелимханѣ*, затмившемъ своей славой всѣхъ своихъ предшественниковъ, то увидимъ, что и онъ близокъ, какъ психологическій типъ къ тѣмъ лицамъ, разбойничій обликъ которыхъ передъ нами былъ только что вырисованъ.

О Зелимханѣ много говорилось и писалось, но намъ кажется, что ничто такъ не выясняетъ его внутреннюю природу, какъ нижеслѣдующій документъ. Это малоизвѣстное письмо Зелимхана къ предсѣдателю 3-ей Государственной Думы въ 1909 г.[1])

Его Высокопревосходительству

Господину предсѣдателю Государственной Думы.

Чеченскаго абрека *Зелимхана Гушмазакаева*

Прошеніе.

Такъ какъ въ настоящее время въ Государственной Думѣ идетъ запросъ о грабежахъ и разбояхъ на Кавказѣ, то депутатамъ небезынтересно будетъ познакомиться съ причинами, заставившими меня, одного изъ самыхъ извѣстныхъ абрековъ Терской и Дагестанской областей, сдѣлаться абрекомъ

Все разсказывать не стоитъ—это займетъ слишкомъ много Вашего драгоцѣннаго времени. Я ограничусь, какъ сказалъ указаніемъ обстоятельствъ, при которыхъ я ушелъ въ абреки и кромѣ того разскажу о двухъ своихъ наиболѣе крупныхъ преступленіяхъ: первое—убійство подполковника Добровольскаго, старшаго помощника начальника Грозненскаго округа въ 1906 г. (тогда теперешній Веденскій округъ входилъ въ Грозненскій округъ) и второе—убійство полковника Галаева, начальника Веденскаго округа, лѣтомъ минувшаго 1908 года.

Чтобы гг. депутаты имѣли хоть какое-нибудь представленіе о драмѣ моей жизни, я долженъ упомянуть въ короткихъ словахъ о мѣстѣ моего рожденія и о своей семьѣ. Родомъ я изъ чеченскаго селенія Хорочой, Веденскаго округа, Терской области. Въ то время, о которомъ идетъ

[1]) См.: *Гол. Пр.* СП.-Б. 1909 г. Февр.

разсказъ (1901 г.) семья наша состояла изъ старика—отца, меня и двухъ моихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ уже взрослый юноша, а другой совсѣмъ еще ребенокъ; кромѣ того, былъ у насъ еще и столѣтній дѣдъ. Жили мы богато.

Все, что бываетъ у зажиточнаго горца, мы имѣли: крупный и мелкій рогатый скотъ, нѣсколько лошадей, мельницу, правда татарскую, но все же она намъ давала приличный доходъ, и имѣли мы еще богатѣйшую пасѣку, въ которой насчитывалось нѣсколько сотъ ульевъ. Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье. Произошла у насъ ссора съ односельчанами изъ-за невѣсты моего брата. Въ дракѣ былъ убитъ мой родственникъ.

Теперь *надо отомстить кровникамъ за смерть родственника, выполнить святую для каждаго чеченца обязанность.* Зная хорошо, что по русскимъ законамъ кровомщеніе не допускается и меня за убійство человѣка, хотя бы кровника, будутъ судить со всей строгостью законовъ, я совершилъ актъ кровомщенія въ тайнѣ, ночью, наканунѣ Ромазана мѣсяца, и безъ соучастниковъ. Всѣ въ аулѣ вздохнули свободно,—*канлы* должно было кончиться и между сторонами состояться полное примиреніе. Но стали производить дознаніе. Начальникъ участка капитанъ Х., нынѣ благополучно управляющій однимъ изъ округовъ Терской области, показалъ, что онъ засталъ нашего врага живымъ и послѣдній будто бы указалъ, какъ на виновниковъ своей смерти на меня, на моего отца и двухъ двоюродныхъ братьевъ. Такимъ образомъ было найдено юридическое основаніе для того, чтобы насъ обвинить. Судъ насъ четверыхъ присудилъ въ арестантское отдѣленіе. На запросъ палаты: какимъ образомъ покойный могъ ночью узнать, кто въ него стрѣлялъ, тотъ же начальникъ участка Х. отвѣтилъ, что была свѣтлая лунная ночь и лица были хорошо замѣчены умершимъ. Это было со стороны Х. явная ложь и пристрастное отношеніе къ дѣлу. Во первыхъ, какъ всему народу, ему было извѣстно, что мой отецъ и два двоюродныхъ брата ни въ чемъ не виноваты, а во вторыхъ наканунѣ Ромазана мѣсяца луна не свѣтитъ. Люди говорятъ, что ему дали взятку наши враги и я вполнѣ этому вѣрю.

Одинъ изъ моихъ братьевъ умеръ въ тюрьмѣ, а другой умеръ впослѣдствіи въ ссылкѣ. *Я бѣжалъ изъ грозненской*

тюрьмы съ единственной цѣлью отомстить виновнику всѣхъ несчастій нашей семьи, капитану Х., но онъ нашелся. Узнавъ о томъ, что я на свободѣ, онъ прислалъ ко мнѣ человѣка, который сказалъ, что капитанъ Х. сознаетъ свою ошибку, очень раскаивается и проситъ у меня прощенія и кромѣ того обѣщаетъ меня не преслѣдовать никогда. Я повѣрилъ его раскаянію и простилъ ему. Изъ послѣдующей дѣятельности этого человѣка, выяснилось, что онъ очень далекъ отъ раскаянія, а просто меня перехитрилъ и перешелъ на службу въ другое мѣсто. Такимъ образомъ *изъ мирнаго жителя селенія Хорочой я сдѣлался, превратился въ абрека Зелимхана изъ Хорочоя*, но не такого еще знаменитаго, какъ сейчасъ. Теперь я Вамъ, Ваше Высокопревосходительство, разскажу, за что я убилъ подполковника *Добровольскаго*. Въ то время Добровольскій былъ старшимъ помощникомъ начальника Веденскаго округа и жилъ постоянно въ Ведено.

Естественно на немъ лежала обязанность меня преслѣдовать; но, какъ это онъ дѣлалъ.

Прежде всего ставилъ въ Хорочоѣ экзекуціи, затѣмъ всячески давилъ моихъ родственниковъ и лицъ, имѣвшихъ по его мнѣнію, или вѣрнѣе по мнѣнію доносившихъ, какое нибудь ко мнѣ отношеніе. Мой старый отецъ уже вернувшійся домой, отбывъ свой срокъ наказанія и въ особенности братъ самый тихій и добродушный изъ хорочоевцевъ, подвергались со стороны Добровольскаго всевозможнымъ гоненіямъ, аресту на продолжительное время подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, штрафамъ и пр. и пр. мелочамъ, пересказать которыхъ я сейчасъ не сумѣю, но которые тѣмъ не менѣе жизнь дѣлаютъ тягостною, а иногда и невыносимою. Я ходилъ на свободѣ и никто меня не безпокоилъ, ни казачіе резервы, ни милиціонеры. Наконецъ, случилось крупное столкновеніе и вотъ по какому случаю. Добровольскій ѣхалъ изъ Ведено въ Грозный, а мой братъ *Султанъ-Мурадъ* ему навстрѣчу. Подполковникъ остановилъ тройку и приказалъ переводчику своему брата обыскать и отобрать у него оружіе. На большой дорогѣ не было до тѣхъ поръ принято останавливать и обыскивать проѣзжающихъ. Очевидно для Султана-Мурада сдѣлали исключеніе. Братъ сказалъ, что оружіе его азіатскаго образца и выдать его онъ не можетъ, такъ какъ повсюду его преслѣдуютъ кровники. Доброволь-

скій привсталъ на тройкѣ съ винтовкой въ рукѣ. Султанъ-Мурадъ ударилъ по лошади и ускакалъ, начальникъ пустилъ ему въ догонку нѣсколько пуль: не знаю, съ какой цѣлью—напугать, или попасть въ него. Пріѣхавъ въ Грозный Добровольскій пожаловался начальнику Округа, что братъ Зелимхана оказалъ ему вооруженное сопротивленіе и т. д. Разумѣется при этомъ умолчалъ о томъ, что самъ онъ стрѣлялъ въ моего брата. Султанъ-Мурадъ, боявшись жить дома, скрылся и по моему совѣту вступилъ съ Добровольскимъ въ переговоры, черезъ нѣкоторыхъ лицъ, обѣщаясь выдать оружіе и кромѣ того уплатить штрафъ въ томъ размѣрѣ, который укажетъ Добровольскій, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы Султанъ-Мурадъ оставался жить дома. Но Добровольскій и слышать не хотѣлъ ни о чемъ, грозилъ сгноить брата въ тюрьмѣ, повѣсить, а по моему адресу разразился скверными словами. Тогда братъ мой ушелъ изъ дома и сталъ бродить одинъ по горамъ, боясь присоединеніемъ ко мнѣ навсегда опорочить себя и тѣмъ лишиться возможности вернуться къ мирной жизни. А, скитаясь одинъ, онъ надѣялся на то, что либо начальникъ смилостивится, либо на его мѣсто назначать другого, болѣе добраго. Но надеждамъ брата не суждено было осуществиться, -его поймали въ Дагестанской области, (при этомъ онъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія) и посадили въ Петровскую тюрьму. Тамъ онъ пробылъ около года и бѣжалъ прямо ко мнѣ. Съ этого момента онъ сдѣлался уже настоящимъ абрекомъ. Отецъ мой еще раньше брата присоединился ко мнѣ, предпочитая жизнь абрека тюремному заключенію, которое должно было длиться до тѣхъ поръ, пока меня не убьють или не поймають. *За то, что онъ заставилъ сдѣлаться абрекомъ моего брата и отца, обругалъ меня скверными словами, Добровольскій поплатился своею жизнью.* Далѣе я Вамъ разскажу, Ваше Высокопревосходительство, за что я убилъ полковника *Галаева.* Вскорѣ послѣ смерти Добровольскаго Веденскій округъ былъ объявленъ самостоятельнымъ въ административномъ отношеніи и намъ прислали начальника округа, именно, Галаева. Этотъ оказался человѣкъ дѣятельный и энергичный: онъ сразу выслалъ изъ Веденскаго округа 500 человѣкъ, якобы за воровство, которые вернулись всѣ въ качествѣ уже абрековъ и наводили весь Веденскій

округъ. Но потомъ полковнику пришлось объявить имъ всеобщую амнистію и они вернулись въ свои дома и стали заниматься тѣмъ, что дѣлали раньше до появленія Галаева, быть можетъ, кто и воровствомъ, а кто и мирнымъ трудомъ. Впрочемъ это къ дѣлу не относится, а я это сказалъ, какъ фактъ, характеризующій этого администратора. Мѣры его, направленныя противъ меня, а также противъ отца и брата выражались въ томъ, что онъ приблизилъ къ себѣ нашего противника Эльсона изъ Хорочоя и сталъ по его указанію сажать въ тюрьмы и высылать нашихъ родственниковъ и друзей, а иногда лицъ, совершенно не имѣвшихъ къ намъ никакого отношенія. Я ему предлагалъ письменно оставить всѣхъ этихъ ни въ чемъ неповинныхъ лицъ въ покоѣ, а преслѣдовать меня всѣми способами, какіе онъ можетъ изобрѣсти: полиціей, подкупомъ, отравленіемъ, чѣмъ только онъ хочетъ. Но Галаевъ находилъ самымъ правильнымъ, избранный имъ путь поимки меня съ товарищами. Очевидно борьба съ мирными людьми гораздо легче, чѣмъ съ абреками. Нѣкоторыя сосланныя имъ лица находятся въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Быть можетъ они и умерли. Между ними, напримѣръ, два моихъ двоюродныхъ брата по женской линіи и два зятя тоже изъ другой фамиліи, чѣмъ я. Затѣмъ посаженные Галаевымъ въ тюрьму до сихъ поръ еще сидятъ тамъ.

Хозяйства, какъ сосланныхъ, такъ и заключенныхъ совершенно раззорились, жены и дѣти ихъ живутъ подаяніемъ добрыхъ людей, да тѣмъ, что я иногда удѣлю имъ изъ своего добра, послѣ удачнаго набѣга.

Окончательно убѣдившись, что Галаевъ твердо держится своей системы, что онъ будетъ ссылать и арестовывать все новыя и новыя лица, разоренныя семейства которыхъ станутъ молить Бога о моей гибели, я рѣшилъ съ нимъ покончить. Рѣшеніе свое я выполнилъ лѣтомъ истекшаго 1908 года. Все, что изложено въ этомъ прошеніи безусловно правда, ибо я стою внѣ зависимости отъ кого бы и отъ чего бы то ни было и лгать мнѣ нѣтъ никакой нужды. Голова моя, какъ говорятъ оцѣнена въ 8 тысячъ рублей, конечно деньги эти собраны съ населенія. Отецъ и братъ мой убиты чеченцами во время плѣненія мною овцевода Мѣсяцева 31 августа 1908 года и теперь я одиноко скитаюсь по горамъ и лѣсамъ

ожидая съ часа на часъ возмездія за свои и чужіе грѣхи. Я знаю дѣло мое кончено, вернуться къ мирной жизни мнѣ невозможно, пощады и милости тоже я не жду ни отъ кого. Но для меня было бы большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, еслибы народные представители знали, что *я не родился абрекомъ, не родились ими также мой отецъ и братъ и другіе товарищи.*

Большинство изъ нихъ избираютъ такую долю, вслѣдствіе несправедливаго отношенія властей или подъ вліяніемъ какой-нибудь иной обиды или несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Разъ кто сталъ на этотъ путь, то онъ подвигается по нему все глубже и глубже въ дебри, откуда нѣтъ возврата, ибо, спасаясь отъ преслѣдователей, приходится убивать, а, чтобы кормиться и одѣваться, приходится грабить. А въ особенности тому, кто долженъ поддерживать семейства, отцы которыхъ въ ссылкѣ или въ заключеніи.

Все изложенное покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство довести до свѣдѣнія Думы. Если же Вы не найдете возможнымъ, чтобы мое прошеніе было предметомъ вниманія народныхъ представителей, то покорнѣйше прошу Васъ отдать его въ какой нибудь органъ печати, быть можетъ найдутся такіе, которые пожелаютъ его напечатать. Къ сему прилагаю свою именную печать и казенную печать Андреевскаго Сельскаго правленія Хасавъ-Юртовскаго округа. Администрація Терской и Дагестанской областей знаетъ, что всякое письмо снабженное этими знаками идетъ отъ меня.

Зелимханъ Гушмазакаевъ. 15 января 1909 г. Терская об.

Нужно думать, что настоящее письмо написано не самимъ Зелимханомъ, который, какъ извѣстно, не отличается особенной грамотностью, но какъ бы тамъ ни было оно крайне характерно.

Оно рисуетъ одинъ изъ обычныхъ путей, какимъ создаются на Кавказѣ абреки. Столкновеніе государственнаго правосознанія съ правосознаніемъ народа, обусловленнымъ извѣстнымъ соціально-бытовымъ укладомъ, вотъ источникъ тѣхъ жизненныхъ драмъ, которыя выкидываютъ ежегодно извѣстный процентъ туземнаго населенія за бортъ легальной жизни. И это столкновеніе принимаетъ еще болѣе острый и тяжелый характеръ потому, что проводники россійскаго государ-

ственнаго правосознанія,—въ лицѣ россійскаго чиновничества на Кавказѣ, являются далеко не добрыми геніями мѣстнаго населенія. Въ большинствѣ случаевъ это исключительно чиновники со входящими и исходящими, смотрящіе на свое назначеніе, какъ на временную гастроль, для достиженія дальнѣйшихъ ступеней административной лѣстницы, совершенно не любящіе административнаго дѣла, совершенно не понимающіе духа, характера и обычаевъ того народа, опекать который они призваны.

Не отличаясь никакими моральными достоинствами, они не пользуются среди этого населенія и моральнымъ авторитетомъ.

Поэтому туземное населеніе и не вѣритъ въ силу русскаго закона и не ждетъ отъ этого закона справедливости. Когда оно считаетъ, что право нарушено, то оно стремится само возстановить нарушенное право, *нарушая* въ свою очередь тѣмъ самымъ русскій законъ.

Это мы уже видѣли изъ письма Зелимхана предсѣдателю Государственной Думы *Хомякову*, это мы можемъ увидѣть и изъ ниже приводимой нами *„переписки“* того-же Зелимхана съ начальникомъ Терской области г.-л. Михѣевымъ.

Вотъ, что читаемъ мы объ этой перепискѣ въ газетѣ *„Терекъ“* (1909 г. Янв.):

Нѣсколько времени назадъ вр. генералъ-губернаторомъ г.-л. Михѣевымъ было получено отъ знаменитаго абрека Зелимхана письмо, написанное на арабскомъ языкѣ.

Выражая желаніе сдаться въ руки властей, Зелимханъ въ письмѣ указывалъ, что онъ сталъ абрекомъ, *благодаря несправедливости отдѣльныхъ представителей окружной администраціи и потому, что видѣлъ вокругъ себя зло*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ генерала Михѣева взглянуть на его дѣло безпристрастно и помиловать его.

Въ отвѣтъ на это письмо генералъ-губернаторъ разослалъ начальникамъ всѣхъ округовъ области, за исключеніемъ Нальчикскаго слѣдующій циркуляръ:

„Я получилъ отъ абрека Зелимхана Гушмазакаева письмо, въ которомъ онъ, описывая причины, побудившія его стать абрекомъ, проситъ меня разслѣдовать и убѣдиться въ

правдивости его словъ и затѣмъ „во имя Бога и Царя" помиловать его.

Предлагаю объявить всѣмъ мулламъ и кадіямъ, для оповѣщенія населенія въ мечетяхъ, что письмо Зелимхана я прочелъ и со своей стороны, отвѣчаю:

„... Мнѣ извѣстно и безъ указаній Зелимхана, что на Царскую службу иногда приннмаются люди нехорошіе, съ порочными и противными духу закона наклонностями. Мнѣ извѣстно также хорошо, что отъ этого страдаетъ служба и справедливость и что съ этимъ зломъ надо бороться безпощадно. Но зачѣмъ Зелимханъ говоритъ о нихъ, когда онъ первый отступилъ отъ закона, когда онъ нарушилъ его больше, чѣмъ кто-либо, сдѣлавшись абрекомъ?

Всякій виновный въ нарушеніи закона, преслѣдуется по закону же, а не тѣмъ путемъ, который избралъ себѣ Зелимханъ, не путемъ произвольнаго насилія и убійствъ, которыхъ никогда не одобритъ ни Богъ, ни государство, ни человѣческая совѣсть! Пусть Зелимханъ знаетъ, что я, какъ представитель закона и порядка въ области, считаю его, Зелимхана, самымъ крупнымъ нарушителемъ закона и виновникомъ передъ Богомъ и Царемъ, а потому заслуживающимъ понести тяжелую кару.....

Относительно же его просьбы о помилованіи добавлю, что, во-первыхъ, миловать я не вправѣ. Это не въ моей власти. Эта власть принадлежитъ только Царю, во-вторыхъ, меня крайне удивляетъ, что Зелимханъ говоритъ о помилованіи.

Гдѣ же его уваженіе къ закону, если онъ же склоняетъ меня на беззаконіе т. е. призываетъ къ помилованію, тогда какъ я во имя закона обязанъ судить его.

Законъ, конечно, приметъ во вниманіе чистосердечное признаніе, но во всякомъ случаѣ Зелимхану слѣдуетъ помнить, что разъ онъ имѣлъ мужество судить и наказать другихъ, пусть имѣетъ мужество и отдаться въ руки правосудія".

Г.-Л. Михѣевъ говоритъ: „Всякій виновный въ нарушеніи закона преслѣдуется по закону, а не тѣмъ путемъ, который избралъ себѣ Зелимханъ, не путемъ произвольнаго

насилія и убійства, которыхъ никогда не одобритъ ни Богъ, ни государство, ни человѣческая совѣсть".

Въ цитируемыхъ нами словахъ кроется очень многое для пониманія природы кавказскаго разбойничества, какъ соціально-психологическаго явленія, и кавказскаго разбойника, какъ явленія соціально-бытового, а также и одинъ изъ ключей къ пониманію той драмы, которую сейчасъ переживаетъ населеніе Кавказа.

Зелимханъ, какъ и ему подобные, считаютъ себя жертвою административной несправедливости, но Зелимханъ не вѣритъ, чтобы путемъ россійскаго закона справедливость могла восторжествать,—и онъ хочетъ возстановить нарушенную справедливость тѣми средствами, которыми самъ располагаетъ.

А такое средство: *самому лично покарать зло*(!), поступая въ этомъ случаѣ согласно вѣками выработанному соціально-бытовому укладу горцевъ.

Ясно, что и генералъ Михѣевъ и разбойникъ Зелимханъ въ конечномъ счетѣ *апеллируютъ къ справедливости* и исходятъ изъ нея, но они говорятъ на разныхъ языкахъ и понимать другъ друга не могутъ.

Если бы русская власть на Кавказѣ дала себѣ трудъ разобраться въ соціальной природѣ кавказскаго разбойничества или даже поняла бы психологію кавказскаго разбойника,—то она рѣшительно разъ навсегда, отказалась бы отъ какихъ бы то ни было репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ туземному населенію,—мѣръ, обрушивающихся исключительно на мирное трудовое горское населеніе, такъ какъ абреки оказываются всегда за предѣлами досягаемости, и она-бы выдвинула на первый планъ, мѣры соціально-правового экономическаго и культурно-просвѣтительнаго характера.

Только этими мѣропріятіями могъ бы быть переброшенъ мостъ взаимнаго пониманія и довѣрія между туземнымъ населеніемъ и русской властью, безъ чего еще долго русское общественное мнѣніе будетъ тревожимо злополучнымъ вопросомъ о кавказскихъ разбойникахъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда русская власть въ глазахъ туземцевъ явится хоть до нѣкоторой степени носительницей *правды и права*,— въ этотъ моментъ кавказскій раз-

бой, какъ массовое явленіе, отойдетъ въ значительной степени въ область прошлаго.

Русская власть въ самомъ туземномъ населеніи найдетъ того мощнаго союзника противъ разбойниковъ, что послѣдніе, будь у нихъ доблести въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ у Зелимхана, принуждены будутъ сдаться и сложить оружіе или же обречь себя на рѣшительное истребленіе.

Тогда и кавказскій разбойникъ, если онъ и будетъ появляться, будетъ представлять типъ, близкій къ уголовному типу россійскихъ убійцъ и грабителей, безъ романтизма и рыцарства, лишенный ореола кроваваго мстителя за попранное чувство справедливости,—того ореола, который даетъ возможность нынѣ Зелимхану бороться противъ полицейскаго механизма такого государства, какъ Россія, въ теченіе десятка лѣтъ.

Искорененіе грабежей и разбоевъ на С. Кавказѣ.

Вопросъ объ искорененіи грабежей и разбоевъ на С. Кавказѣ неоднократно обращалъ на себя вниманіе представителей правительственной власти этой окраины, но принимаемыя до сего мѣропріятія совершенно не достигали цѣли.

Суровыя репрессіи въ видѣ экзекуцій, постоевъ казаковъ въ аулахъ, штрафовъ, высылки такъ наз. порочныхъ членовъ неоднократно обрушивались на головы туземнаго населенія, но указанное зло не только не искоренялось, но съ теченіемъ времени принимало еще болѣе острый и значительный характеръ.

Обрушиваясь всей тяжестью, главнымъ образомъ, на мирныхъ жителей, разоряя и безъ того скудное хозяйство горца, эти мѣропріятія вели только къ тому, что увеличивали еще значительнѣе количество лицъ, которымъ уже больше было терять нечего и которыя легко покидали свои очаги и выходили на большую дорогу въ качествѣ профессіональныхъ грабителей.

Всякаго рода административныя мѣропріятія въ видѣ билетовъ, карауловъ, запрещенія имѣть хуторянамъ и овцеводамъ въ качествѣ объѣздчиковъ, приказчиковъ, сторожей-туземцевъ, выселеніе туземцевъ съ лѣваго берега Терека, созданіе смѣшанныхъ и примирительныхъ судовъ и т. д., всѣ эти средства являлись и являются или вредными для искорененія такъ назыв. преступности горцевъ или просто недѣйствительными.

Недугъ имѣетъ глубокій характеръ и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть излѣченнымъ административной рецептурой.

Должны быть оздоровлены источники заразы, а эти источники гнѣздятся въ административно-правовомъ бытѣ, экономическихъ и культурно-общественныхъ условіяхъ жизни горцевъ.

Но возвыситься до такого глубокаго пониманія сущности явленія краевая администрація не можетъ. Она блуждаетъ по поверхности и находитъ едино-спасающую мѣру въ принципѣ: *„тащить и не пущать“*, *„загонять куда Макаръ телятъ не гонялъ“*, *„гнуть въ бараній рогъ“*, *„обуздывать и пресѣкать“* и т. д.

Что это, именно, такъ, можно видѣть хотя бъ изъ нижеслѣдующаго документа, дающаго ясное представленіе о томъ, каковы взгляды, напр., терской администраціи на развитіе преступности среди горцевъ и каковыми средствами эту преступность администрація предполагаетъ ослабить:

„1903 года сент. 30-го дня, гор. Владикавказъ.

Въ виду письма командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа отъ 20-го того же сентября за № 3208 для обсужденія причинъ увеличенія за послѣднее время числа разбоевъ, грабежей и вообще преступленій противъ личной и имущественной безопасности и для изысканія мѣръ къ ихъ прекращенію, но въ предѣлахъ власти начальника области и командующаго войсками, была образована комиссія подъ председательствомъ *генералъ-лейтенанта Толстова* въ составѣ старшаго и младшаго помощниковъ начальника области генералъ-маіоровъ *Коцебу-Пилара* и *Писарева*; атамана Сунженскаго отдѣла генералъ-маіора *Суровецкаго*, начальника округовъ: Хасавъ-Юртовскаго, полковника *барона Менера*; Грозненскаго, подполковника *Попова*, и. д. Начальника Владикавказскаго Округа коллежскаго совѣтника *Васильтина*; владикавказскаго полицмейстера подполковника *Котляревскаго*; управляющаго Областной чертежной дѣйств. стат. совѣт. *Попова*, при дѣлопроизводителѣ канцеляріи подъесаулѣ *Диковѣ*.

Открывая засѣданіе, *г.-л. Толстовъ* прочиталъ упомянутое письмо командующаго войсками и просилъ каждаго изъ членовъ высказать свое мнѣніе о причинахъ усиленія преступленій за послѣднее время и мѣрахъ, въ предѣлахъ власти начальника обл. и командующаго войсками, которыя желательно было бы принять теперь же къ ихъ уничтоженію или хотя бъ сокращенію.

Резюмируя высказанное на совѣщаніи, причинами усиленія упомянутыхъ преступленій должно считать:

1. Отмѣну временнаго положенія 30 сентября 1894 г. объ удержаніи туземнаго населенія отъ хищничества и всякихъ насилій противъ лицъ не туземнаго происхожденія.

2. Большое число абрековъ, разсѣянныхъ по области.

3. Вліяніе агитаторовъ изъ Турціи, усиленное появленіе которыхъ особенно стало замѣтно въ послѣднее время, какъ въ Сунженскомъ отдѣлѣ, такъ и въ Грозненскомъ округѣ.

4. Неприменѣніе въ послѣднее время закона отъ 19-го ноября 1893 г. о ссылкѣ ското-конокрадовъ.

5. Легкость пріобрѣтенія партій усовершенствованнаго оружія въ предѣлахъ Россіи и усиленная доставка его въ область лицами неблагонадежными и не имѣющими права на торговлю оружіемъ, а также замѣтное усиленное стремленіе туземцевъ добывать усовершенствованное оружіе путемъ преступленій.

6. Нежелательный исходъ дѣлъ по оскорбленію Начальника 1-го участка Владикавказскаго округа капитана Степанова, по убійству начальника 2-го участка того же округа, капитана Высоцкаго, что несомнѣнно, повліяло на впечатлительное туземное населеніе и отразилось повышеніемъ числа неповиновеній и сопротивленій административной власти.

По мнѣнію большинства членовъ число преступленій за послѣднее время не увеличилось, а таковыя стали только болѣе дерзкими.

Изъ числа мѣръ, коими возможно въ нѣкоторой степени ослабить число преступленій, намѣчены:

1. Имѣть въ разныхъ мѣстахъ области *сыщиковъ*(!), хотя бъ въ такомъ числѣ и въ тѣхъ пунктахъ, какъ объ этомъ просилось начальникомъ области въ отзывѣ въ Главное Управленіе Казачьихъ войскъ отъ 1902 г., такъ какъ, принимая во вниманіе поголовное укрывательство преступниковъ въ туземной средѣ, администрація почти безсильна раскрывать преступленія.

2. Ввести въ области институтъ *урядниковъ*.

3. Ходатайствовать о скорѣйшемъ упраздненіи Терской постоянной милиціи, въ виду полной ея ненадежности, съ замѣной ея Терской постоянной стражей, на службу въ которую, благодаря улучшенному матеріальному положенію, будетъ итти болѣе благонадежный элементъ.

4. Улучшить матеріальное положеніе сельскихъ старшинъ, дабы имѣть въ лицѣ ихъ болѣе надежныхъ представителей русской власти и болѣе дорожащихъ своею службой, такъ какъ только этимъ путемъ и можно привлечь къ занятію этихъ должностей людей болѣе или менѣе нравственныхъ, пользующихся уваженіемъ населенія.

5. Преданіе *военному суду* примѣнять возможно *чаще*— во всѣхъ случаяхъ вооруженнаго грабежа и разбоя и при сопротивленіи властямъ.

6. *Ссылку на островъ Чеченъ* примѣнять также въ *болѣе широкихъ размѣрахъ*, такъ какъ туземцы боятся этого наказанія болѣе, чѣмъ ссылки въ Сибирь.

7. Принять мѣры къ предупрежденію ввоза въ предѣлы области партій оружія, путемъ подлежащаго сношенія съ желѣзнодорожной жандармскою полиціей о досмотрѣ подозрительныхъ товаровъ и товарныхъ грузовъ.

8. Въ экстренныхъ случаяхъ предоставить право начальникамъ округовъ и атаманамъ отдѣловъ выставлять жительскіе караулы по дорогамъ, но чтобы это тотчасъ же доносилось на утвержденіе начальника области.

9. Исходатайствовать разрѣшеніе пользоваться для поимки и преслѣдованія преступниковъ командами развѣдчиковъ и охотниковъ строевыхъ частей, расположенныхъ въ области.

10. Исходатайствовать право пользоваться войсками, для прикрытія при обыскахъ въ селеніяхъ, по соглашенію съ начальникомъ гарнизона, испрашивая на это разрѣшеніе командующаго войсками — шифрованными депешами, а не особыми мотивированными представленіями.

11. Просить о распространеніи на Терскую область: „общихъ указаній войскамъ и гражданскимъ властямъ при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ по охранѣ спокойствія и въ борьбѣ съ разбойниками въ Кавказскомъ краѣ на 1899 г.", утвержденныхъ Главноначальствующимъ и командующимъ войсками 25 февраля 1899 г.

12. Пользоваться возможно шире закономъ 19 ноября 1893 г. по точному его смыслу, не ограничивая примѣненій его только къ лицамъ, имѣющимъ нѣсколько недавнихъ судимостей (не менѣе двухъ), а и на всѣхъ порочныхъ лицъ, хотя бъ и оправданныхъ по суду по обвиненію въ ското и

конокрадствѣ, такъ какъ большей подозрительности, какъ преданіе суду трудно отыскать.

13. Принять мѣры къ обнаруженію и задержанію турецкихъ эмиссаровъ, для водворенія ихъ обратно въ Турцію.

14. Изложенное п.п. 1, 2 и 3 не во власти Командующаго войсками округа".

Изъ приведеннаго документа видно, какъ поверхностно смотрятъ административныя власти на то зло, которое приняло угрожающіе размѣры.

Ни причины развитія грабежей и разбоевъ не получили должнаго освѣщенія, ни тѣмъ болѣе не указаны дѣйствительныя средства къ искорененію или даже нѣкоторому ослабленію зла.

Кругозоръ лицъ, разрабатывавшихъ такой важный краевой вопросъ, оказался безгранично узкимъ.

Мы не говоримъ уже о соображеніяхъ вродѣ пункта 3, объ „*агитаторахъ изъ Турціи*", соображеніяхъ достойныхъ гоголевскихъ персонажей, которые также глубокомысленно старались увидѣть козни „англичанки" въ тѣхъ или иныхъ проявленіяхъ внутренней жизни страны.

Усиленіе репрессій, военные суды, ссылки на островъ Чечень, штрафы и т. п.—вотъ единственныя средства изъ кладовой административной мудрости.

А зло „все растетъ и растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ".

Мы не будемъ давать историческаго обзора всѣхъ репрессій, обрушивавшихся на головы туземцевъ, якобы съ цѣлью искорененія среди нихъ преступности, скажемъ только одно, что всѣ мѣры, предпринимавшіяся администраціей не только не достигали цѣли, но наоборотъ—онѣ экономически разоряли туземцевъ, нравственно ихъ деморализировали и вели къ вящему развитію преступныхъ наклонностей.

Убивалось систематически нравственное достоинство, оскорблялись святыни, развивали подхалимство, человѣкоугодничество, раболѣпіе, натравливали брата на брата, пробуждали корыстолюбіе...

Можно еще удивляться, какъ при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ горцы сохранили въ глубинѣ своей натуры массу первобытнаго благородства и нравственной чистоты.

А, кажется, что принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы убить въ нихъ эти качества, вооружить ихъ другъ противъ друга и сдѣлать край ареной еще неслыханныхъ кровавыхъ междуусобицъ.

Разберемъ хотя бы административныя мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ, а именно, *повальное обезоруженіе* горского населенія, выдѣленіе извѣстной суммы изъ сельскихъ общественныхъ суммъ для *вознагражденія доказчиковъ* и образованіе въ селеніяхъ, участкахъ и округахъ *круговой отвѣтственности такъ наз. порочныхъ лицъ.*

Разобравъ хотя бы эти три мѣропріятія и посмотрѣвъ, какія послѣдствія эти мѣропріятія могутъ имѣть, мы ясно покажемъ, что результатъ ихъ будетъ совершенно обратенъ цѣли искорененія или уменьшенія грабежей и разбоевъ.

Повальное обезоруженіе,—это мѣра, которая идетъ исключительно на руку разбойникамъ и грабителямъ.

Послѣдніе радуются тому, какъ мирные жители обрекаются имъ на жертву.

Не разсчитывая получить должнаго отпора со стороны обезоруженныхъ мирныхъ жителей грабители подымаютъ голову и чувствуютъ, что для ихъ преступной дѣятельности открывается самое широкое поле, особенно, когда начинаются полевыя работы и горцы вмѣстѣ съ рабочимъ скотомъ выѣзжаютъ въ поле: тогда разбой и угонъ скота становится особенно частымъ и легкимъ.

Отсюда понятна вся пагубность указаннаго мѣропріятія для хозяйственной жизни горцевъ и несостоятельность его въ качествѣ мѣры борьбы съ разбоемъ и грабежами.

Существованіе огнестрѣльнаго оружія у горцевъ,—это необходимость, диктуемая въ настоящее время всей совокупностью условій жизни горцевъ и главнымъ образомъ отсутствіемъ какой бы то ни было гарантіи личной и имущественной безопасности мирнаго горского населенія.

Въ виду того, что этой гарантіи администрація края горскому населенію предоставить и въ будущемъ не можетъ—повальное и поголовное обезоруженіе мирнаго горского населенія вредно во имя той же цѣли, которую оно преслѣдуетъ.

Другое мѣропріятіе администраціи края, заключающееся въ выдѣленіи изъ сельскихъ общественныхъ суммъ извѣстной суммы для *вознагражденія доказчиковъ*, которые добровольно доносили-бы на своихъ односельчанъ,—мы считаемъ также мѣропріятіемъ не только не достигающимъ какихъ бы то ни было благопріятныхъ результатовъ въ дѣлѣ борьбы съ такъ наз. преступностью горцевъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе вреднымъ.

Мы не говоримъ уже о томъ, что *развитіе шпіонажа*— это внесеніе моральнаго разврата въ населеніе. Принятая мѣра поведетъ къ усиленію преступности.

Горецъ, у котораго по доносу доказчика будетъ обнаружено ружье и который уплатитъ штрафъ и отбывъ наказаніе вернется къ своему разоренному пепелищу, въ доказчикѣ будетъ видѣть источникъ постигшаго его несчастья и на немъ начнетъ вымещать свою злобу.

Возможность ложныхъ доносовъ по злобѣ, всякаго рода кляузъ, которые и такъ разъѣдаютъ современную горскую жизнь отравятъ окончательно какое бы то ни было спокойное теченіе жизни сельскихъ обществъ и братоубійственная вражда пуститъ глубокіе корни среди горцевъ.

Институтъ доказчиковъ—не только не ослабитъ пресупности, но поведетъ къ еще большему ея развитію.

Въ томъ же направленіи несомнѣнно будетъ дѣйствовать и выдѣленіе порочныхъ членовъ въ селеніяхъ и круговая отвѣтственность этихъ членовъ.

Если до сихъ поръ воры и разбойники имѣли только тайную организацію не совершенную и случайную, то теперь они *получаютъ организацію открытую.*

Можно сказать, что болѣе оригинальнаго и страннаго явленія трудно подыскать, гдѣ бы то ни было. Власть предержащія лица стремятся придать ворамъ и разбойникамъ особую стройную организацію:—сначала кружокъ сельскихъ воровъ, затѣмъ участковые воры и, наконецъ, окружные и всѣ они представляютъ одну цѣпь связанную общей круговой отвѣтственностью. Какое то государство въ государствѣ.

Сначала отвѣтственны за преступленія, совершенныя на юртовой землѣ того или иного общества, порочные члены этого общества, затѣмъ, если они оказываются не въ состо-

янія возмѣстить матеріальнаго ущерба, то порочныя лица участка, и наконецъ, округа.

Организаціи мирныхъ жителей — противопоставляется организація воровъ.

Если эта мѣра въ лучшемъ случаѣ, на что также совершенно нельзя разсчитывать, сдержитъ „порочныхъ“ членовъ отъ кражъ и грабежей, такъ сказать, у себя дома, то она несомнѣнно усилитъ особенно опасные грабежи и разбои на большой дорогѣ, угонъ скота у сосѣднихъ племенъ, у казачьяго и русскаго населенія, а при существованіи слѣдоводительства усилитъ количество ложныхъ слѣдовъ. За воровство и грабежи будутъ платиться ни въ чемъ неповинные люди, которые въ свою очередь начнутъ грабить и заниматься разбоемъ.

Мы уже не говоримъ, что круговая отвѣтственность за преступленіе, это явленіе свойственное далекому историческому прошлому, грубымъ временамъ средневѣковья, а не двадцатому вѣку.

Какъ относится само туземное населеніе къ принимаемымъ администраціей мѣропріятіямъ можно судить хотя-бы по нижеслѣдующей докладной запискѣ, поданной представителями осетинскихъ сельскихъ обществъ Начальнику Терской об. *генералъ-лейтенанту Михееву* въ мартѣ 1910 г.

Мы приводимъ этотъ интересный документъ цѣликомъ, оставляя за собой право отмѣтить въ дальнѣйшемъ его нѣкоторыя особенности:

„Его Превосходительству Начальнику Терской области.

Уполномоченныхъ осетинскихъ селеній: Карджинъ, 1) *Генералъ-лейтенанта* Ипала Тегоевича *Кусова;* Ардонъ, 2) Андрея Николаевича *Айдарова,* 3) Ханджери Дзапхотовича *Хоранова.* Ольгинское, 4) *Генералъ-маіора* Павла Эльзаруковича *Дзахсорова,* 5) Захарія *Баева;* Бесланъ, 6) Александра *Гутіева,* 7) Матвѣя *Торчинова;* Эльхотово, 8) *Генералъ-маіора* Александра Михайловича *Борукаева,* 9) Ахперди *Козырева;* Шанаево, 10) *Полковника* Индриса *Ша-*

наева; Даргъ-Кохъ, 11) Табо *Габисова*, 12) Михаила *Бѣликова;* Кадгаронъ, 13) *Полковника* Семена Георгіевича *Татарова*, 14) Темирболота *Басіева;* Гизель, 15) Бориса *Зугутова*, 16) Татаркана *Даурова;* Батако-юртъ, 17) Іосифа Петровича *Бигаева:* Христіанское, 18) Николая *Еликоева*, 19) Андрея *Калоева*, 20) помощника присяжнаго повѣреннаго Ивана Харитоновича *Цаголова*, и др.

Докладная Записка.

Пользуясь разрѣшеніемъ Вашего Превосходительства мы, какъ близко стоящіе къ народной массѣ, выскажемъ свое мнѣніе о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приведетъ послѣднее распоряженіе о выдачѣ оружія и объ ассигнованіи общественныхъ суммъ на доказчиковъ и о примирительныхъ судахъ, принятыхъ Грозненскимъ Съѣздомъ.

Что касается до вознагражденія доказчиковъ, то мѣра эта во-первыхъ ни къ чему хорошему не приведетъ и только внесетъ разложеніе въ среду населенія, развратитъ его и, если принесетъ пользу, то только отбросамъ населенія, „порочнымъ членамъ“, противъ которыхъ и должны бы быть выработаны способы борьбы.

Пойдутъ симуляціи, начнутъ подкидывать въ чужіе дворы оружіе съ цѣлью получить вознагражденіе и въ итогѣ вознагражденіе будетъ даваться людямъ, которыхъ слѣдуетъ не вознаграждать, а карать за ихъ поступки.

Страдать будутъ ни въ чемъ неповинные люди. Кромѣ того никто не будетъ знать, кто подкинулъ ему оружіе и донесъ на него, такъ какъ вознагражденіе будетъ выдаваться тайно.

Подозрѣніе будетъ падать на лицъ ни въ чемъ неповинныхъ и потерпѣвшіе, въ концѣ концовъ, будутъ стараться отомстить тѣмъ на кого падетъ ихъ подозрѣніе и это вызоветъ антогонизмъ среди населенія.

Таковъ способъ, которымъ предполагается обезоружить населеніе. Но и само обезоруженіе не имѣетъ никакого смысла. Оно не можетъ коснуться лицъ порочныхъ, ибо по-

слѣдніе всегда найдутъ способъ скрыть свое оружіе и пользоваться имъ во время разбоевъ и грабежей, когда оно имъ нужно.

Обезоружить же трудовую массу дѣйствительно удастся, такъ какъ оно пользуется оружіемъ во время поѣздокъ и на полевыхъ работахъ открыто. Но нѣтъ основанія обезоруживать трудовую массу, когда разбойники остаются вооруженными съ ногъ до головы.

Логично ли будетъ трудовое населеніе лишить послѣдней защиты отъ разбойниковъ и тѣмъ отдать его въ руки послѣднихъ.

Администрація не можетъ дать населенію никакой гарантіи ни личной, ни имущественной безопасности. Правильно-ль отнимать у него и единственный способъ защиты?

Само населеніе лучше чѣмъ кто либо сознало, что оружіе приноситъ ему огромный вредъ, что оно причина убійствъ, что убійства сократились бы по крайней мѣрѣ наполовину, если бы въ его рукахъ не было оружія, но отказаться отъ оружія при настоящихъ условіяхъ, когда оно является единственнымъ способомъ защиты, нѣтъ никакой возможности.

Наступитъ рабочая пора, все трудовое населеніе должно будетъ выѣхать въ поле.

Въ этотъ періодъ обычно усиливаются и грабежи и разбои и лишить трудовую массу оружія, значитъ заставить ее отказаться отъ полевыхъ работъ. Нѣтъ силъ у администраціи оградить населеніе отъ разбоевъ, а потому должно быть предоставлено самому населенію право защищаться.

Единственной мѣрой, которую администрація приняла для охраны населенія было учрежденіе милиціи, которая никакой пользы не принесла.

Милиціонеры не только не охраняютъ отъ разбоевъ, но бывали случаи и при томъ слишкомъ часто, когда обвиненіе въ грабежахъ или въ укрывательствѣ разбойниковъ предъявлялось самимъ милиціонерамъ.

Да что можно было ожидать отъ милиціонеровъ, которымъ назначается самое ничтожное жалованье. На жалованье милиціонера не одинъ порядочный хозяинъ не пойдетъ служить, а потому милиція заполнилась отбросами на-

селенія, которые свое скудное жалованье увеличивають разными способами.

Итакъ, милиція не достигаетъ желанной цѣли, а потому слѣдовало бы *деньги отпускаемые на милицію предоставить въ распоряженіе самого населенія и ему же предоставить право организовать охрану.*

Населеніе можетъ, обложивъ себя, увеличить средства для охраны, назначить жалованье, на которое могли бы поступать люди, которые не станутъ побочными доходами увеличивать свое содержаніе.

Само же населеніе будетъ выбирать лицъ въ охрану, провѣрять ихъ дѣйствія и удалять тѣхъ которые окажутся непригодными.

Охрана эта должна будетъ отвѣчать круговою порукою за разбой, грабежи и воровство передъ потерпѣвшими.

Никакой пользы не принесутъ для населенія и учрежденные Грозненскимъ Съѣздомъ „Примирительные суды“

Правила этого суда намѣренно создаютъ изъ порочныхъ лицъ особую касту, которая будетъ отвѣчать круговой порукой.

Можетъ случиться, что воровство совершено кѣмъ либо не попавшимъ въ списокъ и тогда будутъ отвѣчать попавшіе въ проскрипціонные списки.

Но, если бы даже перестали воровать всѣ тѣ, которые не попадутъ въ проскрипціонные списки и тогда созданіе особой касты порочныхъ лицъ не можетъ быть оправдано.

Азбука уголовнаго права гласитъ: „всякое дѣеспособное лицо отвѣчаетъ само за совершенное имъ преступленіе“. Наука уголовнаго права давнымъ давно отвергла круговую отвѣтственность за преступленіе и воскрешать ее въ 20-мъ вѣкѣ, едва ли можетъ имѣть смыслъ. Да, наконецъ, создать касту воровъ и разбойниковъ значитъ заставить ихъ сплотиться, ибо общіе интересы невольно свяжутъ ихъ, а это едва ли выгодно для трудовой массы населенія.

Итакъ, кромѣ зла, никакой пользы не можетъ принести *созданіе обособленной касты воровъ.*

Уже и теперь въ самомъ же началѣ составленія проскрипціонныхъ списковъ замѣтно, что въ эти списки не попадаютъ главари воровъ, а въ большинствѣ случаевъ фигурируютъ мальчики, провинившіеся въ чемъ либо, или слу-

чайно попавшіе въ штрафныя книги. Попавшемуся же въ проскрипціонные списки необходимо во что-бы то ни стало воровать, если даже онъ раньше и не воровалъ, такъ какъ онъ, попавъ въ списокъ будетъ числиться въ немъ три года, какого-бы онъ поведенія не былъ. Будетъ ли онъ воровать или нѣтъ, а онъ будетъ нести денежную отвѣтственность за другихъ воровъ.

И онъ невольно будетъ разсуждать, что ужъ лучше воровать и такъ нести отвѣтственность, чѣмъ невинно страдать.

Да, если-бы даже имѣло смыслъ созданіе касты порочныхъ лицъ и если бы можно было въ списки внести всѣхъ порочныхъ и только однихъ порочныхъ лицъ и тогда вѣдь у послѣднихъ будетъ возможность перекочевывать изъ одного округа въ другой и тамъ скрываться. Нужно сдѣлать такъ, чтобы одинъ округъ не могъ быть притономъ для порочныхъ лицъ другого округа, что едва ли осуществимо.

Итакъ ни обезоруженіе, ни примирительные суды не уменьшатъ разбоевъ и грабежей.

Всѣ эти мѣры уже нѣсколько десятковъ лѣтъ примѣнялись въ различныхъ формахъ и никогда не приводили къ желательнымъ результатамъ. Слѣдуетъ вспомнить „плату за слѣды“, экзекуціи съ цѣлью обезоруживанья, выдачу порочныхъ лицъ и смѣшанные суды, чтобы съ увѣренностью сказать, что всѣ мѣры безполезны. Какъ быстро хваталась за нихъ администрація, также быстро она отмѣняла ихъ, видя полную безполезность. Время бы схоронить ихъ, но у администраціи нѣтъ никакихъ иныхъ средствъ. Администрація не можетъ найти никакихъ средствъ борьбы съ грабежами и разбоемъ, ибо она *не знакома съ народною жизнью.*

Въ большинствѣ случаевъ на мѣста начальниковъ участковъ назначаются люди совершенно не знакомые ни съ бытомъ, ни съ правами того народа, управлять которымъ ихъ призвали.

Ясно, что если бы они даже и желали помочь народу, они не въ силахъ были бы сдѣлать это, ибо нельзя исцѣлить болѣзни, съ процессомъ развитія которой не знакомъ.

Вся наша администрація безпомощна, а между тѣмъ, среди *самихъ осетинъ есть лица,* какъ на военной, такъ

и на гражданской службѣ, *которымъ смѣло можно было бы довѣрить управленіе народомъ.*

Они хорошо знакомы съ бытомъ, нравами и жизнью народа: испытавшіе сами на себѣ невзгоды народной жизни, могли бы съ успѣхомъ управлять народомъ.

Не довѣрять же осетинамъ управленіе народомъ нѣтъ причинъ. Осетины ничѣмъ не заслужили недовѣрія.

Добровольно присоединившись еще при Екатеринѣ Великой осетины всегда вѣрой и правдой служили въ русскомъ государствѣ. Общевоинская повинность, столѣтняя служба въ арміи на всѣхъ почти театрахъ войны, довольно значительная интеллигенція на военной, гражданской и общественной службѣ говорятъ сами за себя. Разъ осетины умѣютъ вѣрой и правдой служить среди русскихъ, нужно надѣятся они съумѣютъ также служить и среди своихъ осетинъ.

Населеніе съ благодарностью вспоминаетъ администраторовъ 40, 50, 60 и 70 годовъ, когда *администрація по всѣмъ вопросамъ, касающимся жизни горцевъ, выслушивала его мнѣніе. Ничего не дѣлалось безъ того, чтобы предварительно не посовѣтоваться съ самимъ народомъ.* Словомъ тогда шла дружная работа администраціи совмѣстно съ народомъ и были довольны обѣ стороны.

Горцамъ въ то время былъ открытъ доступъ на всѣ должности, ихъ предпочитали лицамъ другихъ національностей, какъ людей знакомыхъ съ жизнью народа. Необходимо итти по примѣру тѣхъ временъ и снова привлечь во Владикавказскій округъ осетинъ, какъ на мѣста начальниковъ участковъ, такъ и помощника начальника округа.

Что же касается до старшинъ, то во многія селенія стали опять командировать старшинъ по назначенію, а вѣдь уже опытъ прошлыхъ лѣтъ показалъ непригодность назначаемыхъ старшинъ.

Намъ, кажется, было бы полезно время, на которое избирается старшина, сократить до 1 года съ тѣмъ, чтобы потомъ его опять баллотировать, тогда каждый изъ нихъ будетъ болѣе добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ, боясь неблагопріятнаго исхода слѣдующей баллотировки.

Необходимо имѣть *представителей отъ осетинъ и въ Областномъ Правленіи,* хотя-бы въ тѣхъ случаяхъ, когда разрѣшаются вопросы, касающіеся интересовъ горцевъ, теперь же вопросы разрѣшаются людьми совершенно незнакомыми съ жизнью народа и почти всегда разрѣшаются ошибочно, чѣму бы не было мѣста, если-бы присутствовалъ при разрѣшеніи этихъ вопросовъ представитель народа, знакомый, какъ съ государственными законами, такъ и съ условіями народной жизни.

Уже одно то, что Вы, Ваше Превосходительство, пожелали выслушать голосъ народныхъ представителей, подало намъ надежду, что можетъ настанетъ благодатное время 40, 50, 60, и 70 годовъ, когда всѣ вопросы разрѣшались *администарацiей съ народомъ совмѣстно.*

Было бы въ высшей степени полезно для нашей области созывать окружные съѣзды по нѣсколько разъ въ годъ и хотя бъ ежегодные областные съѣзды съ представителями городовъ и національностей и нужно надѣяться на этихъ съѣздахъ, представители общества скорѣе сумѣютъ найти средства, которыя помогутъ хотя бъ уменьшить разбои и грабежи. Накопилось слишкомъ много вопросовъ, которые могутъ получить свое разрѣшеніе только на этихъ собраніяхъ.

Населеніе все бѣднѣетъ, а между тѣмъ, подати увеличиваются.

Въ этомъ году оброчная подать увеличилась почти вдвое и населеніе еще больше обѣднѣетъ и тѣмъ самымъ увеличится преступность, ибо установлено, что съ обнищаніемъ населенія увеличивается и преступность.

Кромѣ того, съ населенія ежегодно взыскиваются сборы и при томъ довольно крупные на содержаніе земскихъ тросокъ, на медицинскую и ветеринарную часть и на содержаніе телефона.

Наконецъ, въ Осетіи было собрано болѣе 40,000 руб. на телефонное сообщеніе и по сіе время нѣтъ отчета израсходованы ли эти суммы или же остался какой-либо остатокъ. Во всякомъ случаѣ населеніе должно знать, куда дѣлись деньги, собранныя съ него, а потому необходимо *назначить ревизію денежныхъ суммъ,* собранныхъ во Владикавказскомъ округѣ.

Въ виду изложеннаго, собраніе представителей осетинскихъ селъ покорнѣйше проситъ Ваше Превосходительство: *1) отмѣнить предписаніе объ обезоруженіи населенія и о выдачѣ денежныхъ суммъ на доказчиковъ и оставить населенію оружіе*, *единственный способъ его защиты; 2) уничтожить* во Владикавказскомъ округѣ *примирительный судъ;* 3) *упразднить милицію* и предоставить *средства*, опускаемыя на милицію, въ распоряженіе народа *для организаціи охраны*; 4) назначить во Владикавказскомъ округѣ на мѣста Начальниковъ участковъ, помощника начальника округа, а *также представительство въ Областномъ Правленіи изъ самихъ же осетинъ*; 5) сдѣлать распоряженіе объ уменьшеніи оброчной подати въ Осетіи и 6) о немедленной *ревизіи денежныхъ суммъ* во Владикавказскомъ округѣ съ тѣмъ, чтобы въ ревизіонную комиссію вошли *представители осетинскаго народа по выбору.*"

Настоящая докладная записка, поданная депутатами осетинскихъ селъ представляетъ несомнѣнно громадный интересъ. Уже одинъ составъ представителей довольно любопытное явленіе. Въ число представителей входятъ *генералъ-лейтенантъ Кусовъ, генералъ-маіоръ Дзахсоговъ, генералъ-маіоръ Борукаевъ*, *полковникъ Шанаевъ, полковникъ Татаровъ* и т. д. лица во всякомъ случаѣ въ теченіе десятковъ лѣтъ, зарекомендовавшія себя преданностью, какъ говорятъ „царю и отечеству", несомнѣнно сторонники русской государственности и русскихъ началъ жизни среди инородцевъ, не какіе либо „безпочвенные" „верхогляды", „крамольники", „сепаратисты„—даже и эти лица должны были вынести свой суровый приговоръ по адресу разнаго рода административныхъ экспериментовъ надъ несчастнымъ туземнымъ населеніемъ.

Но, если критика цѣлесообразности административныхъ мѣропріятій для искорененія грабежей и разбоевъ является наиболѣе сильнымъ мѣстомъ докладной записки, то все же сама записка не лишена нѣкоторыхъ дефектовъ и изъ нихъ самый главный это тотъ, что *полумѣрами* мыслима, какая либо серьезная борьба съ тѣмъ зломъ, которое уже пустило глубокіе корни. Мало того эти полумѣры носятъ тотъ же административный характеръ.

Возможно, что авторы докладной записки хотѣлъ ограничить вопросъ только предѣлами компетенціи начальника

области, но тогда необходимо было бы это подчеркнуть, дабы не создавать иллюзіи, будто мыслима борьба съ указаннымъ недугомъ *безъ коренныхъ и радикальныхъ реформъ въ краѣ.*

И средствъ борьбы, которыя авторы рекомендуютъ провести немедленно въ исполненіе это два: 1, охрана, находящаяся въ рукахъ народа, 2, замѣна начальниковъ участка-осетинами, осетинъ же долженъ быть помощникомъ начальника округа, должно быть и представительство въ Областномъ Правленіи отъ осетинъ.

Это несомнѣнно мѣропріятія цѣлесообразныя и эти мѣропріятія не только были бы хороши для осетинъ, но и для другихъ народностей. Не только осетины, но и кабардинцы, чеченцы и ингуши и др. племена—всѣ они уже на столько прочно вошли въ составъ государства россійскаго, не только формально, но и морально, что стремиться держать ихъ въ исключительномъ положеніи могутъ только лица, которымъ выгодно ловить рыбу въ мутной водѣ краевыхъ неурядицъ и неустройства.

Но вотъ иллюзія начинается, именно, здѣсь, когда питается надежда, что лица, которымъ краевыя неурядицы приносятъ матеріальную выгоду, даютъ возможность разнаго рода „походами" дешево пожинать лавры и увѣнчивать свои головы побѣдными вѣнками, вдругъ честно и безкорыстно сознаются въ своемъ безсиліи.

Единственный выходъ изъ создавшагося положенія вещей — это всесторонняя разработка вопросовъ краевой жизни и обращеніе къ общественному мнѣнію страны. *Если русское общественное мнѣніе интересовалось армянскимъ, македонскимъ, албанскимъ и всякими иными вопросами, то можно разсчитывать, что оно заинтересуется и горскимъ вопросомъ, что оно обратитъ вниманіе и на то, что происходитъ у него тутъ же подъ бокомъ.*

И, если русское общество узнаетъ хоть десятую долю того, что творится въ глухихъ ущельяхъ кавказскихъ горъ, оно врядъ ли сможетъ остаться равнодушнымъ. И, хотя вопросы политики рѣшаются не моральными сентенціями, но все же только при сочувствіи русскаго общественнаго мнѣнія мыслимо хоть нѣкоторое облегченіе того тяжелаго положенія, въ которомъ находятся горцы Кавказа.

II.

Въ трехъ основныхъ реформахъ, коренныхъ, нуждается край,—безъ нихъ богатѣйшій уголокъ государства россійскаго будетъ всегда ареной кровавыхъ междуусобицъ, будетъ всегда страдать всяческими нестроеніями и неурядицами. Это -коренная реформа административнаго механизма, введеніе широкаго, построеннаго на демократическихъ началахъ земскаго самоуправленія и введеніе суда присяжныхъ.

Механизмъ современнаго административнаго управленія, хотя бы, напр., въ Терской области,—это есть механизмъ организованнаго недовѣрія по отношенію къ горскому населенію.

Это управленіе носитъ узко-сословно-казачій характеръ [1]: $^1/_{10}$ казачьяго населенія поставлена въ исключительно привилегированное положеніе по отношенію къ $^9/_{10}$ не казачьяго населенія.

Правда, заслуги казачества въ дѣлѣ покоренія Кавказа велики, но не менѣе велики, а можно сказать еще больше въ этомъ отношеніи заслуги сѣраго русскаго солдата.

Но, какъ бы тамъ ни было, предоставленіе теперь казачеству привилегированнаго положенія, - это уже несправедливость явно бросающаяся въ глаза и извѣстнымъ образомъ, нежелательно даже съ точки зрѣнія русской государственности, отражающаяся на психикѣ горцевъ.

Въ силу этой основной, явной несправедливости, понятной каждому горцу, всѣ мѣропріятія администраціи принимаютъ въ глазахъ горцевъ одинъ и тотъ же цвѣтъ.

И мы не преувеличимъ, если скажемъ твердо и опредѣленно:

Въ существованіи узко-сословно-казачьяго управленія горскимъ населеніемъ нужно искать, внѣ зависимости отъ той или иной цѣлесообразности, основу моральнаго краха, а вмѣстѣ съ нимъ и краха фактическаго, всѣхъ мѣропріятій краевой администраціи.

Мы уже говорили о самомъ составѣ администраціи, особенно низшей, о полномъ незнакомствѣ ея съ правами,

---

[1]) См. ст. *„Бюрократія и горцы."*

бытомъ и особенностями туземнаго населенія, о неумѣніи подойти къ населенію по самымъ пустяшнымъ вопросамъ, о незнаніи этой администраціей туземныхъ языковъ, а слѣдовательно и господствѣ во всемъ административномъ механизмѣ института переводчиковъ—этой язвы общественно-правовой жизни.

Можетъ ли подобнаго рода административный механизмъ имѣть хоть подобіе правильнаго отправленія своихъ функцій и какова роль его можетъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится бороться съ недугами, пустившими глубокіе корни?

Кромѣ отрицательной,—иной роли подобный механизмъ имѣть не можетъ.

Слѣдовательно—необходимо совершенное уничтоженіе узко-сословно-казачьяго управленія и введеніе общеимперскаго гражданскаго управленія въ областяхъ.

Несостоятельность узко-сословнаго-казачьяго управленія станетъ для насъ еще болѣе ясной, если мы вспомнимъ историческіе итоги казачьяго управленія въ области удовлетворенія экономическихъ и общественно-культурныхъ потребностей горскаго населенія.[1])

А между тѣмъ, какъ мы видѣли, горцы переживаютъ особенно тяжелое время такъ называемаго хозяйственнаго кризиса, сопровождающееся всегда самыми болѣзненными явленіями въ жизни народа.

И, если хозяйственный кризисъ гонитъ часть туземцевъ изъ родныхъ гнѣздъ на отхожіе промыслы въ Россію и заграницу, горцы Кавказа доходятъ теперь до Америки, Африки и даже Австраліи,—то тотъ же хозяйственный кризисъ многіе неустойчивые элементы горскаго населенія толкаетъ на мѣстѣ родины на путь ночныхъ предпріятій и грабительскихъ похожденій.

Отсутствіе кустарныхъ промысловъ и гибель тѣхъ, которые уже въ зачаточномъ состояніи существовали среди горцевъ, неумѣніе использовать собственными средствами природныя богатства края все это еще болѣе способствуетъ указанному явленію. А если принять во вниманіе, что это

[1]) См. статью *„Бюрократія и горцы"*.

происходить на фонѣ малоземелья и обнищанія горскаго хозяйства отъ непосильныхъ налоговъ и платежей, то картина положенія горцевъ должна получиться еще болѣе безотрадной.

Современная наука о преступности ясно констатируетъ намъ, что тяжелыя хозяйственныя неурядицы ведутъ къ крайнему развитію преступности.

Слѣдовательно, исходя хотя бы изъ той же необходимости борьбы съ разбоями и грабежами, можно прійти къ выводу, *что поднятіе производительныхъ силъ края*,—это одна изъ самыхъ насущнѣйшихъ задачъ, а это поднятіе мыслимо только путемъ введенія земскихъ учрежденій въ области.

Введеніе земскихъ учрежденій—это вторая реформа, отъ которой зависитъ будущность края.

Далѣе, слѣдующимъ насущнымъ вопросомъ краевой жизни является вопросъ о введеніи суда присяжныхъ. Современный судъ на Кавказѣ является только источникомъ деморализаціи туземнаго населенія. Судъ долженъ быть близкимъ къ населенію и долженъ возбуждать къ себѣ довѣріе.

Ничего подобнаго тамъ не замѣчается. Если вообще организація суда въ современномъ государствѣ является орудіемъ политическаго воздѣйствія въ рукахъ господствующаго или господствующихъ классовъ, то организація суда на Кавказѣ явно идетъ къ тому же еще въ разрѣзъ съ національно-культурными особенностями населенія.

Среди горского населенія дѣйствуютъ еще, такъ называемые, горскіе словесные суды—правильнѣе просто административные суды—это допотопныя отжившія свой вѣкъ учрежденія, организація которыхъ находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ принципами, которые должны лежать въ основѣ института, претендующаго на званіе судебно-правового. *)

Если прибавить ко всему этому незнаніе судьями и слѣдователями мѣстныхъ языковъ и пользованіе въ силу этого услугами малограмотныхъ, недобросовѣстныхъ, продажныхъ переводчиковъ,—то картина станетъ еще рельефнѣе. Нерѣдко судъ обращается въ какую то сплошную комедію,

[1]) См. *„Утро Горъ“* 1910 г. ст. *Б. К. Далгата* „О Горско-Словесномъ Судѣ“. *Г. Далгатъ* даетъ обстоятельную критику этого архаическаго института.

гдѣ никто никого не понимаетъ, процессъ идетъ въ потемкахъ, свидѣтели путаются, а судьи безпомощно стремятся распутать запутавшійся клубокъ слѣдственнаго и судебнаго матеріала. Ни у судей, ни у подсудимыхъ, ни у защитниковъ нѣтъ вѣры въ судъ.

Отсутствіе уваженія къ суду и привело къ тому, что лжесвидѣтельство стало одной изъ язвъ края, пустившей наиболѣе глубокіе корни.

Въ свою очередь, сложившееся у судей убѣжденіе о лжесвидѣтельствѣ горцевъ, придаетъ всѣмъ рѣшеніямъ суда заранѣе опредѣленное направленіе—создается заколдованный кругъ изъ котораго можно выйти только однимъ способомъ —*введеніемъ суда присяжныхъ* и организаціей суда на Кавказѣ вообще примѣнительно къ особенностямъ туземнаго населенія, выборностью судей, хотя бы мировыхъ, знаніемъ судьями языковъ мѣстнаго населенія, обычнаго права и т. д.

Упроченіе правосознанія среди туземнаго населенія путемъ *правильной организаціи судебныхъ учрежденій на Кавказѣ въ строгомъ соотвѣтствіи этой организаціи съ національно-культурными и бытовыми особенностями туземнаго населенія,—вотъ необходимая третья коренная реформа.*

Конечно, необходимъ и рядъ другихъ реформъ: земельная и др., но и указанныя нами выше реформы требуютъ самаго всесторонняго и широкаго разсмотрѣнія, онѣ однѣ уже въ состояніи поглотить массу энергіи, труда и силъ.

Передъ краемъ стоятъ эти вопросы— грознымъ призракомъ memento mori! — внѣ разрѣшенія этихъ вопросовъ немыслимо никакое развитіе края, никакое дѣйствительно-культурное его преуспѣяніе.

Нужно преодолѣть всѣ преграды, стоящія на пути осуществленія этихъ реформъ какихъ бы то усилій это не потребовало.

Но можетъ быть всѣ усилія безполезны, такъ какъ „*невѣжественное*“, „*дикое*“, „*темное*“ туземное населеніе стоитъ несокрушимой преградой на пути осуществленія этихъ реформъ.

Мы протестуемъ противъ этого самымъ рѣшительнымъ образомъ и думаемъ, что лица, ссылающіяся на якобы „дикость“ туземнаго населенія или являются жертвой слѣпого

заблужденія или же это тѣ лица, которымъ современное положеніе вещей даетъ широкія перспективы для всякаго рода личныхъ выгодъ.

Если, какъ говорятъ, по общефилософскому положенію „бытіе опредѣляетъ мышленіе", то въ области краевой политики это правило принимаетъ сугубое значеніе.

III.

Общественная самодѣятельность всегда лежала въ основѣ жизни горцевъ и, не говоря уже о современныхъ горцахъ, тѣ или другіе историки горскихъ народовъ всегда отмѣчали въ горцахъ извѣстный культурный уровень [1]), дававшій возможность горцамъ творить политику своего края.

Одинъ изслѣдователь, описывая напр. черкесовъ еще въ 40-хъ годахъ 19-го столѣтія говорилъ: „*впрочемъ черкесы довольно развиты въ умственномъ отношеніи, къ чему способствуетъ политическое ихъ устройство.* Въ народѣ не имѣющемъ надъ собой никакихъ властей, каждый долженъ заботиться о себѣ и объ общественной пользѣ, заводить связи и употреблять силу слова для огражденія своихъ интересовъ. Это общественное положеніе производитъ навыкъ въ народѣ къ политикѣ своего края, изощряетъ умственныя способности, развиваетъ предусмотрительность и пріучаетъ къ ораторскому искусству особенно необходимому въ народныхъ собраніяхъ.

И, дѣйствительно, среди черкесовъ есть много людей, говорящихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ длинныя рѣчи, замѣчательныя по составу, логическому порядку выводовъ и силѣ убѣжденій." [2])

Тотъ же изслѣдователь говоритъ (стр. 544). „Въ 1847 г. черкесскія племена, живущія на сѣверной сторонѣ Кавказскаго хребта, согласились между собою *предоставить народному собранію власть надъ народомъ и ввести у себя то, чего у*

---

[1]) О культурномъ уровнѣ горцевъ можно судить см. также нашу ст. „*Страничка прошлаго*".

[2]) „Русск. Вѣст." т. XXVIII стр. 536. *Николай Карлгофъ.* О политич. устр. черкес. племенъ населяющ. сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря.

нихъ не достаетъ для установленія единства и порядка, а, именно, учредить администрацію и земскую полицію. Для выполненія этого намѣренія, они положили принять слѣдующія мѣры.

1. Признать постановленія народнаго собранія обязательными для всѣхъ обществъ и принуждать силой къ повиновенію тѣ изъ нихъ, которыя будутъ уклоняться отъ исполненія его повелѣній.

2. Для доставленія народному собранію матеріальныхъ средствъ къ тому, чтобы постановленія его уважались, образовать и отдать въ его распоряженіе постоянное ополченіе, на содержаніи народа.

3. Раздѣлить народъ на общины, каждую по 100 дворовъ и поручить управленіе общинами избраннымъ ими старшинамъ, которыхъ обязать присягой исполнять распоряженія народнаго собранія и представлять ослушниковъ и преступниковъ на его судъ. Для поддержанія власти старшинъ назначить въ распоряженіе ихъ нѣкоторое число мутазаговъ.

Честь этихъ разумныхъ постановленій принадлежала твохотлямъ (свободное, среднее сословіе). Постоянное ополченіе набиралось и располагалось отрядами на избранныхъ мѣстахъ.

Жителей ближайшихъ къ нашимъ укрѣпленіямъ Анапѣ и Новороссійску и жителей прибрежной полосы, которые не соглашались ввести у себя новый порядокъ, принудили къ тому силой."

Еще болѣе характернымъ является слѣдующій историческій фактъ, ясно показывающій на какой высокой ступени политическаго сознанія были горцы и какую широкую общественную организацію они могли создать, если-бъ имъ не воспрепятствовали въ этомъ неблагопріятныя историческія условія:

„13 іюня 1861 года всѣ черкесы собрались на совѣтъ; они единогласно рѣшили учредить чрезвычайный союзъ и сохранять въ странѣ внутренній порядокъ. Для управленія союзомъ былъ учрежденъ меджлисъ изъ 15 улемовъ и свѣдущихъ людей; этому меджлису дано было названіе *Великаго свободнаго засѣданія. Меджлисъ прежде всего раздѣлилъ весь край на 12 округовъ, въ каждый изъ нихъ былъ опредѣленъ*

муфтій, кадій и мухтаръ. Не довольствуясь упрежденной внутренней организаціей, убыхи искали помощи у Турціи и Англіи. Они обратились съ жалобой къ великобританскому консулу въ Сухумѣ Диксону, прося довести до свѣдѣнія англійскаго правительства о посягательствѣ на ихъ независимость со стороны русскихъ войскъ въ то именно время, когда, по ихъ словамъ, *Великій меджлисъ вольности черкесовъ, управляя краемъ, всегда соотвѣтствовалъ своему назначенію.* Они жаловались, что для насильственнаго покоренія черкесовъ назначенъ генералъ Евдокимовъ, который окружилъ ихъ край со всѣхъ сторонъ.

Появленіе войскъ Евдокимова у подошвы главнаго хребта, въ двухъ переходахъ отъ убыхской земли, дало поводъ къ чрезвычайному засѣданію меджлиса.

Черкесы постановили: отправить посольство въ Константинополь, Парижъ и Лондонъ съ просьбой о заступничествѣ; на покрытіе расходовъ посольства наложить денежный сборъ на все народонаселеніе отъ Туапсе до Адлера по 50 коп. съ дыма, обнародовать призывъ къ священной войнѣ; отправить въ землю абадзеховъ нѣсколько тысячъ ополченія; принудить къ такому же содѣйствію джигетовъ, которые подъ вліяніемъ князя Решида Геча оставались холодными къ призыву.

Постановленія меджлиса были приведены въ исполненіе.

Посольство къ иностраннымъ державамъ снабдили деньгами и отправили въ Константинополь. Во главѣ посольства находился Измаилъ-Баркай-ипа-Дзяишь, который присвоилъ себѣ исключительную роль дипломата и разыгрывалъ ее довольно удачно, дѣйствуя на воображеніе горцевъ грамотами. На помощь абадзехамъ были отправлены до 5 тысячъ убыховъ. [1])

Я думаю, что приведенный мной историческій документъ краснорѣчиво говоритъ всѣмъ тѣмъ, кто старается представить горское населеніе, какъ сплошную дикую массу, о полной ошибочности подобнаго рода взгляда.

Но послушаемъ еще, что свидѣтельствуетъ административное лицо въ теченіе многихъ лѣтъ, соприкасавшееся съ горскимъ населеніемъ.

---

[1]) Историч. записка объ управл. Кавказомъ, сост. *Эсадзе,* т. I стр. 94.

Вспоминая объ одномъ *простомъ кумыкѣ*, это лицо говоритъ:

—„Это нашъ Гамбетта—говорили про него образованные кумыки, и я охотно соглашался съ ними и теперь съ удовольствіемъ свидѣтельствую, *что среди туземцевъ Кавказа попадаются умственные самородки, способные приводить на память величайшее умы цивилизованной Европы.*" [1])

Нужно замѣтить, что вся прошлая историческая жизнь, какъ мы уже говорили, подготовливала горцевъ къ широкому общественному самоуправленію.

Всегда всѣ горскія племена, *для рѣшенія вопросовъ о мирѣ и войнѣ, объ измѣненіи обычаевъ, изгнаніи порочныхъ членовъ (остракизмъ) изъ среды племени и др. общихъ дѣлъ, имѣли общенародныя собранія, которыя происходили на опредѣленномъ мѣстѣ, куда собирались выборные отъ ущелій и ауловъ.*

Въ обычныя времена такіе общенародные собранія служили администраціи хорошимъ средствомъ для проведенія тѣхъ или иныхъ мѣропріятій. Но и народъ пользовался этими собраніями для того, чтобы обратить вниманіе на свои нужды.

И мы видимъ, напр., въ кабардѣ такое разумное постановленіе: 8-го ноября 1889 г. былъ составленъ общественный приговоръ, по которому все населеніе было обложено особымъ сборомъ съ десятины запасныхъ земель, при чемъ этотъ доходъ шелъ на содержаніе школъ, на образованіе школьнаго капитала, на стипендіи въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ ремесленныхъ училищахъ и т. д.

Ограничиваясь вышесказаннымъ мы укажемъ только еще на одно: въ отрогахъ Эльборуса живетъ горское племя *карачаевцевъ*, занимающееся исключительно скотоводствомъ и вотъ года два тому назадъ представители этого племени собрались и, какъ сообщаетъ „Сѣверо-кавказ. Газ.", рѣшили ходатайствовать у Намѣстника Кавказа *графа Воронцова-Дашкова*, между прочимъ слѣдующее: . . . 4) Необходимо обезпечить народу свѣтское образованіе, облегчить открытіе школъ, увеличивъ стипендіи для горцевъ въ гимназіяхъ

[1]) *Н. Семеновъ.* Туземцы сѣверо-восточн. Кавказа. Стр. 252.

С. Кавказа, а также въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, общихъ и спеціальныхъ.

Необходимо также для Сѣвернаго Кавказа открыть высшее учебное заведеніе общее и спеціальное, чтобы дѣти наши не отрываясь отъ родины, изучили край свой и посвящали свои силы служенію кавказской окраины, которая такъ нуждается въ просвѣщенныхъ работникахъ.... 5) Для улучшенія правового быта населеніе необходимо: а) распространить и на С. Кавказъ дѣйствія суда съ присяжными засѣдателями; б) ввести въ судахъ институтъ присяжныхъ переводчиковъ съ среднимъ образовательнымъ цензомъ; в) назначить судебныхъ слѣдователей знающихъ карачаевскій языкъ; г). д). е). ж) *такъ какъ карачаевскій народъ представляетъ одно цѣлое, имѣя общую экономическую, общественную и религіозную жизнь, то необходимо учредить карачаевское народное депутатское собраніе выборныхъ отъ каждаго селенія.....* 11) Необходимо на горцевъ распространить дѣйствіе земельнаго банка и создать вообще мелкій кредитъ и т. п.

Вотъ пожеланія, выраженныя карачаевскимъ народомъ. И однородныя пожеланія неоднократно высказывались всѣми остальными горскими племенами, среди которыхъ многія значительно опредѣлили карачаевцевъ.

Какъ никакъ, а горскія племена уже выдвинули изъ своей среды значительную интеллигенцію, а вотъ, напр., осетины, то тѣ въ смыслѣ школъ и просвѣщенія въ послѣднее время оставили даже и русское населеніе края въ лицѣ казачества.

Горцы, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія стремятся пріобщиться къ благамъ культуры, уровень ихъ сознательности изъ года въ годъ повышается и слѣдовательно введеніе въ краѣ вышеуказанныхъ реформъ не встрѣтитъ препятствія въ недостаткѣ культурныхъ силъ среди туземнаго населенія.

А только въ этихъ реформахъ спасеніе края отъ окончательнаго раззоренія. Только эти реформы принесутъ исцѣленіе отъ всякаго рода недуговъ, съ которыми тщетна борьба административной рецептурой. Кошмаръ современности долженъ будетъ отойти въ глубину далекаго невозвратнаго прошлаго и край пойдетъ по пути могучаго подъема производительныхъ силъ и культурнаго преуспѣванія. [1])

[1]) Настоящая ст. была напеч. въ альм. *„Утро Горъ"* 1910 г. Баку.

Религіозно-культурныя нужды горцевъ.

Нужно-ль говорить о томъ исключительномъ вліяніи, какимъ пользуется духовенство у народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія? Можно сказать, что здѣсь роль духовенства въ общественно-культурной жизни достигаетъ maximuma вліянія. Здѣсь духовенство—могучая сила.

И, понимая эту роль духовенства, казалось бы, что первой задачей лицъ, склонныхъ къ культуртрегерству и считающихъ своей обязанностью насажденія *„гражданственности"* среди, какъ любятъ выражаться иные, „полудикихъ азіятскихъ народовъ",—первой задачей, повторяемъ, должна была бы явиться забота о подъемѣ культурнаго уровня „духовныхъ" вождей этихъ „полудикихъ инородцевъ"

„Твердая религіозная устои вотъ, что необходимо народу", — поютъ намъ, заливаясь иные политическіе сирены, скорбно бія въ перси по поводу „народной распущенности „и оказывается, что тѣ же сирены не всегда находятъ эти религіозные устои необходимыми. Иначе, чѣмъ объяснить, тотъ любопытный фактъ, что двухмилліоное населеніе Ставропольской и Черноморской губ., Кубанской, Терской" и Дагестанской областей находится внѣ какого бы то ни было правильнаго удовлетворенія своихъ религіозно-культурныхъ нуждъ.

Ужъ одно положеніе конфессіональнаго образованія у туземцевъ С. Кавказа рисуетъ передъ нами печальную картину.

Сейчасъ на С. Кавказѣ нѣтъ совершенно правильно-организованныхъ мусульманскихъ конфессіональныхъ школъ (мектебе и медресе), а если такія и встрѣчаются гдѣ либо, напр. въ Дагестанѣ, то ихъ еще далеко не коснулись тѣ новыя школьныя вѣянія, которыя привели въ Россіи къ по-

бѣдѣ такъ называемой ново-методной мусульманской школы надъ старо-методной.

Если начальная школа съ учебно-воспитательной точки зрѣнія должна отвѣчать идеѣ „мастерской человѣчности", гдѣ дѣти развиваютъ постепенно свои умственныя и нравственныя способности, то въ дѣйствительности большинство мектебе, на Сѣверномъ Кавказѣ являются „мастерскими" человѣческаго искусства притупленія дѣтскихъ способностей.

Въ этихъ мектебе отсутствуетъ идея *материнской* школы съ ея естественнымъ орудіемъ развитія роднымъ языкомъ, въ этихъ мектебе нѣтъ соотвѣтствующаго дѣтскому возрасту школьнаго курса и правильнаго „дидактическаго" метода обученія, отсутствуютъ элементы эстетическаго развитія дѣтей (пѣніе, рисованіе, музыка). Кромѣ того при отсутствіи педагогическаго образованія туземныхъ учителей въ мектебе до сихъ поръ практикуются тѣлесныя наказанія.

Наконецъ, въ жизненномъ отношеніи мектебе даютъ своимъ ученикамъ очень мало, такъ какъ прежде всего не даютъ имъ знанія ни родного, ни русскаго языка, не знакомятъ ихъ съ міромъ человѣческой души и съ окружающей природой, не даютъ дѣтямъ никакихъ практическихъ навыковъ, необходимыхъ въ жизни.

Такова духовная пища, которая дается горскому населенію въ спеціальныхъ мусульманскихъ школахъ, но не менѣе печальное положеніе удовлетворенія религіозно-культурныхъ потребностей населенія и въ общихъ школахъ.

Преподаванію вѣроученія муллами въ общихъ школахъ краснорѣчивыя строки посвящаетъ *Х. Степной*. [1])

Онъ говоритъ:

„Схоластическіе и рутинные пріемы и способы преподаванія въ школахъ, калѣчившіе дѣтскія способности, давно подвергались безвозвратному остракизму. Они теперь замѣнены новыми способами, основанными на строгихъ требованіяхъ здравой педагогики и дидактики. Въ то время, какъ старая школа требовала отъ дѣтей одного только механичес-

---

[1]) *„Владикавказскій Листокъ."* № 29, 1912. *Х. Степной.* Сельскіе муллы, какъ вѣроучители въ школѣ.

каго долбленія школьныхъ предметовъ, нисколько не заботясь вводить учащихся въ область понманія и усвоенія сущности преподаваемаго, новая школа, наоборотъ, ставитъ главною задачею —сдѣлать все обученіе понятнымъ для дѣтей. Понятнымъ настолько, чтобы оно, находясь въ соотвѣтствіи съ дѣтской природой и психологіею, гармонически правильно развивало всѣ ихъ способности. „При обученіи— иди отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ легкаго къ трудному, отъ близкаго къ болѣе отдаленному и отъ конкретнаго къ абстрактному", говоритъ современная педагогика. Этотъ, если можно такъ назвать, педагогическій катехизисъ получаетъ совершенно діаметрально-противоположное примѣненіе въ преподаваніи нѣкоторыми муллами мусульманской вѣры въ школахъ, открываемыхъ мин. нар. просв. среди магометанскаго населенія Терской области. Какъ иллюстрацію къ сказанному, я здѣсь изложу вкратцѣ ходъ урока муллы-вѣроучителя.

Классъ—съ 40—50 учениками... Мулла, приступая къ уроку, приказываетъ дѣтямъ сѣсть поближе другъ къ другу. Садится и самъ мулла... Открываетъ книгу,—велитъ тоже самое сдѣлать и ученикамъ... Все, значитъ, готово... Начинается чтеніе муллы, а за нимъ и дѣти, смотря въ свои книжки, тянутъ монотонно произносимыя муллой фразы...

Ни поправленія ошибокъ, ни чтенія статьи отдѣльными учениками, ни объясненія непонятныхъ для дѣтей словъ ни вопросовъ, исчерпывающихъ содержаніе читаемаго, ни, наконецъ передачи въ видѣ связанаго разсказа сущности прочитаннаго муллы-вѣроучители не признаютъ,., Нечего, конечно, говорить о томъ, что такое обученіе не допустимо даже тамъ, гдѣ дѣти—природные арабы, на языкѣ которыхъ писана исторія мусульманской религіи. Такой способъ обученія, какъ языку, такъ и прочимъ школьнымъ предметамъ, находится въ противорѣчіи, больше того, въ непримиримой враждѣ съ естественнымъ ходомъ развитія человѣческихъ способностей... Вѣдь, что такое народная школа, какъ не учрежденіе, которое во-первыхъ, должно очищать, пояснять углублять и приводить въ сознательный порядокъ дѣтскую мысль и весь тотъ умственный и духовный багажъ, который дѣти пріобрѣтаютъ дома?.. Во-первыхъ, школа дол-

жна съ особеннымъ тщаніемъ научать дѣтей сознательно и правильно читать, писать, считать, и доставлять имъ новыя понятія и свѣдѣнія, что въ свою очередь, впослѣдствіи послужитъ для нихъ самихъ вѣрнымъ и легкимъ средствомъ для увеличенія ими запаса своихъ знаній и безъ посторонней помощи. И преподаваніе религіи не должно быть облекаемо въ сухой, безжизненный догматизмъ, убивающій въ дѣтяхъ одну изъ ихъ способностей—память... Тотъ не учитель и не долженъ быть вовсе учителемъ, кто своимъ преподаваніемъ не можетъ вызвать въ дѣтяхъ интереса къ сообщаемому предмету, не можетъ довести дѣтей до того, чтобы они, по поступленіи въ школу, съ каждымъ днемъ чувствовали свѣтлую перемѣну въ своемъ пониманіи...

На предложеніе пишущаго эти строки—перевести на родной языкъ содержаніе прочитанной фразы, ученикъ въ одной школѣ, отвѣчаетъ *„нельзя“*... Таковъ же почти былъ и отвѣтъ муллы-вѣроучителя — „переводъ не полагается“... Итакъ, „переводъ изъ арабской книги на туземные языки не полагается“... „Нельзя“.

Можно только читать—безъ пониманія содержанія прочитываемаго... Иначе говоря, долбить, долбить и долбить безъ толку, до безъ—конца... Выше мы сказали, что грубѣйшій механизмъ, господствовавшій раньше въ школахъ безвозвратно канулъ въ вѣчность... И нелѣпый способъ преподаванія муллами въ школахъ долженъ быть замѣненъ новымъ, иначе отъ того обученія ничего добраго и путнаго не получится... Умѣніе и знаніе должны быть нераздѣльны, ибо одно умѣнье безъ знанія ведетъ къ слѣпой, безсознательной и чисто механической дѣятельности... Чтобы понимать читаемое, ученикъ долженъ, подъ руководствомъ учителя, разбирать каждое непонятное слово, каждое предложеніе по реальному ихъ содержанію и значенію.. Чтобы мыслить о читанномъ, ученикъ, при помощи учителя, долженъ передавать содержаніе статьи въ видѣ изустнаго разсказа и т. д.“

Соображенія Х. *Степного* вполнѣ справедливы, но можно ли ожидать раціональнаго преподаванія отъ лицъ, духовно-культурный багажъ которыхъ крайне легокъ. Что представ-

ляетъ изъ себя духовенство среди мусульманскаго населенія С. Кавказа можно судить, хотя бы по любопытнымъ фактамъ, даваемымъ изъ ихъ жизни горскимъ альманахомъ „*Утро Горъ*" (Баку, 1910 г.):

„Нѣкій жигель села Карджинъ (Тер. об.) Исламъ Борвуновъ обратился къ муллѣ сел. Зильги (Тер. об.) Заки-Хаджи съ указаніемъ, что у него заболѣлъ маленькій сынъ и просилъ муллу посмотрѣть въ книги, что за причина болѣзни сына, „не шалости ли домового?"...

Мулла потребовалъ 5 руб., посмотрѣлъ въ книги и сказалъ:—„купи бѣлаго козла, зарѣжъ его и цѣлаго сжарь и пусть его съѣстъ только твоя семья, не давай никому изъ сосѣдей, а кости козла зарой подъ поломъ. Послѣ этого домовой отпустить твоего сына."

Карджинецъ выполнилъ въ точности рецептъ муллы, но переусердствовалъ и заболѣлъ самъ, такъ какъ объѣлся мясомъ, желая поскорѣе освободить кости козла отъ мяса, дабы эти кости зарыть и такимъ образомъ способствовать выздоровленію сына.

„Нѣкій Мусса Карсановъ, старикъ 70 лѣтъ обратился къ муллѣ сел. Эльхотово (Тер. об.) Эфендію Гац.... и разсказалъ ему о своей болѣзни, прося помочь: онъ заболѣлъ лихорадкой и послѣ болѣзни, во время разговора, началъ прикусывать языкъ.

— Посмотри-ка, будь добръ, въ китабъ, отчего это происходитъ?!!

Мулла посмотрѣлъ въ китабъ и сказалъ: „Когда ты былъ маленькимъ и ты, однажды, спалъ въ полѣ на камнѣ, къ тебѣ подкрался джинъ (духъ) и дунулъ въ носъ, вотъ отъ этого и происходитъ твоя болѣзнь"...

Такъ какъ Карсановъ дѣйствительно былъ пастухомъ въ молодости, то онъ и повѣрилъ.

Мулла потребовалъ съ него жареную курицу и 3 руб. деньгами. А за это написалъ ему молитвы на бумажкѣ и посовѣтовалъ носить на груди...

Нѣкая Дзгоева обратилась къ тому же муллѣ, прося у него помощи отъ постоянныхъ головныхъ болей.

Тотъ посовѣтовалъ:

—„Зарѣжъ курицу и кровью этой курицы я напишу тебѣ бумажку, голову курицы не бросай, но сохрани, при-

готовь изъ этой курицы, какъ можно лучшій супъ и принеси его мнѣ!!..

Дзгоева зарѣзала курицу, собрала кровь, сварила супъ и послала его муллѣ. Мулла, поѣвъ супъ, послалъ женщинѣ исписанную арабскими словами бумажку для ношенія на груди, а остатокъ крови съ головой посовѣтовалъ закупорить въ жестянку и положить подъ голову"... (стр. 82).

Таковъ рецептъ муллы отъ головной боли. Или вотъ, какъ муллы борятся съ эпидемическими заболѣваніями:

„Въ аулѣ Вочепшій Куб. об. для избавленія отъ страшной гостьи—холеры, свирѣпствовавшей въ этомъ аулѣ, по иниціативѣ муллы и нѣкоторыхъ почетныхъ стариковъ рѣшили пріобрѣсти трехъ молодыхъ бычковъ, которые должны быть совершенно черпаго цвѣта, безъ всякихъ отмѣтинъ. Съ ними, совѣтывалъ мулла, необходимо произвести особую процедуру, тогда холеру удасться изгнать...

Бычковъ достали съ большимъ трудомъ, заплативъ за нихъ цѣлыхъ 300 руб. общественныхъ денегъ. На церемонію собрался весь аулъ. Возлѣ мечети былъ построенъ изъ зеленыхъ вѣтвей полукруглый шалашъ, въ серединѣ котораго былъ подъ большимъ котломъ разведенъ костеръ.

Притащили одного изъ бычковъ, отрѣзали ему голову и ноги и затѣмъ сняли шкуру. Мясо бросили въ котелъ и когда оно сварилось, раздали бѣднѣйшимъ изъ жителей. Послѣ этого голову воткнули на колъ, повернувъ мордой въ ту сторону, откуда, по мнѣнію знатоковъ, идетъ холера.

Окончивъ эту процедуру, забрали отрѣзанныя у бычка ноги, а шкуру привязали на веревку и процессія отправилась по всему аулу. Впереди шло самое почетное лицо, таща по землѣ на веревкѣ шкуру, по бокамъ два верховыхъ съ обнаженными шашками, высоко поднятыми надъ головой, сзади шелъ мулла, а потомъ народъ.

Въ такомъ порядкѣ обошли весь аулъ, причемъ въ четырехъ его сторонахъ, бычачьи ножки были закопаны въ землю.

Черезъ каждые сто шаговъ процессія останавливалась и мулла произносилъ молитвы. Подобная процедура по числу черныхъ бычковъ должна быть продѣлана три раза, пока холера совершенно не оставитъ аула."

Думаемъ, что приведенныхъ нами фактовъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что представляютъ изъ себя „духовные пастыри" горскаго населенія Сѣвернаго Кавказа и, какую *духовную* пищу они могутъ дать населенію. Печальное зрѣлище.

Эти „духовные пастыри" являются серьезнѣйшимъ тормазомъ на пути культурнаго развитія туземнаго населенія. Они не только не могутъ быть союзниками въ борьбѣ съ невѣжествомъ и суевѣріями, но сами *являются той темной силой, которая всѣми средствами старается не допустить въ среду горцевъ свѣтъ истиннаго знанія.*

Не понимая истиннаго духа религіи, они насаждаютъ въ населеніи религіозный фанатизмъ, такъ какъ только слѣпой фанатизмъ обезпечиваетъ имъ существованіе.

Невѣжество и фанатизмъ въ свою очередь вызываютъ среди горцевъ появленіе всевозможныхъ религіозныхъ сектъ, этой язвы, которая въ настоящее время все сильнѣй разъѣдаетъ религіозно-общественную жизнь горцевъ, особенно въ Чечнѣ и Ингушетіи.

Констатируемое нами положеніе вещей въ области религіозно-общественной жизни туземцевъ С. Кавказа главнымъ образомъ обусловливается тѣмъ, что религіозная жизнь этого населенія находится внѣ какой бы то ни было правильной организаціи, которая хотя бы приблизительно удовлетворяла религіозныя нужды горцевъ.

Сѣверный Кавказъ формально долженъ быть отнесенъ къ Оренбургскому муфтіату, но въ дѣйствительности онъ оставленъ на произволъ судьбы. Сама администрація въ нужныхъ случаяхъ не знаетъ къ кому надлежитъ обращаться, къ муфтію закавказскому или оренбургскому и неоднократно бывали случаи что лица, имѣющія удостовѣреніе на право занятія должности сельскаго муллы отъ Оренбургскаго муфтіата направлялись администраціей къ закавказскому муфтію для выдержанія новыхъ испытаній.

Насколько запутаны дѣла мусульманскаго духовнаго вѣдомства можно судить напр. по тому факту, что по отдѣльнымъ случаямъ требуются разъясненія высшей власти на Кавказѣ, къ кому надлежитъ обращаться къ оренбургскому муфтію или закавказскому, а вотъ напр., по разъясненію той же высшей власти Черноморскому губернатору „духовныя

дѣла мусульманъ, проживающихъ въ предѣлахъ Черноморской губ. *по особому въ каждомъ случаѣ распоряженію* Намѣстника Его Имп. Велич. на Кавказѣ передаются на разсмотрѣніе закавказскихъ, шіитскаго или суннитскаго, духовныхъ правленій по принадлежности",—не является ли характернымъ для положенія вещей—это „особое въ каждомъ случаѣ распоряженіе намѣстника".

Но нужно быть справедливымъ, неурегулированность удовлетворенія религіозно-культурныхъ нуждъ мусульманъ С. К.—это, какъ мы говорили выше, только частность, правда, наиболѣе яркая, общихъ дефектовъ организаціи и дѣятельности мусульманскихъ духовно-религіозныхъ учрежденій Россіи.

Острая потребность въ организаціи духовныхъ учрежденій на Сѣвер. Кавказѣ чувствовалась на столько сильно, что само населеніе неоднократно возбуждало соотвѣтствующія ходатайства передъ надлежащими властями, но, къ сожалѣнію, эти ходатайства до сего времени не дали никакихъ благопріятныхъ результатовъ.

Къ тому же необходимость правильной организаціи религіозно-духовныхъ учрежденій на С. К. мотивируется и соображеніями *правового характера*.

Нужно принять во вниманіе, что среди горскаго населенія функціонируютъ до сего времени, такъ называемые, горско-словесные суды, гдѣ доминируетъ юрисдикція по шаріату, гдѣ первенствующую роль играютъ кадіи. Можно-ль теперь себѣ представить, какую деморализацію вносятъ въ жизнь горскаго населенія эти суды хотя бы по тому одному, что *нѣтъ близкаго компетентнаго учрежденія, которое бы въ дѣятельность кадіевъ вносило бы, какіе либо элементы контроля и направленія*.

Если даже горско-словесные суды и будутъ уничтожены, все же останется цѣлый рядъ дѣлъ, которыя прійдется разсматривать по шаріату и такимъ образомъ сохранится потребность въ лицахъ, знакомыхъ съ началами мусульманскаго права.

Разбирательство же цѣлаго ряда дѣлъ по шаріату не можетъ быть уничтожено, пока существуетъ сама мусульманская религія.

Итакъ, мы высказываемся *за организацію самостоятельнаго С.-Кавказскаго муфтіата* съ широкимъ выборнымъ началомъ. Мы считаемъ возможнымъ въ данномъ случаѣ присоединиться къ рѣшеніямъ совѣщаній представителей населенія Терской и Кубанской об., состоявшихся въ 1906 г., совѣщаній, принявшихъ резолюціи объ учрежденіи на С. Кавказѣ духовныхъ правленій и семинарій, резолюцій, подтвержденныхъ въ 1908 г. въ гор. Грозномъ представителями мусульманскаго духовенства Терской об. Вмѣстѣ съ этими совѣщаніями мы высказываемся за необходимость скорѣйшаго учрежденія въ г. Владикавказѣ или Екатеринодарѣ мусульманскаго духовнаго правленія, состоящаго изъ муфтія и четырехъ членовъ—совѣтниковъ правленія, изъ коихъ двое должны быть отъ послѣдователей шафійскаго толка и двое ханифійскаго, на каковые два толка дѣлятся мусульмане С. Кавказа.

Какъ муфтій, такъ и члены правленія должны быть избраны согласно точному указанію шаріата и должны находиться подъ контролемъ духовенства и населенія.

Мы не предрѣшаемъ сейчасъ формы контроля, но считаемъ его существенно важнымъ.

Одновременно мы считаемъ необходимымъ учрежденіе въ г. Владикавказѣ или Екатеринодорѣ мусульманской духовной семинаріи для подготовленія образованныхъ кадій и муллъ, съ преподаваніемъ предметовъ мусульманской религіи и свѣтскихъ наукъ, какъ на арабскомъ, такъ и на родномъ языкѣ учащихся съ паралельнымъ преподаваніемъ русскаго языка.

Мы считаемъ, что правильное удовлетвореніе религіозно-культурныхъ нуждъ мусульманскаго населенія можетъ служить орудіемъ болѣе быстраго культурно-поступательнаго движенія этого населенія.

Нужно, чтобы мусульманское духовенство на Кавказѣ *изъ орудія реакціи и застоя* было обращено, на сколько это возможно и *пока возможно,—въ орудіе дальнѣйшаго культурнаго движенія горскихъ народовъ.*

Еще нѣсколько словъ въ заключеніе.

Естественно, чтобы сдвинуться съ мертвой точки застоя, прежде всего слѣдуетъ возстановить ясную отчетливую картину дѣйствительности.

Должны быть собраны всѣ матеріалы, характеризующіе дѣйствительное положеніе вещей.

Для этого долженъ быть организованъ возможно полный съѣздъ мусульманскаго духовенства и представителей населенія с.—кавказской окраины. Такъ или иначе этотъ съѣздъ, несмотря даже на неподготовленность многихъ муллъ, могъ бы несомнѣнно быть полезнымъ въ дѣлѣ выясненія нуждъ религіозно-духовной жизни населенія и матеріалы, сгруппированные на этомъ съѣздѣ могли бы послужить исходнымъ пунктомъ для разработки детальнаго проекта мусульманскихъ духовныхъ учрежденій на С. Кавказѣ.

Но, прежде чѣмъ былъ бы устроенъ общій съѣздъ не безполезно было бы устроить порайонные съѣзды въ предѣлахъ отдѣльныхъ горскихъ племенъ.

Предметомъ совѣщаній этихъ съѣздовъ могли бы служить вопросы, распадающіеся на слѣдующія три категоріи.

1. Положеніе мусульманскаго духовенства на С. К. (правовое, матеріальное и. т. д.) и мѣры необходимыя къ улучшенію этого положенія.

2. Организація учрежденій для завѣдыванія дѣлами мусульманской вѣры на С. К.

3. Организація конфессіональнаго мусульманскаго образованія на С. Кавказѣ.

Необходимо также, чтобы къ работамъ этимъ были привлечены *живыя общественныя силы* и это тѣмъ болѣе необходимо, что важность и новизна работъ съѣздовъ должны потребовать труда упорнаго и добросовѣстнаго.

1911 г.

О мусульманскихъ духовныхъ учрежденіяхъ.

Трудно сказать, есть ли у мусульманъ Россіи другой вопросъ, который такъ бы волновалъ ихъ всѣхъ безъ различія партій и направленій, какъ *вопросъ о реорганизаціи мусульманскихъ духовныхъ учрежденій.*

Много десятковъ лѣтъ мусульмане Россіи тщетно ходатайствуютъ передъ представителями власти объ правильномъ урегулированіи этой стороны своей культурно-бытовой жизни, но, увы, дѣло не подвигается впередъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже... Жизнь предъявляетъ болѣе сложныя требованія, въ видѣ большихъ знаній, навыковъ, средствъ, а эти требованія по прежнему продолжаютъ удовлетворять архаическими способами, возбуждающими грустную улыбку во всякомъ мало мальски культурномъ человѣкѣ.

Для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что болѣе чѣмъ печальное положеніе организаціи мусульманскихъ духовныхъ учрежденіи,—*это результатъ опредѣленно и систематически проводимой политики.*

Но, что можно скрыть сегодня, не окажется ли достояніемъ общественной гласности завтра? И, какъ учтеть сознаніе народа скрытое!

Задумывались ли надъ этимъ тѣ, кто творитъ внутреннюю политику страны?... А надъ этимъ стоитъ задуматься.

Россійское законодательство, касающееся мусульманскихъ духовныхъ учрежденій даже въ наименованіяхъ не согласовано; оно именуетъ учрежденія, управляющія дѣлами мусульманской вѣры, то правленіями, то собраніями, хотя послѣднее скорѣе всего подходитъ подъ *понятие канцелярій или правленій.*

Въ настоящее время завѣдываніе всѣми духовными дѣлами предоставлено: а) по Закавказскому краю особымъ установленіямъ съ шейхъ-уль-исламомъ во главѣ и съ меджилисами, какъ второстепенными органами управленія; б) по Крымскому полуострову и тѣмъ западнымъ губерніямъ, въ коихъ обитаютъ мусульмане—Таврическому Магометанскому Духовному Правленію; в) по Туркестанскому Краю—генералъ-губернаторству и Закаспійской областной администраціи; г) по области Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской—администраціи гражданскаго вѣдомства, д) по всѣмъ прочимъ мѣстностямъ европейской и азіатской Россіи.—Оренбургскому муфтіату и его правленію.

Уже одно это перечисленіе вѣдомствъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся дѣла мусульманской вѣры можетъ служить яркимъ показателемъ той хаотичности и отсутствія какой бы то ни было цѣлесообразной регламентаціи такой важной стороны жизни многомилліоннаго мусульманскаго населенія Россіи, какимъ является удовлетвореніе его духовныхъ потребностей.

Но, если еще ближе присмотрѣться къ этимъ духовнымъ управленіямъ, то трудно себѣ представить учрежденія болѣе *архаическія*.

Остановимся хотя бы на Оренбургскомъ Магометанскомъ Духовномъ Собраніи, играющемъ наибольшее значеніе въ жизни мусульманъ Россіи.

Коснемся этого учрежденія, хотя бы только съ внѣшней стороны его бюрократическаго упорядоченія, не говоря уже объ основахъ, на которыхъ создано это учрежденіе.

Первоначальный штатъ Оренбургскаго Магометанскаго Духовнаго Собранія, опредѣленный при самомъ учрежденіи его въ г. Уфѣ на основаніи Высочайшаго Указа Императрицы Екатерины II былъ измѣненъ по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 15-го января 1836 г. и съ тѣхъ поръ въ сущности не подвергался измѣненію, если не считать послѣдующаго прибавленія должности столоначальника и двухъ канцелярскихъ служителей.

Жалованье отъ казны, назначенное чиновникамъ этого учрежденія, поражаетъ своей мизерностью. Такъ секретарю

Собранія положено было отъ казны *жалованье въ годъ 280 руб., столоначальникамъ по 171* руб. *и журналистамъ по 143 руб.*

Въ теченіе десятковъ лѣтъ требованія отъ служащихъ въ канцеляріи Собранія возвышались и предметы вѣдѣнія этого учрежденія усложнялись, въ тоже время жизнь дорожала, цѣны, какъ на квартиры, такъ и жизненные припасы и вообще на предметы первой необходимости—прогрессивно возростали.

Жалованье, на которое прежде можно было существовать, оказывалось недостаточнымъ, почему штаты всѣхъ губернскихъ учрежденій измѣнялись къ лучшему, классы должностей, оклады и пенсіонные разряды повышались: *не измѣненнымъ оказывалось* только положеніе Оренбургскаго Магометанскаго Духовнаго Собранія такого же, казалось бы, бюрократическаго учрежденія, какъ и пр.

Единственно, что было сдѣлано въ виду настойчивыхъ ходатайствъ муфтіевъ это то, что министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило, въ видѣ временной мѣры, увеличить изъ частныхъ суммъ брачнаго сбора съ магометанъ, жалованье секретарю на 320 руб. столоначальникамъ и переводчикамъ на 132 руб. и журналисту на 137 руб. и затѣмъ изъ этихъ частныхъ суммъ добавлено секретарю, столоначальникамъ и переводчикамъ на 100 руб. и журналисту, онъ же архиваріусъ,—120 руб.

Но и эти прибавки, въ видѣ временной мѣры, изъ частныхъ суммъ далеко не сравняли содержаніе канцелярскихъ чиновниковъ собранія съ окладомъ получаемымъ въ другихъ, равныхъ по положенію, губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, губернскихъ и областныхъ правленіяхъ, казенныхъ палатахъ, духовныхъ консисторіяхъ и не увеличили правъ, ихъ на пенсію. Достаточно сказать, *что секретарь собранія, не говоря ужь о столоначальникахъ, переводчикѣ и журналистѣ, за 35-юю безпорочную службу можетъ получить пенсію не свыше 85 руб.*, между тѣмъ чины канцеляріи несутъ трудъ гораздо больше, чѣмъ соотвѣтствующіе чины въ каждомъ изъ названныхъ учрежденій.

Приведенныя нами данныя станутъ особенно яркими, если мы примемъ во вниманіе, что въ округѣ этого собранія, магометанскаго населенія *до 3-хъ милліоновъ душъ* (не считая С. Кавказа, *4,779 приходовъ и 8897 духовныхъ*

лицъ, свѣдѣнія 1901 г.). Управленіе духовными дѣлами такого значительнаго числа лицъ, надзоръ за поведеніемъ и дѣйствіями духов. лицъ, испытаніе кандидатовъ на духовныя должности, каковыхъ испытаній произведено, напр., въ 1901 г. 477, снабженіе приходовъ метриками въ количествѣ 4819, провѣрка полученныхъ метрикъ и счетоводство по метрическому и брачному сборамъ, поступающимъ отдѣльными мелкими суммами и, напр., составившимъ въ теченіе того же 1901 г. 14,855 руб. 8 к., надзоръ за управленіемъ и повѣрка отчетности по 19 недвижимымъ имуществамъ, пожертвованнымъ разными лицами съ благотворительною цѣлью и завѣдываніе, принадлежащими различнымъ лицамъ капиталами на сумму болѣе 100.000 руб. —все это сопряжено съ весьма обширнымъ и сложнымъ дѣлопроизводствомъ, напр. въ теченіе того же 1901 г. въ собраніе поступило входящихъ бумагъ 9325 №-овъ и выпущено исходящихъ бумагъ 9345-№-овъ, разрѣшено въ теченіе года дѣлъ 1916, сдѣлано переписокъ по разнымъ предметамъ 1208, а всего 3124; сдѣлано переводовъ съ татарскаго, арабскаго и персидскаго языковъ бумагъ и документовъ, какъ въ порядкѣ дѣлопроизводства, такъ по просьбамъ частныхъ лицъ, требованіямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ—1350.

Вся эта масса канцелярскаго труда, все болѣе и болѣе увеличивающаяся, по настоящее время сосредоточивается въ рукахъ секретаря и трехъ его помощниковъ-столоначальниковъ, такъ какъ члены Собранія заняты разсмотрѣніемъ дѣлъ по существу и не могутъ удѣлять времени для надзора за канцеляріей.

Указанное положеніе вещей заставило Оренбургское Магометанское Духовное Собраніе въ цѣляхъ изысканія средствъ сдѣлать въ 1902 г. Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ слѣдующее представленіе за № 2532.

„Изъ вѣдомости о приходѣ и расходѣ брачной суммы за 1900 г. видно, что брачной пошлины съ магометанъ за этотъ годъ поступило 10478 р. 69 к., въ томъ числѣ добровольныхъ пожертвованій 51 руб. 88 к., а произведено расходовъ, обязательно относимыхъ на часть брачнаго сбора съ магометанъ: на жалованье и единовременное пособіе служащимъ 7491 руб. 84 к., на ремонтъ и содержаніе зданій Собранія, отопленіе и освѣщеніе 1722 руб. 16 к., на канцелярскіе, типографскіе и

мелочные расходы 884 руб. 70 коп. и на вознагражденіе казначейства 131 руб. 6 коп., *всего 10,229 руб. 76 коп.*

Такимъ образомъ сумма, поступившей въ теченіе года брачной пошлины съ магометанъ превысила сумму обязательныхъ расходовъ только на 248 руб. 95 к., а между тѣмъ расходы, производимые на счетъ брачной суммы, не ограничиваются только вышеприведенными статьями: такъ согласно предложенію М. В. Д. отъ 14 апрѣля 1901 г. за № 1881 г. и 4 и 30 марта г. за №№ 4632 и 1508, изъ суммъ брачнаго сбора производится вознагражденіе преподавателей городскихъ и уѣздныхъ училищъ, за производство испытаній лицамъ, желающимъ имѣть свидѣтельство въ знаніи русскаго языка для занятія должности муллы, согласно предложенію М. В. Д. отъ 18 февр. 1898 г. за № 667, производятся единовременно денежныя выдачи мулламъ по соглашенію уфимскаго губернатора съ Оренбургскимъ муфтіемъ, изъ этой же суммы производятся съ особаго каждый разъ разрѣшенія М. В. Д., единовременныя пособія мулламъ, пострадавшимъ отъ пожаровъ, и выдаются безпроцентныя ссуды въ голодные годы,—и это вполнѣ справедливо, такъ какъ муллы принимаютъ ближайшее участіе въ сборѣ брачной пошлины и, наконецъ, справедливость требуетъ вознагражденія за путевые расходы и отвлеченія отъ занятій ахуновъ и муллъ, исполняющихъ отъ мѣста своего жительства порученія Собранія по бракоразводнымъ и другимъ дѣламъ.

Но независимо отъ всего этого, читаемъ мы дальше въ этомъ представленіи, и расходы постоянные, по указаннымъ ранѣе статьямъ, въ близкомъ будущемъ должны возрости, такъ какъ предстоитъ капитальный ремонтъ зданій и является неотложная потребность въ перестройкѣ, съ увеличеніемъ размѣра помѣщенія архива собранія. Такую же неотложную потребность представляетъ и увеличеніе содержанія служащихъ въ собраніи.

Въ настоящее время *секретарь* собраніе получаетъ жалованье въ *годъ 700 руб.*, переводчики и архиваріусъ *по 400 руб.*, тогда какъ въ другихъ равныхъ съ Собраніемъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ секретари получаютъ *не менѣе 1200 руб.*, дѣлопроизводители не *менѣе 600 руб. въ годъ. Такъ какъ требованія, предъявляемыя къ служащимъ въ канцеляріи*

не ниже а скорѣе выше, масса упадающаго на нихъ труда не меньше, а скорѣе больше, чѣмъ въ другихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, то и соотвѣтствующее увеличеніе получаемаго ими содержанія является неизбѣжнымъ.

Принимая во вниманіе, говоритъ записка, что единственнымъ источникомъ для удовлетворенія указанныхъ выше потребностей можетъ служить только брачный сборъ съ магометанъ, что въ виду предстоящихъ крупныхъ затратъ на переустройство архива и капитальный ремонтъ зданій Собранія и въ виду увеличенія предметовъ, на которые брачный сборъ расходуется, суммы этого сбора недостаточны, если даже и не увеличивать содержаніе служащихъ въ канцеляріи собранія, а между тѣмъ увеличеніе содержанія является неотложнымъ и потребность въ этомъ должна быть удовлетворена изъ суммъ брачнаго сбора прежде всего, такъ какъ при самомъ учрежденіи этого сбора цѣлью его было указано увеличеніе средствъ на содержаніе канцеляріи Собранія безъ обремененія государственнаго казначейства, въ виду всего изложеннаго Духовное Собраніе приходитъ къ убѣжденію въ *необходимости увеличить размѣръ брачнаго сбора* съ магометанъ по меньшей мѣрѣ *вдвое*. Увеличеніе сбора записка предлагаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Имѣя въ виду, что повышеніе размѣра брачной пошлины съ 25 коп., взимаемыхъ нынѣ, до 50 коп. за каждый бракъ, безъ различія – съ бѣдныхъ и богатыхъ, неизбѣжно вызоветъ неудовольствіе населенія, поставитъ въ затрудненіе муллъ, взыскивающихъ брачную пошлину, а главное будетъ представлять изъ себя налогъ, распредѣляемый крайне неуравнительно, такъ какъ и богатый человѣкъ, уплачивающій брачный даръ (мегеръ) невѣстѣ въ размѣрѣ 1000 руб. и болѣе, и бѣднякъ, дающій въ видѣ брачнаго дара невѣстѣ не болѣе 10 руб., одинаково должны будутъ переплачивать по 25 коп. сверхъ существующаго размѣра пошлины,—Духовное Собраніе полагало бы увеличить размѣръ брачной пошлины въ соотвѣтствіи съ размѣромъ суммы брачнаго дара (мегера), показанной въ метрикахъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: при брачномъ дарѣ въ 100 и менѣе руб. взыскивать брачную пошлину въ размѣрѣ 35 коп., при суммѣ же брачнаго дара свыше 100 руб. взыскивать сверхъ 35 коп. еще

по 20 коп. съ каждыхъ 100 руб., считая неполныя сотни за полныя",

Вотъ соображенія, какія Магометанское Духовное Собраніе представило на благоусмотрѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, прося его благосклонной резолюціи.

Вотъ, какимъ образомъ Оренбургское Магометанское Духовное Собраніе стремилось выйти изъ тисковъ матеріальной нужды, дабы быть въ состояніи лучше обслуживать религіозно-культурныя нужды опекаемаго имъ населенія.

Оно искало исхода не въ обремененіи государственнаго казначейства новымъ расходомъ, на что оно имѣло право, такъ какъ мусульмане Оренбургскаго муфтіата несутъ одинаковыя повинности съ русскимъ населеніемъ и платятъ тѣ же налоги,—*а въ особомъ видѣ самообложенія.*

На указанное выше ходатайство *черезъ 4 года* Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отвѣтилъ О. М. Д. С. слѣдующимъ предложеніемъ отъ 18 мая 1906 г. за № 2285, въ которомъ читаемъ:

„Оренбургскій муфтій въ мартѣ 1869 г. представлялъ министерству предположеніе свое объ увеличеніи этого сбора до 1—2% съ суммы калыма или, что тоже, мегера. Предположеніе это было затѣмъ внесено министерствомъ на разрѣшеніе комитета министровъ съ заключеніемъ въ благопріятномъ смыслѣ, но утвержденія не получило въ виду того соображенія, что замѣна существующей формы взиманіе сбора въ размѣрѣ точно установленной суммы съ каждаго брака, предположеннаго муфтіемъ по неопредѣленной цѣнности калыма, могла бы повести къ значительнымъ *неудобствамъ и злоупотребленіямъ.*

Послѣдовавшимъ по этому дѣлу Высочайше утвержденнымъ 13-го іюня 1875 года положеніемъ сего комитета, между прочимъ, опредѣлено было предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ войти въ надлежащее съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ сношеніе по вопросу о томъ: не представляется ли болѣе удобнымъ достигнуть увеличенія средствъ на потребности О. Магометанскаго Духовнаго управленія возвышеніемъ сбора съ браковъ въ существующей его формѣ въ то время по 8 коп. съ каждаго брака или распространеніемъ сбора сего на другія магометанскія требы, и за полученіемъ заключенія генералъ-губернатора, внести окончательно свое предложеніе по сему предмету.

11*

При новомъ обсужденіи этого дѣла было принято во вниманіе, что, хотя калымъ, по объясненію муфтія и составляетъ существенное условіе заключаемаго брачнаго союза, но въ метрическія книги вносится онъ не въ видѣ опредѣленной денежной суммы, побуждать же магометанъ, заключающихъ браки, къ обязательному переводу брачныхъ условій на деньги не представляется никакой необходимости и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. между башкирами, такое переложеніе калыма на деньги могло бы даже встрѣтить затрудненіе. При томъ слишкомъ высокій размѣръ сбора съ браковъ извѣстной категоріи можетъ повлечь за собой въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *излишнее скопленіе денегъ въ рукахъ у муллы*, и при затруднительности строгаго и точнаго контроля, при ежегодной недосылкѣ метрическихъ книгъ изъ значительнаго числа приходовъ, *повести къ злоупотребленіямъ*.

Приведенныя соображенія о неудобствахъ взиманія указаннаго сбора въ предполагаемой Собраніемъ формѣ не утратили своего значенія и въ настоящее время.

Независимо отъ сего, при обсужденіи настоящаго дѣла я не могу обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство, говоритъ Г. Министръ: по доставленнымъ Оренбургскимъ Собр. свѣдѣніямъ въ 1904 г. на потребности Магом. Дух. Упр. было израсходовано изъ суммы брачнаго сбора 14.192 руб. и кромѣ того для полнаго удовлетворенія потребностей этого управленія было бы желательно изысканіе еще суммы 10.373 руб. съ тѣмъ, чтобы общая сумма расходовъ на упомянутое управленіе изъ брачнаго сбора составляла 24.565 руб. въ годъ. Между тѣмъ, предположенная Собраніемъ форма взиманія этого сбора должна имѣть своимъ прямымъ *послѣдствіемъ образованіе изъ него безъ особой надобности такого капитала, который размѣромъ своимъ значительно превышалъ бы указанныя потребности Маг. Духов. Управл.*

Въ виду сего и принимая во вниманіе, что упомянутый сборъ, по существу своему, является налогомъ, установленіе коего можетъ послѣдовать не иначе, какъ по испрошеніи разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ и по выясненіи дѣйствительной необходимости взиманія сборовъ въ предположенномъ размѣрѣ, а также необременительности его для платежныхъ силъ населенія, я не нахожу со своей сто-

роны возможнымъ дать дальнѣйшее движеніе изложенному выше ходатайству О. М. Д. С.“

Изъ рѣшеній Комитета Министровъ и изъ предложенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ видно, что главной причиной отказа въ ходатайствѣ высшаго органа духовнаго управленія Оренбургскаго муфтіата является *боязнь сосредоточенія въ рукахъ мусульманскаго духовенства излишнихъ*(!) *средствъ и возможность злоупотребленій(!)*

Какой характеръ имѣетъ эта боязнь, лучше всего можно видѣть по маленькой выдержкѣ изъ письма „знаменитаго“ просвѣтителя инородцевъ Поволожья *Н. И. Ильминскаго*, адресованнаго, къ печальной памяти, оберъ-прокурору С. Синода К. П. Побѣдоносцеву.

Въ письмѣ отъ 29 апрѣля 1885 г. (стр. 117. Письма Николая Ивановича Ильминскаго къ оберъ-прокур. Св. синода К. П. Побѣдоносцеву) онъ говоритъ: „*Для насъ вотъ, что подходяще* (Ильминскій указываетъ, какими достоинствами долженъ обладать желательный для русской власти муфтій) *было бы: что бы въ русскомъ разговорѣ онъ путался бы и краснѣлъ, и писалъ бы по русски съ порядочнымъ количествомъ ошибокъ, трусилъ бы не только губернатора, но и всякаго столоначальника*“.

Конечно, улучшеніе матеріальнаго положенія моментально подняло бы значенія всѣхъ лицъ, работающихъ въ мусульманскихъ духовныхъ учрежденіяхъ, а это шло бы въ разрѣзъ съ политикой приводимой Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ по отношенію къ мусульманскому духовенству, политикой, инспирируемой, какъ мы видимъ выше по письму Ильминскаго, миссіонерами.

Держать лицъ работающихъ въ мусульманскихъ духовныхъ учрежденіяхъ *въ черномъ тѣлѣ*—вотъ политика неукоснительно проводимая.

И, конечно, эта политика находитъ себѣ отраженіе въ жизни, въ видѣ полной неудовлетворенности религіозно-духовныхъ нуждъ мусульманскаго населенія Россіи.

1909 г.

Школьная политика среди мусульманъ Поволжья.

Въ настоящее время, когда на очередь дня поставленъ вопросъ о введенiи всеобщаго начальнаго обученiя, далеко не безынтереснымъ является подведенiе нѣкоторыхъ итоговъ школьной политики россiйской бюрократiи среди 20-ти миллiонной массы россiйскаго мусульманства.

Если бы русская государственная власть могла бы возвыситься до пониманiя самодовлѣющихъ интересовъ культурнаго подъема всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ Россiйской Имперiи, то она въ школьныхъ мѣропрiятiяхъ считала-бы своей непремѣнною обязанностью необходимость согласованiя этихъ мѣропрiятiй *съ этнографическими, бытовыми и религiозными особенностями инородческаго населенiя.* Стремясь къ единству государственнаго цѣлаго, она не стала бы ущемлять этихъ особенностей, тѣмъ болѣе, теперь когда новыя правовыя начала, якобы должны лечь въ основу этой власти.

Можетъ быть ничто не наносило и не наноситъ такого удара идеѣ государственнаго единства, какъ политика насильственной и искусственной руссификацiи инородцевъ, въ частности мусульманъ и мы думаемъ, что дальнѣйшее продолженiе этой политики на восточномъ фронтѣ Россiи послужитъ *основой нацiонально-культурной борьбы еще въ невиданныхъ до сего размѣрахъ.*

Впервые въ 60-хъ годахъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя возникла мысль о необходимости принятiя правильно организованныхъ мѣръ къ просвѣщенiю восточныхъ инородцевъ. Спрошены были по этому поводу административныя лица и учрежденiя, занимавшiяся на мѣстахъ

просвѣтительною дѣятельностью среди инородцевъ, главнымъ образомъ миссіонеры и духовныя учрежденія православнаго вѣдомства и затѣмъ созвано было въ Петербургѣ особое совѣщаніе.

Въ результатѣ этого совѣщанія были опубликованы правила, извѣстныя подъ именемъ: „Правилъ 26 марта 1870“. Увы, великая эпоха раскрѣпощенія Россіи не нашла себѣ отпечатка на этихъ правилахъ, наоборотъ, на мусульманское школьное дѣло этими правилами были впервые наложены тяжелыя путы. Правила эти были инспирированы казанскими миссіонерами и проникнуты духомъ *„борьбы съ мусульманской племенностью и цивилизаціей“*.

Съ этого времени и начинается правильная борьба противъ „мусульманской племенности и цивилизаціи“ путемъ школьной политики. Борьба эта ведется по двумъ направленіямъ: съ одной стороны стремятся рядомъ ударовъ *парализовать развитіе самобытнаго мусульманскаго школьнаго обученія*, съ другой стремятся создать такую русско-инородческую школу, которая наиболѣе удовлетворительно могла бы выполнить задачу *„обрусенія татаръ-магометанъ и ихъ сліянія съ русскимъ народомъ“*. [1])

Великія задачи культурнаго подъема инородческаго населенія путемъ раціонально-поставленнаго школьнаго дѣла были извращены во имя якобы государственныхъ интересовъ. И этотъ ложно понятый интересъ государственнаго единства въ практикѣ агентовъ правительства сталъ приносить неисчерпаемый вредъ той же самой идеѣ, во имя которой онъ находилъ примѣненіе. Парализовалось свободное развитіе самобытнаго школьнаго дѣла среди мусульманъ, а само населеніе проникалось все болѣе и болѣе подозрительнымъ отношеніемъ къ органамъ власти.

Первымъ шагомъ вторженія агентовъ русской власти въ область мусульманской религіозно-школьной грамоты было введеніе въ мектебе и медрессе обязательнаго изученія русскаго языка. Открытіе новыхъ мектебе и медресе, послѣ изданія Правилъ 16 марта 1870 г., могло произойти только при обязательствѣ имѣть при нихъ *учителей русскаго языка* на счетъ мусульманскихъ обществъ, при чемъ посѣ-

1) *Сборн. расп. Министр. Н. Пр.* за 1870 г. Стр. 343 стр. 835.

щенія классовъ русскаго языка должны были быть обязательными для учениковъ этихъ конфессіонныхъ школъ.

Введеніе обязательнаго русскаго языка въ конфессіонныхъ школахъ преслѣдовало, именно, тѣ цѣли обрусенія, о которыхъ мы говорили выше, ибо въ противномъ случаѣ правительство могло бы предоставить изученіе русскаго языка *свободной волѣ учениковъ или ихъ родителей*, а открытіе этихъ классовъ—разумѣнію приходовъ, основывавшихъ мектебе и медрессе. Сама жизнь подсказала бы въ той или иной формѣ мусульманамъ, что въ ихъ же интересахъ знаніе общегосударственнаго языка и открытые по свободной волѣ классы его не только не встрѣтили бы со стороны мусульманскаго населенія того подозрительнаго отношенія, какимъ это сопровождалось при данныхъ условіяхъ, но даже съ теченіемъ времени стали бы обычнымъ явленіемъ въ жизни мусульманской школы.

Рядомъ съ введеніемъ обязательнаго русскаго языка въ конфессіонныхъ школахъ, мы видимъ и стремленіе подчинить эти школы *бдительному надзору инспекторовъ;* которымъ на основаніи тѣхъ же правилъ 26 марта 1870 предоставлялся „главный надзоръ, какъ за отдѣльными училищами для татаръ-магометанъ, какъ и за русскими классами при мектебе и медрессе“ (§ 5).

Рядъ другихъ ограниченій, вытекавшихъ изъ правилъ 26 марта, а также изъ послѣдовавшихъ вслѣдъ за этими правилами дополняющихъ и разъясняющихъ инструкцій, преслѣдовалъ тѣ же вышеуказанныя цѣли.

Въ тѣхъ же видахъ Высочайше утвержденное 20 ноября 1874 г. *мнѣніе Государственнаго Совѣта подчиняло всѣ мектебе и медрессе* учебному начальству министерства народнаго просвѣщенія.

Было вполнѣ очевидно, что инспекторъ начальныхъ народныхъ училищъ, какъ человѣкъ совершенно не знакомый ни съ татарскимъ языкомъ, ни съ мусульманскимъ вѣроученіемъ, что составляетъ главный предметъ преподаванія въ мусульманскихъ школахъ, ни съ обычаями этого народа, ни съ его культурой и духовными запросами, не могъ при всемъ своемъ желаніи быть *фактическимъ* инспекторомъ этихъ конфессіональныхъ учебныхъ заведеній. Роль его такимъ образомъ сводилась въ лучшемъ случаѣ къ

фикціи, а въ худшемъ, при служебномъ рвеніи и полной неподготовленности къ новымъ своимъ обязанностямъ, онъ долженъ былъ являться только тормазомъ въ дѣлѣ преподованія и воспитанія. Естественно, что дѣятельность инспектора должна была *ограничиться областью полицейскаго наблюденія и политическаго сыска.*

Однако правительство опасалось, что немедленное проведеніе въ жизнь указанныхъ выше мѣропріятій возбудитъ мусульманское населеніе и потому оно на первое время ограничилось только изданіемъ руководящихъ указаній инспектаромъ народныхъ училищъ о способахъ надзора за мусульманскими школами. Была задняя цѣль: постепенно пріучить мусульманское населеніе къ контролю со стороны органовъ министерства народнаго просвѣщенія, и, не раздражая мусульманъ, создать контроль такимъ образомъ, чтобы имѣть подробныя свѣдѣнія о положеніи преподованія въ мусульманскихъ школахъ, о количествѣ ихъ, о составѣ преподователей, учениковъ и т. д.

Не имѣя дѣйствительной возможности ознакомиться, въ виду противодѣйствія мусульманъ, съ внутреннимъ бытомъ конфессіональной мусульманской школы, инспектора ограничивались свѣдѣніями о тѣхъ или другихъ сторонахъ ея жизни, придавая имъ искаженное и тенденціозное истолкованіе.

На основаніи этихъ искаженныхъ свѣдѣній въ министерствѣ создавалась картина якобы существующей въ мусульманской школѣ *тайной противоправительственной агитаціи.* Это вызывало новыя и новыя гоненія на мусульманскую школу: такъ было повелѣно: а) изъять изъ употребленія въ мусульманскихъ мектебе и медрессе всѣ рукописныя книги и тетради, какъ неодобренныя русской цензурой, а равно иностранныя изданія и б) не допускать къ преподаванію въ медрессе лицъ, получившихъ образованіе внѣ Россіи и иностранныхъ поданныхъ.

Это былъ *сильный ударъ* мусульманской школѣ. Широко развитое употребленіе рукописей въ этой школѣ объяснялось недостаткомъ печатныхъ книгъ, съ которыхъ всѣ эти рукописи списывались. Книги эти исключительно религіознаго содержанія, при выходы своемъ въ свѣтъ подвергались, конечно, цензурѣ, но съ теченіемъ времени количе-

ство ихъ на книжномъ рынкѣ вполнѣ естественно уменьшилось: изданія, вслѣдствіе спеціальности содержанія и сравнительной ограниченности спроса, не могли окупаться и потому не представлялись заманчивыми для частныхъ издателей.

Тотъ же *недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ* вынуждалъ прибѣгать и къ заграничнымъ изданіямъ, исключительно богословскаго характера, чуждымъ политическихъ вопросовъ, къ тому же подвергавшимся при ввозѣ иностранной цензурѣ.

Мусульманскія школы особенную нужду чувствовали въ спеціалистахъ по арабскому языку, богословію и т. п. предметамъ. Спеціализироваться по этимъ предметамъ въ Россіи не было никакой возможности за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ пособій и учебныхъ заведеній, а потому приходилось для этой цѣли выѣзжать въ Бухару, Аравію и Турцію, въ эти колыбели религіи и науки мусульманъ. Можно ли было увидѣть въ этомъ что либо предосудительное.

Въ то же самое время усилился и гнетъ цензуры. *Цензура запрещала, перепечатываніе старыхъ учебниковъ*, уже прошедшихъ разъ черезъ цензуру. Въ книгахъ вычеркивались цѣлые отдѣлы, ранѣе того тою же русской цензурой пропущенные. Такъ, напр. въ книгѣ Шарайтулъ-Имамъ 27 января 1893 г. цензоромъ была вычеркнута вечерняя молитва тогда какъ та же молитва, но помѣщенная въ другой книгѣ (Бетбутъ-Тагалимъ) была этимъ же цензоромъ пропущена 26 окт. 1892 г.

Таковы были мѣропріятія по отношенію къ самобытнымъ мусульманскихъ школамъ.

На ряду съ этими мѣропріятіями власти стремились создать русско-инородческія школы, которыя должны были ставить въ главу своей просвѣтительной дѣятельности тѣ же *тенденціи руссификаціи и ассимиляціи*. Мало того, тенденція divide et impere повела къ созданію русско-киргизскихъ, русско-башкирскихъ и др. инородческихъ школъ. Этимъ путемъ стремились отторгнуть отъ единаго мусульманскаго корня *отдѣльныя вѣтви тюрко-татарскаго племени*

такъ какъ это раздѣленіе могло ослабить силу сопротивленія и ускорить процессъ руссификаціи. Иллюстраціей къ сказанному можетъ служить слѣдующій документъ, дающій цѣнное указаніе о цѣляхъ, которыя должны были преслѣдовать эти такъ назыв. русско-инородческія школы.

11 февраля 1900 г., г. Селицкій, спеціально посланный для обозрѣнія русско-киргизскихъ школъ, представилъ степному генералъ-губернатору обширный докладъ о состояніи русско-киргизскихъ школъ въ Кустанайскомъ уѣздѣ Тургайской области, по его личнымъ наблюденіямъ и обслѣдованію.

Агентъ министерства народнаго просвѣщенія *) пишетъ, что „*киргизскіе интерны должны были поступиться и въ вопросѣ о соблюденіи въ стѣнахъ школы уразы* (постъ)“, хотя это и вызывало протестъ со стороны родителей и учениковъ, замолкшій только „*при примѣненіе рѣшительныхъ мѣръ*“, что *русская транскрипція вытѣсняетъ арабскую* и тѣмъ парализуетъ вліяніе мусульманской литературы, что уроки вѣроученія, хотя и допущены, но это не есть „*уступка исламизму*“, а наоборотъ—это „*средство очищенія религіознаго воспитанія киргизовъ*“, что эти уроки „допускаются *не болѣе* 2—3 уроковъ въ недѣлю“ и ведутъ ихъ „*болѣе или менѣе просвѣщенные въ русскомъ духѣ учителя изъ киргизовъ*“, что, наконецъ, отнюдь не позволяется, чтобы „*мусульманскіе ученики были посвящаемы въ тонкости шаріата*“ и т. д.

Изъ этихъ выдержекъ достаточно ясно видно, что основной задачей русско-инородческихъ школъ среди мусульманскаго населенія было желаніе расшатать *крѣпость религіозныхъ устоевъ* и *подготовить почву для руссификаціи населенія.* „*Борьба съ мусульманской племенностью и цивилизаціей*“—*вотъ во имя какихъ политическихъ цѣлей извращалось великое дѣло культурно-просвѣтительной дѣятельности путемъ опредѣленной организаціи начальной школы.*

И эта практика органовъ министерства народнаго просвѣщенія въ союзѣ съ миссіонерами нашла себѣ снова новую фиксацію и въ „Правилахъ о начальныхъ училищахъ для инородцевъ, живущихъ въ восточной и юго-восточной Россіи“, утвержденныхъ 31 марта 1903 года.

---

*) *Журн. Изв. по нар. обр.* стр. 275-6, 1905 г. декабрь.

По этимъ правиламъ начальныя училища учреждались не для того, чтобы способствовать культурному подъему инородцевъ, а исключительно для распространенія среди инородцевъ знанія русскаго языка.

Конечно знаніе общегосударственнаго языка крайне важно, но въ жертву ему, врядъ ли можно приносить, какъ данныя, выроботанныя жизнью и опытомъ, такъ и основныя положенія педагогической науки, ярко свидѣтельствующія о томъ, что искуственно прививаемое знаніе, нося въ себѣ элементъ репрессивной мѣры даетъ въ большинствѣ случаевъ только одни отрицательные результаты. А между тѣмъ этими правилами инородцамъ давалась такая начальная школа, которая изученію родного языка отводила послѣднее и въ лучшемъ случаѣ лишь служебное мѣсто, допускаемое, какъ необходимое зло.

Данныя учебнаго плана, согласно которому въ первональныхъ инородческихъ школахъ по изученіи русскаго языка и церковно-славянскаго чтенія отводилось 8 уроковъ, а на грамоту на родномъ языкѣ 4, а въ училищахъ съ четырехгодичнымъ курсомъ русскій языкъ имѣлъ 12, а природный всего только 2 урока, подтверждаютъ основную тенденцію руссификаторской школы.

Означенныя правила, какъ и вообще вся прошлая школьная дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія возбудили снова сильное недовольство мусульманскаго населенія и вскорѣ онѣ были замѣнены новыми правилами отъ 15—27 октября 1907 года.

Но и новыя правила не потеряли того же характера и обрусительныхъ тенденцій.

Въ то же самое время репрессіи по отношенію къ мусульманскимъ самобытнымъ школамъ приняли еще болѣе суровый характеръ.

Мусульманская начальная школа кое-какъ вступила въ новую фазу развитія. Старые пріемы и методы обученія стали замѣняться новыми, начала освѣжаться школьная программа и мусульмане стали стремиться поставить дѣло начальнаго обученія въ уровень съ вѣкомъ.

Обновленіе школы вызвало борьбу съ консервативными элементами, слѣпо державшимися за школу со старыми методами и пріемами обученія. Эта борьба стоила громадныхъ усилій, пока не увѣнчалась побѣдой.

Казалось бы, что чины министерства народнаго просвѣщенія должны были бы содѣйствовать возрожденію мусульманской школы, но на самомъ дѣлѣ замѣчалось *совершенно обратное явленіе.*

Ясно представляя себѣ, какимъ могучимъ факторомъ національно-общественнаго возрожденія является школа, они стали чинить самобытному мусульманскому школьному дѣлу всевозможныя препятствія.

Они обратили вниманіе на учительскій персоналъ новометодныхъ школъ, такъ наз. мугалимовъ (учителей), и стали при малѣйшемъ поводѣ обвинять ихъ въ политической неблагонадежности. Стали требовать представленія свидѣтельства о знаніи правилъ педагогики, дидактики и методики, въ то время, когда не было въ Россіи ни одного педагогическаго правительственнаго учебнаго заведенія, имѣвшаго бы цѣлью приготовленіе учителей—мугалимовъ для преподаванія грамоты и предметовъ мусульманской школы, ни спеціальныхъ мусульманскихъ учрежденій, выдававшихъ бы указанныя свидѣтельства,—свидѣтельства-же, получаемыя мугалимами отъ муллъ-мударисовъ, находили недостаточными.

Какимъ гоненіямъ вообще подвергаются мусульманскія школы и учителя за послѣдніе годы можно судить хотя бы по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя проникаютъ въ печать. Вотъ что еще въ 1909 г. сообщала *„Наша Газета“*:

Въ послѣднее время мусульманское населеніе Поволжья и Крыма сильно встревожено *репрессіями, обрушившимися со стороны органовъ министерства народнаго просвѣщенія и полицейскихъ чиновъ на мусульманскія школы и учителей.*

Особенно преслѣдуются школы, отказавшіяся отъ рутины и схоластики въ преподаваніи и стремящіяся обновить мусульманское школьное обученіе современными пріемами педагогики и методики.

Къ этимъ школамъ всячески придираются, стремятся остановить ихъ дальнѣйшее развитіе.

Чуть что — сейчасъ же возводится обвиненіе въ несоотвѣтствіи школы тѣмъ или другимъ формальнымъ требованіямъ закона, кидается тѣнь на политическую благонадежность учителей—и школа, созданная подчасъ на послѣднія крохи населенія, подвергается набѣгу полиціи и торжественно закрывается.

Такъ, въ Самарск. губ., Бугульм. уѣзда, закрыты мусульманскія школы *въ д. Шильгили, Менглибай, Чопай.* Въ эти деревни явился урядникъ и прочиталъ заявленія отъ исправника, въ которыхъ было сказано, что школы закрываются, такъ какъ мугалимы (учителя) не имѣютъ *правительственныхъ свидѣтельствъ на право* обученія дѣтей грамотѣ.

Сотни лѣтъ мусульманскія медрессе (среднеуч. духов. училища) выпускали мугалимовъ, которые безпрепятственно занимались въ школахъ грамоты, и теперь это вѣками установленное обыкновеніе инспекція рѣшила пріостановить.

И это требованіе предъявляется мугалимамъ въ то время, когда нѣтъ ни одного правительственнаго учебнаго заведенія, которое ставило бы своей задачей подготовку, выпускъ мугалимовъ и выдачу имъ соотвѣтствующихъ свидѣтельствъ, а магометанское духовное правленіе въ Уфѣ выполнять задачу провѣрки знаній мугалимовъ и ихъ педагогическихъ способностей не можетъ, не имѣя ни подходящихъ лицъ, ни средствъ, ни времени.

Въ д. Альмитово той же Самарск. губ. и уѣзда приставъ со стражниками пріѣхалъ и произвелъ *обыскъ у муллы Атласова, и закрылъ женское училище* заявивъ, что въ случаѣ, если будутъ продолжаться какія-либо занятія, то будетъ *запечатанъ даже домъ, въ которомъ живетъ мулла*

Школа закрыта потому, якобы, что она существуетъ безъ разрѣшенія губернатора. Требованіе это является большой неожиданностью, такъ какъ до сихъ поръ въ разрѣшеніи губернатора не представлялось никакой надобности. Школа была образцовая съ усовершенствованными методами преподаванія. Нѣкоторыя татарскія газеты описываютъ трогательное разставаніе ученицъ со своими учительницами.

Въ Уфѣ былъ произведенъ тщательный, торжественно обставленный *обыскъ* въ медрессе „Галія", считающемся однимъ изъ лучшихъ духовныхъ училищъ этого рода. Мед-

рессе было окружено полиціей во главѣ съ полицмейстеромъ и приставами, конными и пѣшими городовыми, стражниками, солдатами, были заняты всѣ выходы и входы.

Учениковъ развели по классамъ, разсадили по партамъ къ каждому классу приставили солдатъ. Были задержаны муллы, учителя и др. лица, находившіяся въ медрессе, и у всѣхъ этихъ лицъ были произведены обыски па квартирахъ.

Обыскъ былъ настолько тщательный, что у многихъ учениковъ снимали съ ногъ сапоги и портянки. Ученики были сильно перепуганы, особенно тѣ, которые пріѣхали послушать курсъ наукъ изъ другихъ городовъ. На этихъ полиція обратила особенное вниманіе, отправила ихъ домой съ солдатами и дѣлала обыски на квартирахъ. При обыскѣ были забраны книги, среди которыхъ было много учебниковъ, молитвенниковъ и др. религіознаго содержанія.

Обыскомъ ничего предосудительнаго не обнаружено.

Въ Крыму мусульмане сильно встревожены желаніемъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія *закрыть мектебе (низшія школы) „Руштіе“*, содержимыя на средства мусульманскихъ благотворительныхъ обществъ. Это хорошо поставленныя свѣтскія начальныя школы, которыя инспекція находитъ подлежащими закрытію, такъ какъ въ нихъ преподаваніе родного языка поставлено въ рамкахъ, выходящихъ изъ программы, утвержденной министерствомъ, и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ.

Такимъ образомъ, замѣчаетъ авторъ этихъ строкъ *Ахмедъ — овъ*, наканунѣ введенія всеобщаго начальнаго обученія, мы окажемся свидѣтелями закрытія цѣлаго ряда мусульманскихъ школъ съ ново-методнымъ направленіемъ и освѣженной школьной программой“.

Болѣе ближайшая газетная хроника гласитъ:

„*Въ Петропавловскѣ* полиціей *закрыта* татарская школа мудариса Хасанъ-Эфенди *Нуримарова* въ которой въ теченіе десяти лѣтъ обучались отъ 60 до 70 дѣтей“.

Газетѣ „*Терджиманъ*“ сообщаютъ изъ Елизаветполя о странномъ ни на чемъ не основанномъ распоряженіи елиза-

ветпольскаго губернатора *о закрытіи* мѣстнаго мусульманскаго духовнаго училища.

„Въ концѣ 1904 года съ разрѣшенія его Сіятельства Намѣстника Его Величества на Кавказѣ было открыто въ г. Елизаветполѣ новое медрессе съ преподаваніемъ свѣтскихъ и духовныхъ наукъ на родномъ языкѣ, при чемъ преподаваніе русскаго языка было обставлено очень основательно. Программа этого медрессе была выработана спеціальнымъ совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, директора училищъ и свѣдующихъ лицъ. Программа эта также удостоилась утвержденія г. Намѣстника. Медрессе ставило себѣ задачи: подготовку, требуемыхъ жизнью развитыхъ духовниковъ и подготовку таковыхъ у себя на родинѣ, въ Россіи, безъ посредства персидскихъ или турецкихъ учебныхъ заведеній.

Сочувствуя этому благому дѣлу кавказскіе мусульмане пожертвовали на него около ста тысячъ руб. и ежегодно несли значительный добровольный расходъ на содержаніе безъ какого бы то ни было пособія изъ земскихъ или казенныхъ средствъ

Училище, законно *просуществовавшее семь лѣтъ*, закрывается. Г. Начальникъ предложилъ губернскому кадію вести преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ вѣроученія, на русскомъ языкѣ“....

Въ заключеніе газета добавляетъ: закрытіе Елизаветпольскаго медрессе заставляетъ лучшую часть его учениковъ уйти доучиваться заграницу. Возобновится явленіе, для пресѣченія котораго было открыто означенное медрессе.

Въ *г. Хайларѣ* (Манчжурія) послѣ обыска *закрытъ* мусульманскій мектебе и арестованъ мугалимъ.

Спустя три дня по ходатайству А. Акчурина мектебе открытъ[2]).

Въ № 5 газ. „*Въ М. Мус.*“ помѣщено слѣдующее „письмо въ редакцію“ изъ деревни *Боби*:

---

1) „*Мусульманинъ*“ № 8—10 стр. 379 1911 г.

2) *Въ* „*Мірѣ Мусульм.*“ № 3. 1911г.

Пишемъ Вамъ изъ далекой, глухой деревни Боби въ надеждѣ, что о нашихъ страданіяхъ узнаютъ власть имущіе и оградятъ насъ отъ самоуправства и вопіющаго произвола мѣстной администраціи.

30-го января, въ 12 ч. ночи, къ намъ нагрянулъ нарядъ полиціи во главѣ съ жандармскимъ ротмистромъ изъ Сарапуля и произвелъ *повальный обыскъ* у муллъ и учителей нашей деревни. Были конфискованы и отправлены въ Сарапуль, находившіяся при нихъ книги, состоящія преимущественно изъ разнаго рода молитвенниковъ и учебниковъ. Арестовано и отправлено въ Сарапульскую тюрьму *5 муллъ и 9 учителей* и нѣсколько лицъ изъ сосѣдней деревни. Обращеніе чиновъ полиціи не только съ арестованными, но даже съ женщинами и дѣтьми было самое строгое, послѣднихъ они подвергали допросу... 10-го марта жандармскій ротмистръ вторично пріѣхалъ къ намъ; на этотъ разъ онъ допрашивалъ подъ угрозой малолѣтнихъ учащихся, которые испугавшись „страшнаго незнакомца“ отвѣтили ему рыданіемъ.

Муллы наши—два брата *Гибдулла и Губейдулла Боби* долгими и упорными стараніями улучшили школы: мектебе и медрессе, поставивъ въ нихъ преподаванія по новому звуковому методу.

Какъ извѣстно, преподаваніе въ нашихъ школахъ ведется не сообразно духу и требованіямъ времени. Результатомъ этого является полное непониманіе нашимъ народомъ пользы русскихъ школъ и боязливое отношеніе его къ обученію дѣтей государственному, русскому языку. Братья Боби главнымъ образомъ боролись съ этимъ заблужденіемъ народа; объясняли ему пользу, которая можетъ быть отъ знанія русскаго языка и идущихъ съ нимъ просвѣщенія и культуры и съ большими усиліями открыли двухклассную школу при мектебе.

Нужно ли говорить, что такіе скромные труженики какъ братья Боби, въ одинаковой мѣрѣ *полезны и обществу и государству?..* А между тѣмъ они сидятъ въ тюрьмѣ, какъ уголовные преступники. Семьи же ихъ брошены на произволъ судьбы и съ горькимъ плачемъ взываютъ полуголодныя старухи, женщины и дѣти о помощи къ небу справедливости. Общество наше также около 3-хъ мѣсяцевъ суще-

ствуетъ безъ муллъ и безъ учителей, вслѣдствіе чего крайне стѣснено въ своихъ религіозныхъ отправленіяхъ, а болѣе 600 учащихся остались буквально безъ учителей и сидятъ праздно.

Мы жители деревни Ишъ-Боби, думаемъ и надѣемся, что по прочтеніи настоящаго письма нашего высшіе чины администраціи, а также фракція мусульманскихъ представителей въ Государственной Думѣ примутъ зависящія мѣры къ тому, чтобы положить конецъ нашимъ страданіямъ и дать возможность учиться нашимъ дѣтямъ. Выбранный сел. Боби *Измаилъ-Аль-Халили.* 30 апр. 1911 г. С. Боби, Вятск. губ.

„*Вактъ*" сообщаетъ: уфимскіе мусульмане ужасно смущены и *возмущены дѣятельностью* учебнаго начальства края въ уфимскомъ русско-башкирскомъ 2-хъ классномъ училищѣ, которое было спеціальнымъ учебнымъ заведеніемъ для башкирскихъ дѣвочекъ. Дѣйствительно въ началѣ тамъ учились только лишь башкирки и учительницами были исключительно мусульманки. Неучебнымъ днемъ считался день *пятницы* т. е. все было такъ, какъ говорили правила отъ 26 марта 1870 г. „о мѣрахъ къ образованію инородцевъ", кажется, правила достаточно зарекомендовавшія себя,—теперь, *все это уничтожено.*

Учительницы мусульманки замѣнены *русскими*; празднуется уже *воскресенье* и въ училище принимаются *дѣвочки—русскія.* Тревога мусульманъ небезосновательна. Интересно, что скажутъ учебныя власти дальше?

Въ Казани, какъ сообщаетъ газ. „*Въ М. Мус.*" № 26 1911 г., по распоряженію инспектора Рождественскаго *уволены со службы* изъ преподавателей медрессе „*Мухамедія*" трое: *А. Мустафинъ, Ш. Шярафъ* и *Ф. Забировъ*, не взирая на то, что они имѣютъ свидѣтельство отъ Духовнаго Собранія и люди вполнѣ благонадежные. Этотъ фактъ будетъ имѣть печальныя послѣдствія для правильнаго теченія учебнаго дѣла въ медрессе „Мухамедія", которое считается образцовымъ медрессе въ Казани. Увольненія преподавателей *ничѣмъ не мотивируются, почему мѣстные* мусульмане начали ходатайствовать передъ властями о возвращеніи означенныхъ учителей.

Въ той же газетѣ, въ № 33, читаемъ слѣдующее: ученикамъ Оренбургской киргизской учительской школы *воспрещено* подъ угрозою принятія строгихъ мѣръ *посѣщать библіотеку* „Оренбургскаго мусульманскаго благотворительнаго общества“ и т. д.

Такова хроника мусульманской школьной жизни, заполняющая въ настоящее время столбцы газетъ.

Мы ограничиваемся вышеприведенными газетными замѣтками, хотя могли бы продолжить ихъ до безконечности. И эти замѣтки рисуютъ передъ нами достаточно ясно картину той школьной политики среди мусульманъ, которую ведетъ россійская бюрократія, политики дружнаго единенія органовъ министерства народнаго просвѣщенія и чиновъ жандармскаго и полицейскаго вѣдомствъ.

И вотъ въ обстановкѣ, характеръ которой достаточно обрисовывается изъ вышеизложеннаго, предполагается теперь ввести всеобщее начальное обученіе, посящее на себѣ тѣ же основныя тенденціи руссификаторскаго и миссіонерскаго характера.

Разумно-понятая внутренняя политика должна диктовать власти отказъ отъ историческихъ традицій *искусственной руссификаціи* и признаніе ниже установливаемыхъ нами положеній. Особенно теперь опасна традиціонная политика правительства, когда возрожденіе коснулось и мусульманъ Россіи, въ которыхъ также начинаетъ пробуждаться національное самосознаніе и которые начинаютъ болѣзненно чувствовать всякое даже едва замѣтное недоброжелательство по отношенію къ нимъ агентовъ власти.

Мы думаемъ, что въ школьное дѣло среди мусульманъ должны быть положены слѣдующія начала. Первымъ долгомъ чисто конфессіональныя школы, какъ школы, преслѣдующія исключительно религіозно-нравственное воспитаніе, чистота котораго должна быть неприкосновенна для всякаго посторонняго воздѣйствія, *должны быть совершенно изъяты изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія.*

Правящіе верхи во главѣ съ партіей октябристовъ любятъ ссылаться на манифестъ 17-го октября и, казалось

бы, исходя изъ этого манифеста нужно установить свободу и равенство религіозныхъ исповѣданій.

Мы думаемъ, что логическимъ слѣдствіемъ свободы и равенства религіозныхъ исповѣданій должна явиться и свобода организаціи конфессіональныхъ школъ, независимость ихъ, свобода ихъ внутренняго распорядка безъ вмѣшательства государственной власти, иначе свобода религіозныхъ вѣроисповѣданій обращается въ значительной степени въ фикцію.

Мы полагаемъ, *что полное изъятіе мектебе и медрессе изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія* и передача ихъ въ вѣдѣніе самого мусульманскаго населенія была бы единственнымъ правильнымъ рѣшеніямъ вопроса. Завѣдываніе и контроль надъ школами должны быть предоставлены самому населенію, хотя бы въ лицѣ его кореннымъ образомъ реорганизованныхъ органовъ духовнаго управленія.

И эта передача тѣмъ болѣе справедлива, что министерство народнаго просвѣщенія никогда не тратило на эти школы ни одной копѣйки, что эти школы создавались на доброхотныя даянія, иногда на послѣдніе гроши мусульманскаго населенія,

---

Переходя къ свѣтской начальной школѣ мы должны замѣтить, что если желательно введеніе всеобщаго начальнаго обученія и въ мѣстностяхъ съ мусульманскимъ населеніемъ, то необходимо, чтобы организація школьнаго дѣла не стремилась къ уничтоженію религіозныхъ, этнографическихъ и бытовыхъ особенностей населенія.

Иначе населеніе будетъ бояться руссификаціонныхъ школъ, въ которыхъ почти или совсѣмъ не будетъ удѣляться времени и средствъ на обученіе дѣтей родному языку, въ которыхъ будутъ преподавать лица во всемъ чуждыя населенію.

Русскій языкъ необходимъ, говоритъ членъ 3-ей Государственной Думы *Еникѣевъ**), для мусульманъ какъ потому, что знаніе его даетъ имъ рядъ преимуществъ въ области ихъ экономической и правовой жизни, такъ потому, что онъ служитъ средствомъ пріобщенія ихъ къ міровой куль-

*) См. его рѣчь, стеногр. отч. 1909 г.

турѣ. И нѣтъ сомнѣнія, что мусульмане уже хорошо понимающіе это, охотно станутъ изучать свой государственный языкъ. Но въ тоже время не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что языкомъ преподавательскимъ въ школѣ долженъ быть—родной языкъ. Тюрко-татарскій языкъ—основной языкъ мусульманскаго населенія сдѣлалъ не смотря на всѣ препятствія огромные успѣхи.

Десятки газетъ, сотни книгъ разнообразнаго содержанія прогрессъ даже въ области разговорной рѣчи—все это привязываетъ мусульманъ къ своему родному языку.

Если основаніемъ и орудіемъ начальнаго школьнаго образованія среди мусульманскаго населенія будетъ родной языкъ, только въ этомъ случаѣ воспринимаемыя учениками понятія религіозныя, нравственныя и научныя сдѣлаются ясными и опредѣленными для ихъ ума и будутъ имѣть благодѣтельное вліяніе на ихъ сердце и нравственное чувство.

Извѣстный педагогъ, Ушинскій, писалъ: *знаніе иностраннаго языка*, пріобрѣтенное такимъ образомъ *(т. е. путемъ устраненія родного языка) не цивилизуетъ еще человѣка*, и тотъ же Ушинскій, говоря о томъ, что сдѣлала для инородцевъ школа, лишенная родного языка, какъ языка преподавательскаго писалъ, *„хуже, чѣмъ ничего, она на нѣсколько лѣтъ задержала развитіе дитяти*, остается, правда, грамотность, лучше сказать полуграмотность и то не всегда и можетъ пригодиться къ тому, чтобы *на полурусскомъ нарѣчіи написать какую-нибудь ябеду, душу человѣка такая школа не развиваетъ, а только портитъ*“...

Русскій языкъ долженъ быть въ начальномъ училищѣ, однимъ изъ предметовъ, который усвояется черезъ посредство родного языка. Въ противномъ случаѣ, если принять во вниманіе, что ребенку крайне трудно проходить программу школы на чуждомъ ему языкѣ и что при такихъ условіяхъ преподаваніе рискуетъ свестись лишь къ усвоенію русскаго языка, не оставляя ни времени, ни силъ на развитіе дѣтей сообщеніемъ хотя бы элементарныхъ свѣдѣній общеобразовательнаго характера, то начальная школа совершенно не будетъ достигать своихъ цѣлей.

Всѣ практики школьнаго дѣла среди инородцевъ, *не зараженныя предвзятыми политическими цѣлями*, единогласно

высказываются за право гражданства родного языка въ инородческихъ школахъ. Вотъ, напр., въ Уфѣ, при уфимской земской управѣ, было устроено въ 1911 г. совѣщаніе членовъ земства, мусульманской интеллигенціи и даже плюсъ инспекторъ народныхъ училищъ по вопросамъ касающимся мусульманскихъ школъ: языкъ на которомъ должно вестись преподаваніе, программа преподаванія, размѣръ курсовъ школы, учителя и учебники. Совѣщаніе большинствомъ голосовъ утвердило, между прочимъ, слѣдующее: *въ мусульманскихъ начальныхъ училищахъ языкъ преподаванія —родной*... учителями и учительницами въ начальныхъ мусульманскихъ школахъ должны быть лица *того же исповѣданія*, имѣющія соотвѣтствующую педагогическую подготовку и образованіе *). За родной языкъ въ начальной инородческой школѣ *высказался и общеземскій съѣздъ* по школьному дѣлу въ Москвѣ лѣтомъ 1911 года.

Итакъ, если родной языкъ долженъ быть положенъ въ основу школьной программы среди мусульманъ, то и лица и учрежденія, наблюдающія за исполненіемъ этой школьной программы должны являться лицами для такой дѣятельности, и фактически способными, и достаточно компетентными.

Учрежденія, въ руки которыхъ должно быть передано свѣтское начальное образованіе въ мѣстностяхъ съ мусульманскимъ населеніемъ,—*это органы мѣстнаго самоуправленія*. Однако, нужно замѣтить, что въ настоящее время, въ мѣстностяхъ съ мусульманскимъ населеніемъ, эти органы далеко не выполняютъ свою просвѣтительную задачу и это зависитъ отчасти отъ общей неудовлетворительной постановки земскаго дѣла въ Россіи, требующаго серьезныхъ коренныхъ реформъ, а отчасти и *отъ всякихъ ограничительныхъ и стѣснительныхъ законовъ* примѣнительно къ земскимъ учрежденіямъ среди мусульманъ.

Какъ ограничиваетъ и стѣсняетъ дѣйствующее законодательство мусульманъ можно судить, хотя бы по нижеслѣдующимъ примѣрамъ:

---

*) См. „*Въ Мірѣ Мусул.*", № 10, 1911 г.

По положенію 1874 года въ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія предсѣдательствовать въ училищныхъ совѣтахъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ, а равно быть избираемыми въ члены оныхъ отъ земствъ и городовъ имѣютъ право одни только *лица христіанскаго вѣроисповѣданія.* Въ случаѣ утвержденія въ должности уѣзднаго или губернскаго предводителя дворянства *не христіанина*, предсѣдательство въ губернскомъ или училищномъ совѣтѣ, по принадлежности, переходитъ къ лицу, которое по закону вступаетъ въ отправленіе обязанностей предводителя, за его болѣзнью, отсутствіемъ, выбытіемъ изъ службы, если же и сей замѣститель окажется принадлежащимъ къ не христіанскому вѣроученію, то предсѣдательство въ названномъ совѣтѣ возлагается на старшаго изъ засѣдающихъ членовъ отъ гражданскихъ вѣдомствъ.

Если же мы примемъ во вниманіе ограничительные законы, устанавливающіе *ничтожную норму гласныхъ мусульманъ* въ мѣстныхъ самоуправленіяхъ, то станетъ яснымъ, что оказывать какое либо вліяніе на школьное образованіе въ существующихъ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ мусульмане не могутъ. Это ведетъ къ тому, что даже *земскія школы въ мѣстностяхъ съ мусульманскимъ населеніемъ не избавлены* отъ яда руссификаціи и миссіонерства.

Отсюда ясно, что реорганизація земскихъ учрежденій должна явиться предпосылкой правильной организаціи всеобщаго начальнаго обученія и, если общая реорганизація земскихъ учрежденій—это крупнѣйшій вопросъ упорядоченія внутренняго быта Россіи, то для мусульманъ еще особое значеніе принимаетъ отмѣна всѣхъ специфическихъ постановленій, касающихся ихъ, находящихся въ связи съ земскими учрежденіями.

Итакъ мы приходимъ къ слѣдующему выводу. Для правильнаго рѣшенія школьнаго вопроса въ Россіи среди инородческаго мусульманскаго населенія необходимо:

1. Отмѣна всякихъ ограничительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ въ связи съ существующей руссификаторской и миссіонерской тенденціей въ области школьнаго дѣла среди мусульманъ,

2. Передача конфессіональныхъ школъ въ вѣдѣніе органовъ реорганизованнаго на новыхъ началахъ Мусульманскаго Духовнаго Управленія.

3. Организація начальной свѣтской школы должна находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ энтографическими, религіозными и бытовыми особенностями мусульманскаго населенія, съ роднымъ языкомъ въ качествѣ преподавательскаго и, наконецъ,

4. Школы свѣтскія должны находиться въ рукахъ органовъ мѣстныхъ самоуправленій, реорганизованныхъ на широкихъ демократическихъ началахъ.

Вотъ условія, безъ которыхъ великое благо всеобщаго начальнаго образованія врядъ ли явится тѣмъ источникомъ культурно-поступательнаго движенія, которымъ оно должно быть по существу, вотъ условія, внѣ которыхъ это всеобщее обученіе не только не осуществитъ своихъ культурно-просвѣтительныхъ задачъ, а наоборотъ послужитъ яблокомъ раздора и вражды между сынами единаго государства Россійскаго. [1])

[1]) Наст. ст. была напеч. газ. „*Каспій*". 1900 г. Баку.

Содержаніе:

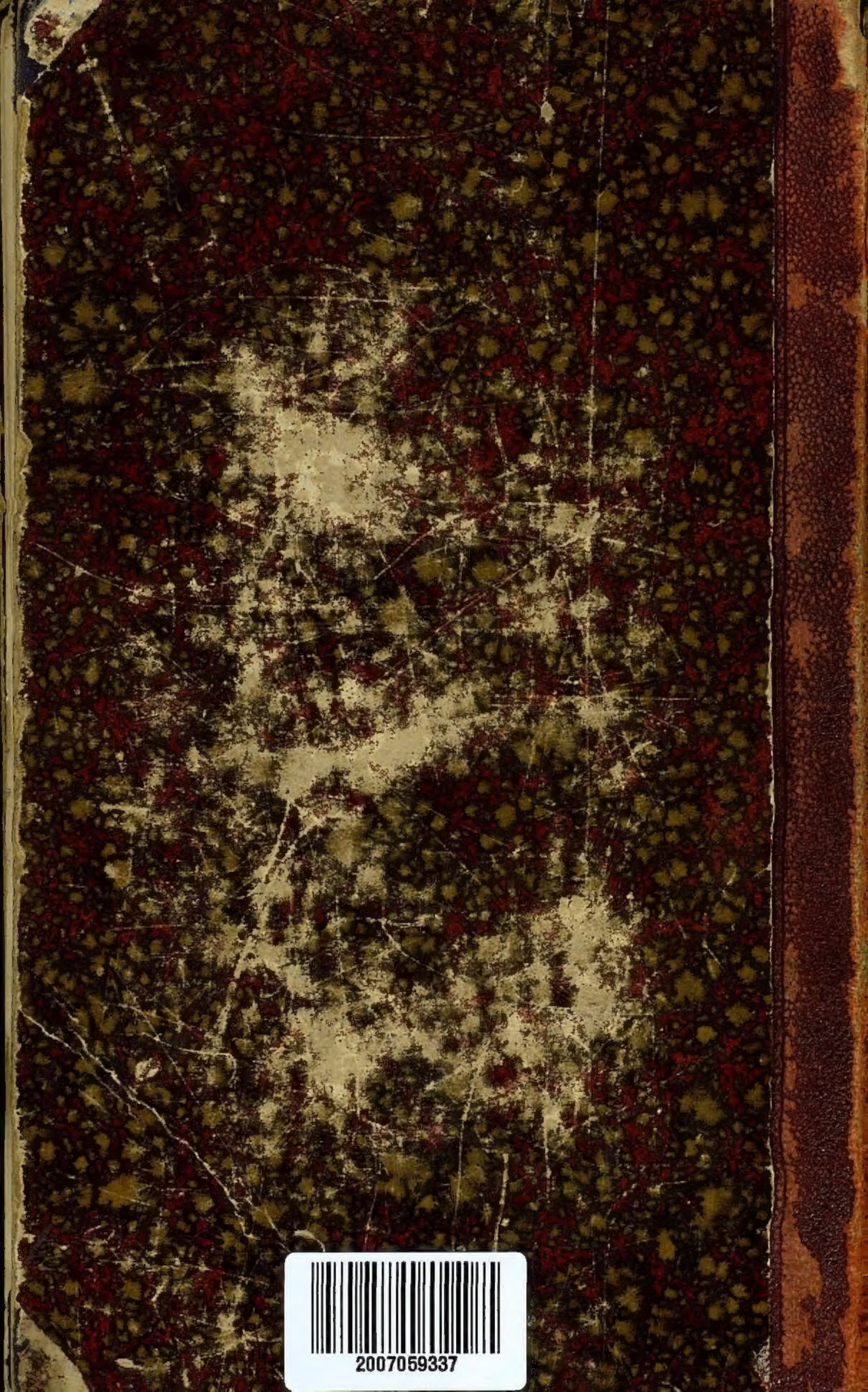
	Стр.
1. Отъ автора	3
2. Страничка прошлаго	5
3. Нѣкоторыя черты хозяйственно-бытовой жизни горцевъ	37
4. О кустарной промышленности	59
5. Бюрократія и горцы	66
6. Къ туземно-казачьей распрѣ	88
7. Крутыя мѣры	94
8. Кавказскіе разбойники	101
9. Искорененіе грабежей и разбоевъ на С. Кавказѣ	122
10. Религіозно-культурныя нужды горцевъ	147
11. О мусульманскихъ духовныхъ учрежденіяхъ	157
12. Школьная политика среди мусульманъ Поволжья	166

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

КНИГОИЗД. „ВОСТОКЪ". МОСКВА, КАРЕТНЫЙ РЯДЪ, Д. № 14, КВ. 12.
ТЕЛЕФ. 177-07.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Тип. **А. І. Теръ-Арутюнова и К°**, Тверская, 33. Телефонъ 69-67.

2007059337